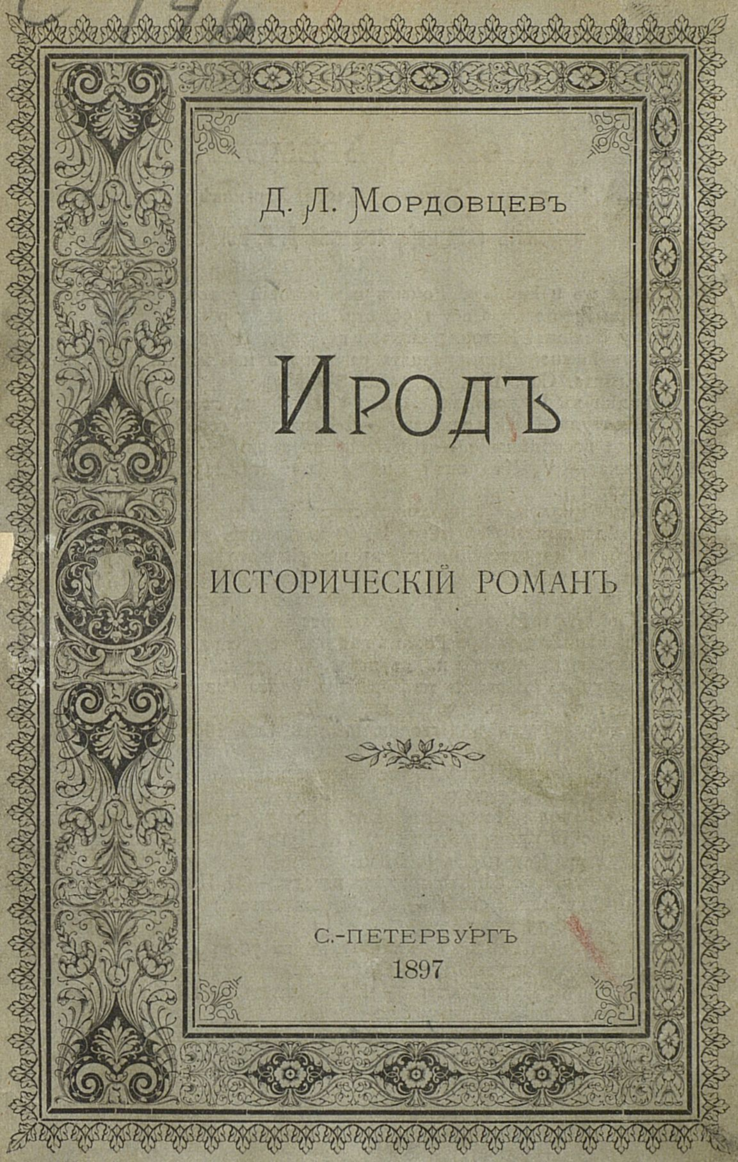
МОРДОВЦЕВ

ИРОД

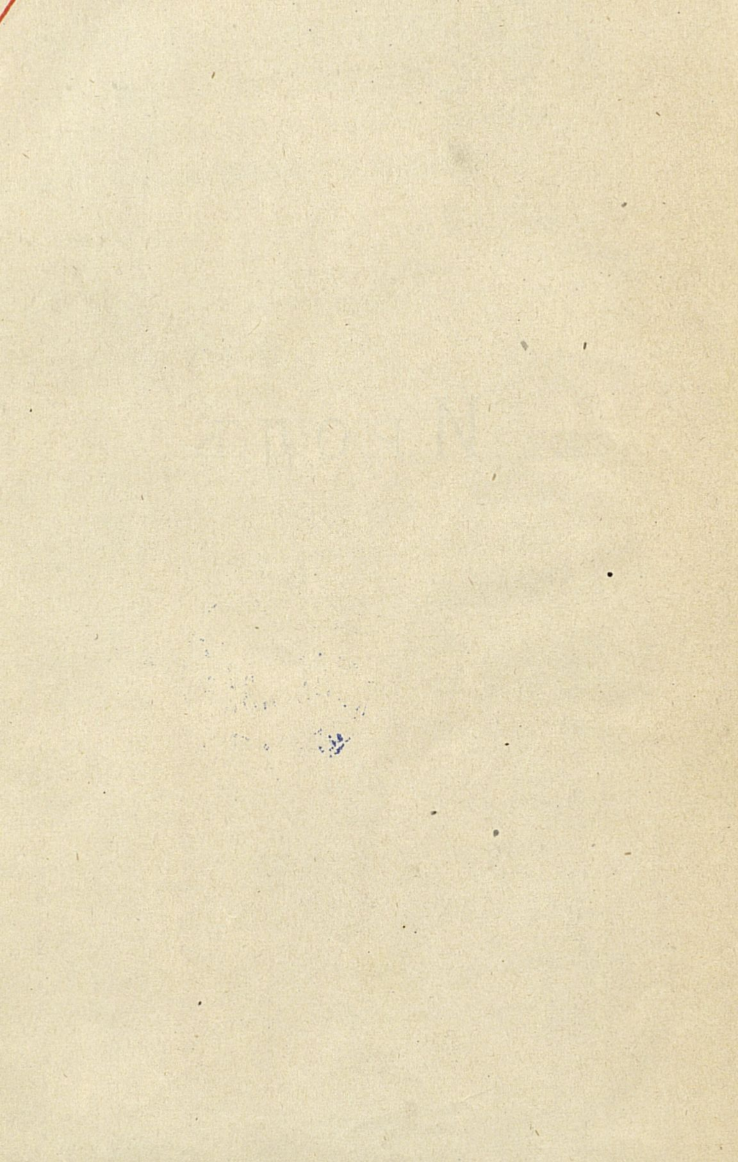
Д. Л. Мордовцевъ

Иродъ

Историческій романъ

С.-Петербургъ
1897

Иродъ

Д. Л. Мордовцевъ

Иродъ

историческій романъ

С.-Петербургъ
Типографія А. Бенке, Новый пер., д. № 2
1897

Первоначально романъ этотъ печатался въ «Новостяхъ» 1895—1896 гг.

I.

Накануне праздника великаго бога Аписа-Озириса по Александріи разнеслась весть, что на следующій день юная дочь последняго фараона, Птоломея Авлета, прекрасная Клеопатра, въ присутствіи самого бога Аписа-Озириса, получитъ венецъ Верхняго и Нижняго Египта изъ рукъ «завоевателя вселенной», непобедимаго римлянина Юлія Цезаря.

Весть эту разносили царскіе глашатаи, которые, разъезжая по городу на прекрасныхъ лошадяхъ изъ конюшенъ фараоновъ, трубили въ медныя трубы по направленію четырехъ странъ света — на востокъ, на западъ, на югъ и на северъ.

— Но наши боги не потерпятъ этого, — говорилъ одинъ молодой жрецъ къ собравшейся около него группе египтянъ: — римлянинъ передъ лицомъ великаго Озириса возлагаетъ венецъ фараоновъ на священную голову Клеопатры! — этого быть не можетъ! Давно-ли египетскія собаки пожирали на берегу нашего моря тело другого такого-же «завоевателя вселенной»!

— Это ты говоришь о Помпее? — спросилъ одинъ изъ слушателей съ медными кольцами на руке — знаками отличія храбраго воина.

— О немъ — о его нечистой падали. Я самъ видѣлъ, какъ его отрубленную голову подносили на золотомъ блюдѣ вотъ этому самому Цезарю и какъ онъ плакалъ надъ ней.

— Да чуть и съ его собственной головой не случилось того-же, если-бы не подоспѣлъ къ нему на выручку этотъ идумей Антипатръ съ своимъ сынкомъ, головорѣзомъ Иродомъ, да пергамскій царь Митридатъ, — говорилъ воинъ, сильно жестикулируя. — Что-же наша божественная царевна Клеопатра?

— Да что! — она еще почти ребенокъ — да хранятъ ее боги!

— А что-же вы, почтенные жрецы, смотрите?

— Я не у власти — есть постарше меня, — съ неудовольствіемъ отвѣчалъ жрецъ. — Да вотъ посмотримъ, какъ завтра великій Аписъ-Озирисъ позволитъ имъ топтать священные обычаи страны фараоновъ. Камни закричатъ, могучіе крокодилы выйдутъ изъ хлябей Нила, чтобы пожрать нечестивцевъ, допустившихъ такое униженіе послѣднему отпрыску нашихъ фараоновъ, свѣтлѣйшей Клеопатрѣ.

— А который годъ будетъ ей? — спросила одна молодая египтянка съ голенькимъ ребенкомъ на плечѣ.

— Да вотъ который: — она родилась въ тотъ годъ, когда послѣдній великій богъ Аписъ отошелъ на покой въ прекрасную страну запада, и погребенъ былъ въ гробничномъ мѣстѣ, въ вѣчномъ домѣ своемъ. Я помню, что тогда долго искали новаго бога — разыскивали его великолѣпіе во всѣхъ мѣстностяхъ Питоми, и по островамъ, и около озера Натъ, пока не нашли на

лугу по ту сторону Нила и торжественно ввели въ храмъ бога Пта — отца боговъ. Ну, этому будетъ уже семнадцать лѣтъ. Въ тотъ годъ еще филинъ каждую ночь кричалъ на вершинѣ пирамиды Хуфу (Хеопса).

— Чего-жъ онъ кричалъ, святой отецъ? — спросила египтянка.

— Худо предвѣщалъ странѣ фараоновъ, — былъ отвѣтъ.

— Филинъ — говорятъ — кричалъ и въ Іерусалимѣ, на Сіонѣ, передъ тѣмъ, какъ были разрушены стѣны нашего святого города вотъ этимъ нечестивымъ римляниномъ, голову котораго поднесли на блюдѣ римскому Цезарю, — вмѣшалась въ разговоръ старая еврейка изъ толпы. — Это Іегова покаралъ нечестивца.

— Ну, бабуся, нашъ богъ, великій Аписъ, посильнѣе будетъ вашего Іеговы, — презрительно замѣтилъ воинъ.

— Это быкъ-то сильнѣе Іеговы! — вспыхнула было еврейка.

Возраженіе это, по всей вѣроятности, дорого-бы стоило старой еврейкѣ, если-бы въ эту минуту на площади не показалась группа всадниковъ. Подъ ними были прекрасныя лошади, а богатое одѣяніе и вооруженіе всадниковъ показывали, что это были не египтяне и не римляне. Всадники направлялись къ той половинѣ дворца фараоновъ, въ которой находился Цезарь со свитой, съ тѣлохранителями и ликторами.

— Это властители Іудеи, — сказалъ жрецъ.

— Вонъ рядомъ съ отцомъ ѣдетъ Иродъ на бѣломъ конѣ, — замѣтилъ воинъ. — Я тотчасъ узналъ его.

— Какой онъ еще молоденькій! — удивилась старая еврейка.

— И какой красавецъ! — рѣшила египтянка.

— Охъ, быть худу, быть худу, — укоризненно качалъ головой молодой жрецъ, провожая глазами группу іудейскихъ всадниковъ. — Никогда еще Египетъ не видѣлъ, чтобы чужеземецъ осмѣлился приблизиться къ великому богу Апису. А теперь, видите-ли, римлянинъ не только предстанетъ предъ лицо сына Пта, но и будетъ вѣнчать на царство любимую дочь божества. Бѣдная сиротка Клеопатра! Ужъ лучше-бы не наставалъ этотъ роковой для Египта день.

Но день этотъ насталъ.

Отъ дворца фараоновъ какъ-бы между живою и волнующеюся изгородью изъ множества тысячъ народа, едва сдерживаемаго воинами и мацаями, медленно двигалась торжественная, поразительная своимъ великолѣпіемъ, процессія. Народныя толпы покрывали не только дворцовую площадь и сосѣднія улицы, но и крыши домовъ, куполы храмовъ, спины гигантскихъ сфинксовъ, безконечная аллея которыхъ тянулась до самаго храма бога Аписа на западной сторонѣ города въ сосѣдствѣ съ песчаной пустыней.

Процессію открываютъ два римскихъ знаменоносца. На высокихъ тонкихъ древкахъ ярко блестятъ двѣ золотыя птицы съ распростертыми какъ-бы для боя крыльями: — это римскіе легіонные орлы, которые своими металлическими крыльями облетѣли всю тогдашнюю вселенную. Несутъ ихъ какъ святыню два рыжихъ великана, которые еще маленькими были вывезены

изъ глубины Скиѳіи, выросли и воспитались въ Римѣ при домѣ Цезаря и потомъ не покидали своего повелителя во всѣхъ его безчисленныхъ походахъ.

— Точно живые сфинксы! — слышится въ толпѣ одобрительный шопотъ.

За живыми сфинксами слѣдуютъ два оркестра музыки — египетскій и римскій, которые поочередно оглашаютъ воздухъ то дикой мелодіей боевого египетскаго клича, то побѣдными маршами воинственнаго Рима, эхо которыхъ вторили когда-то и роскошныя долины Галліи, и мрачныя горы Иберіи, и непроходимые лѣса Германіи.

Вслѣдъ за музыкой медленно выступаютъ высшіе сановники и жрецы Египта въ бѣлыхъ мантіяхъ, а рядомъ съ ними — римскіе военачальники въ блестящихъ шлемахъ и латахъ, изъ которыхъ на нѣкоторыхъ виднѣлись рубцы отъ ударовъ парѳянскихъ мечей и галльскихъ копій.

Вслѣдъ за ними — плавно, ритмически колышутся въ воздухѣ, надъ головами всей многотысячной толпы, два трона на богато убранныхъ носилкахъ, несомыхъ — одинъ — двѣнадцатью эрисами — египетскими военачальниками отъ двѣнадцати номовъ страны фараоновъ, другой — римскими и галльскими воинами въ полномъ вооруженіи. Оба трона изъ слоновой кости съ золотомъ и драгоцѣнными камнями. Съ высоты одного трона какъ-бы испуганно глядитъ куда-то вдаль прелестное юное личико съ легкой діадемой надъ низкимъ лбомъ, отѣненнымъ густыми прядями шелковистыхъ волосъ. Это Клеопатра. Эту изящную головку осѣ-

няютъ своими крыльями золотыя изваянія правосудія и истины. А по сторонамъ трона — сфинксъ — эмблема мудрости, и левъ — эмблема мужества, которыми охраняется престолъ фараоновъ. Высшіе сановники Египта окружаютъ носилки своей юной повелительницы и богатыми опахалами изъ страусовыхъ перьевъ навѣваютъ на прелестную ея головку прохладу въ знойномъ, неподвижномъ воздухѣ, чуть-чуть колеблемомъ лишь дыханіемъ взволнованной многотысячной толпы ея подданныхъ. Тутъ-же, рядомъ съ сановниками, виднѣются юныя смуглыя личики дѣтей изъ жреческой касты: — они держатъ въ рукахъ царскій скипетръ, лукъ, колчанъ со стрѣлами, копье и другія регаліи фараоновъ. Непосредственно-же передъ самыми носилками Клеопатры идетъ одинъ изъ верховныхъ жрецовъ и сожигаетъ благоуханія предъ лицомъ юной повелительницы Египта и послѣдней отрасли фараоновъ.

Съ высоты другого трона смотритъ вдаль лицо Цезаря. Лицо это, еще не старое, но испытавшее и африканскій зной, и палящіе лучи сирійскаго солнца, и зной родной Италіи, непогоды Галліи и туманы далекой Британіи, лицо, изрѣзанное глубокими морщинами думъ и страстей, — представляло подобіе мраморнаго бюста, потемнѣвшаго отъ времени. Тонкія, плотно сжатыя губы, съ низко опущенными углами ихъ; бритый, какой-то жесткій подбородокъ, словно онъ вотъ-вотъ задрожитъ отъ негодованія или отъ сдерживаемаго плача; впалыя, худыя щеки съ глубокими линіями морщинъ, сбѣгающими къ опущеннымъ угламъ плотно сжатыхъ губъ; лобъ, прорѣзанный полосами морщинъ

отъ одного виска до другого, брови, какъ-бы упавшія на углубленія безстрастныхъ, словно остеклѣлыхъ глазъ; голый, точно выточенный изъ слоновой кости, черепъ,— это было живое изображеніе желѣзнаго Рима, смотрѣвшее въ пространство съ высоты другого трона, плавно колебавшагося на носилкахъ, покоившихся на могучихъ плечахъ римскихъ и галльскихъ воиновъ*).

Голый черепъ Цезаря защищала отъ египетскаго солнца тѣнь зонтика, который держалъ надъ нимъ одинъ изъ рабовъ-нумидійцевъ.

Вслѣдъ за тѣми и другими носилками шли высшіе сановники жреческаго сословія и египетскіе военачальники, а за носилками Цезаря — Митридатъ царь Пергама, Антигонъ, царевичъ іудейскій, идумей Антипатръ съ сыномъ Иродомъ и римскіе центуріоны. За всей этой процессіею двигались египетскія и римскія войска — конница и пѣхота.

Вправо отъ процессіи изъ-за головъ безчисленной толпы и изъ-за стволовъ гигантскихъ пальмъ виднѣлась спокойная поверхность моря, уходившаго въ безконечную даль, а впереди гордо высился стройный куполъ величественнаго зданія — храма Озириса и жилища бога Аписа.

Высоко въ небѣ съ жалобнымъ клектомъ кружились орлы пустыни, привлеченные необыкновеннымъ зрѣлищемъ.

Цезарь отъ времени до времени бросалъ взглядъ изъ-подъ нависшихъ бровей на Клеопатру, и, казалось,

*) Это изображеніе («бюстъ Цезаря въ старости») доселѣ можно видѣть въ музеѣ Ватикана.

жалостливая, скорбная улыбка змѣилась по его плотно сжатымъ губамъ и словно испуганная пряталась въ низко опущенныхъ углахъ ихъ. Такимъ жалкимъ, беззащитнымъ ребенкомъ казалась ему эта прелестная куколка, повелительница страны фараоновъ, наслѣдница легендарныхъ Рамзесовъ, Тутмесовъ, Аменхотеповъ!

Какъ-бы угадавъ мысли своего могущественнаго покровителя, Клеопатра съ глубокой, дѣтской нѣжностью взглянула на него, и ей невыразимо стало жаль этого скорбнаго старческаго лица, передъ взоромъ котораго трепетала вселенная. Чуткимъ сердцемъ она угадала, что не знаютъ радости въ жизни избранники судьбы, которымъ завидуетъ весь міръ. Развѣ она сама, еще такая юная, знала эти радости? Ея именемъ лилась кровь тысячъ ея подданныхъ. Ея будущая корона уже успѣла выкупаться въ потокахъ крови. А что ждетъ ее впереди? — Ея братъ...

Она снова взглянула на Цезаря. Онъ продолжалъ сидѣть подобно мраморному изваянію. Нѣсколько сгорбившійся станъ его и осунувшіяся плечи, поверхъ латъ, облегали широкія складки бѣлой тоги съ широкими пурпурными каймами по всему подолу и по краю разрѣза на груди. Этотъ пурпуръ на бѣломъ фонѣ былъ такого яркаго кричащаго цвѣта, что, казалось, вся фигура всемогущаго Цезаря была облита кровью...

— «Въ крови народовъ купалась эта тога, — невольно думалось Клеопатрѣ: — она обагрена и галльской, и пароянской, и римской кровью... А египетской?..»

Иродъ, слѣдуя на своемъ бѣломъ идумейскомъ конѣ за носилками Цезаря, не спускалъ съ него

восторженныхъ, жадныхъ глазъ. Даровитый, честолюбивый юноша, онъ страстно завидовалъ всесвѣтной славѣ римскаго тріумвира и мечталъ подражать ему въ жизни: — онъ уже видѣлъ, въ разгоряченномъ воображеніи, у ногъ своихъ всю Іудею, Самарію, Галилею, мало того — всю Сирію, Финикію, Вавилонъ, всю Азію, весь міръ до крайнихъ его предѣловъ... Іерусалимъ — новый Римъ, но еще болѣе могущественный...

А дикая музыка все неистовѣе и неистовѣе оглашала знойный воздухъ.

— Богъ идетъ! — богъ идетъ! — великій Аписъ! — дрогнулъ воздухъ отъ криковъ толпы, заглушившихъ музыку.

II.

Отъ храма Озириза надвигалась встрѣчная процессія вмѣстѣ съ Аписомъ.

Шествіе открывалъ верховный жрецъ, который сожигалъ благоуханіе на богатомъ золотомъ треножникѣ, несомомъ служителями Аписа.

За нимъ двадцать другихъ жрецовъ несли священные предметы богослуженія — снопъ пшеницы, золотой серпъ, систры, сосуды съ елеемъ, благовонными маслами, золотую клѣтку съ четырьмя священными птицами, изображенія священныхъ жуковъ, пчелъ, кошекъ, змѣй, ибиса.

Слѣдующіе за ними жрецы, числомъ болѣе тридцати, несли на рукахъ изображенія фараоновъ — предковъ Клеопатры, которые должны были принимать участіе въ своемъ семейномъ и всенародномъ торжествѣ.

Клеопатра съ умиленіемъ и грустью смотрѣла съ высоты своего трона на этотъ сонмъ приближавшихся къ ней предковъ.

Впереди всѣхъ — изображеніе перваго фараона имени Птоломеевъ — Птоломея I Сотера Лага, полководца и сподвижника Александра Македонскаго.

Какъ часто, еще маленькой дѣвочкой, въ сопровожденіи своего учителя, верховнаго жреца Озириса, и братьевъ, Клеопатра посѣщала храмъ этого бога, гдѣ стояли изображенія ея предковъ, всѣ дѣянія которыхъ она такъ хорошо изучила при помощи своего наставника, а потомъ дополнила эти знанія, прочитавъ въ дворцовой библіотекѣ уже взрослою дѣвушкой семейную хронику Птоломеевъ! Какъ при этомъ она полюбила нѣкоторыхъ предковъ и какъ возненавидѣла другихъ!

Вотъ рядомъ съ отцомъ, сынъ Лага — Филадельфъ. Какъ любила она этого славнаго фараона! Онъ расширилъ богатую библіотеку ея родного города. Къ нему, къ его двору, стекались ученые, философы и поэты всего міра. Его могущественный флотъ доходилъ до Индіи.

Вотъ Птоломей Эвергетъ, котораго походы въ Сирію и Персію такъ восхищали мечтательную дѣвочку.

А вотъ его жена — красавица Береника. Для маленькой Клеопатры это былъ образецъ женщины. Какой умъ! какая красота! — а какая дивная коса! Недаромъ астрономы перенесли эту чудную косу на небо и дали одному созвѣздію названіе «Волóсъ Береники». Маленькая Клеопатра любила отыскивать это созвѣздіе на небѣ, недалеко отъ Арктура, и часто засматривалась на него.

— Ахъ, если-бы у меня была такая коса! — мечтала удивительная дѣвочка, и страстно желала, чтобъ и ея имя впослѣдствіи прославилось также, какъ имя ея прабабушки.

Бѣдная дѣвочка не знала, что ея имя будетъ гремѣть на землѣ цѣлыя тысячелѣтія, тогда какъ имя Береники останется только на картахъ звѣзднаго неба, да въ каталогахъ небесныхъ свѣтилъ... Бѣдная дѣвочка не знала, что... Бѣдная Клеопатра!

— Гнусный убійца! — невольно шептали теперь ея губы при видѣ изображенія Птоломея IV Филопатора: — ты отравилъ своего славнаго отца, Эвергета... Ты убилъ свою мать, божественную Беренику! — ты умертвилъ своего брата, свою жену Арсиною! — И я должна теперь смотрѣть на твое изображеніе.

Передъ нею всѣ тринадцать Птоломеевъ съ ихъ женами, дѣтьми.

Взоръ Клеопатры останавливается на изображеніи послѣдняго Птоломея — ея отца, Птоломея XIII Аулета.

— Бѣдный, бѣдный! — шепчутъ ея губы. — Какъ онъ меня любилъ, какъ ласкалъ: — «Пальмочка моя гибкая! змѣйка нильская! нѣжный цвѣточекъ лотоса!...».

За этими мыслями она и не замѣтила, какъ остановилось ея шествіе въ виду приближенія самого божества. Статуя его возвышалась на носилкахъ, еще богаче чѣмъ ея собственныя. Носилки покоились на плечахъ жрецовъ, которые махали надъ божествомъ опахалами изъ страусовыхъ перьевъ и вѣтвями деревьевъ, перевитыхъ цвѣтами.

За этими носилками, на довольно значительномъ разстояніи, шелъ самъ Аписъ, массивный бѣлый быкъ, передъ которымъ также курили ѳиміамъ.

При видѣ этого живого бога, и Клеопатра, и Цезарь немедленно сошли съ носилокъ.

Но что вдругъ сдѣлалось съ Аписомъ? — До сихъ поръ быкъ шелъ медленной, грузной, лѣнивой походкой. Добрые, простодушные глаза животнаго кротко смотрѣли и какъ-бы робко спрашивали шедшихъ около него жрецовъ: — скоро-ли ему дадутъ ѣсть? — гдѣ тотъ вкусный снопъ свѣжей пшеницы, которой его всегда кормили во время этихъ скучныхъ церемоній? — То-ли дѣло въ храмѣ, въ своемъ стойлѣ! — жуй пшеницу и всякое зерно сколько душѣ угодно. А тутъ — на! — жди, голодай, да еще нюхай этотъ проклятый дымъ благоуханій... Ужь этотъ ему дымъ! — ужь эти противные жрецы! — А ничего не подѣлаешь: нюхай вонючій дымъ, иди, куда тебя ведутъ, а иначе не дадутъ даже соломенки... А у бога съ голоду брюхо подводитъ. Шутка-ли! — со вчерашняго вечера не кормили...

И вдругъ жрецы замѣчаютъ, что кроткіе глаза Аписа превращаются въ злые. Быкъ, глядя впередъ, сердито трясетъ головой. Хвостъ его безпокойно бьется о жирныя бедра, о ноги... Быкъ начинаетъ упираться.

Жрецы въ недоумѣніи, въ страхѣ... Что съ нимъ сдѣлалось? — Божество гнѣвается... И это во время такой торжественной процессіи!..

Волненіе жрецовъ переходитъ на народъ... Всѣ со страхомъ переглядываются...

Аписъ, видимо, свирѣпѣетъ... Онъ остановился, нагнулъ свою громадную голову, и начинаетъ потрясать страшными рогами...

Клеопатра поблѣднѣла... Что съ нимъ? — что съ богомъ? — Онъ не признаетъ ея...

Животное начинаетъ злобно ревѣть, рыть ногами землю... Вотъ-вотъ бросится!..

— О! о! — пронесся ужасъ въ толпѣ: — богъ гнѣвается! — о, горе, горе! горе Египту!

— Я говорилъ вчера, что божество этого не потерпитъ... Великій Аписъ не хочетъ видѣть нечестивыхъ римлянъ... Не даромъ филинъ кричалъ на пирамидѣ Хеопса...

Въ этотъ моментъ къ Цезарю подходитъ одинъ старый центуріонъ.

— Скинь тогу, великій Цезарь, — шепчетъ онъ: — видишь, глупый быкъ не выноситъ краснаго цвѣта — пурпура твоей тоги... Я служилъ въ войскѣ Серторія, въ Иберіи (Испаніи) — такъ знаю этихъ глупыхъ животныхъ... Всякій красный лоскутъ приводитъ ихъ въ ярость.

— Хорошо — спасибо, — улыбнулся Цезарь презрительной улыбкой, и движеніемъ обѣихъ рукъ перекинулъ тогу за плечи: — пурпуръ и животнымъ страшенъ...

Движеніе Цезаря не скрылось отъ Аписа. Онъ разомъ весь дрогнулъ. Стоявшіе впереди его жрецы испуганно бросились въ сторону, уронивъ на землю изображенія нѣкоторыхъ фараоновъ и священные предметы.

— О, великіе боги! милосердый Озирисъ! матерь Изида! — прошелъ стонъ по толпѣ зрителей.

— Горе землѣ фараоновъ! — погибель Египту.

Но разъяренный быкъ вдругъ успокоился. Закинутыя за спину полы тоги, закрывъ пурпуръ ея каймы, открыли грудь Цезаря, закованную въ блестящія латы.

Аписъ глядѣлъ на него изумленными, но не злыми глазами. Жрецы ободрились. Толпа облегченно вздохнула.

— Богъ успокоился... Онъ простилъ дерзкихъ иноземцевъ.

— Нѣтъ, римлянинъ чарами ослѣпилъ великаго Аписа-Озириса.

Клеопатра все еще испуганно озиралась. Но Цезарь успокоилъ ее.

— Не бойся, царица,—тихо сказалъ онъ.—Это мой пурпуръ встревожилъ такъ божество Египта, но не я лично.

Прервавшаяся-было церемонія продолжалась снова.

Верховный жрецъ, овладѣвъ своимъ волненіемъ, громко возглашаетъ гимнъ божеству. Тогда, по его знаку, другіе жрецы, которые несли священные предметы — снопъ пшеницы, золотой серпъ, сосудъ съ елеемъ, клѣтку съ священными птицами и т. д., и тѣ, которые несли изображенія предковъ Клеопатры, дѣлаютъ полукругъ около Аписа, который не сводитъ умильныхъ глазъ съ снопа сочной пшеницы, и тоже поворачивается вслѣдъ за жрецами и вкусной приманкой — соблазнительнымъ снопомъ.

Теперь Клеопатра и Цезарь очутились позади Аписа и послѣдовали за нимъ по направленію къ храму Озириса. За ними двинулись Антигонъ, идумей Антипатръ съ сыномъ Иродомъ, Митридатъ пергамскій, эрисы и римскіе знаменоносцы съ легіонными орлами, съ царскими носилками и, наконецъ, войска и народъ, который, впрочемъ, уже опережалъ процессію и нестройными толпами спѣшилъ къ храму, спотыкаясь

о попадавшіеся на пути сфинксы, падая, славословя своихъ боговъ, толкая другъ дружку и бранясь на всѣхъ языкахъ Египта, Нубіи, Финикіи и Сиріи.

Голова процессіи достигаетъ, наконецъ, храма и останавливается, не вступая въ него. Жрецы съ священными предметами и съ изображеніями предковъ Клеопатры располагаются полукругомъ, такъ что Клеопатра и Цезарь остаются въ головѣ этого полукруга. Въ центрѣ-же его становится золотая клѣтка съ священными птицами, а передъ нею — Аписъ рядомъ съ верховнымъ жрецомъ. По другую сторону клѣтки, лицомъ къ Апису и ко всему сонму присутствующихъ, помѣщаются два жреца, изъ которыхъ у одного въ рукахъ снопъ пшеницы и золотой серпъ.

Аписъ, окончательно успокоившійся, продолжаетъ смотрѣть на пшеницу. Онъ умный богъ и ждетъ теперь терпѣливо. Онъ знаетъ, что какъ только выпустятъ птичекъ изъ клѣтки, ему тотчасъ-же дадутъ эту вкусную пшеницу. Не даромъ-же жрецы цѣлую недѣлю подготовляли его къ этой церемоніи — репетировали съ нимъ обрядъ вѣнчанія на царство. — Что дѣлать! — надо ждать, надо покоряться жрецамъ, хоть онъ и богъ...

— Вы, чада великаго Озириса, геніи и покровители четырехъ странъ свѣта! — возглашаетъ между тѣмъ верховный жрецъ: — несите на вашихъ легкихъ крыльяхъ радостную вѣсть всѣму міру, — повѣдайте востоку и западу, сѣверу и югу до крайнихъ предѣловъ земли, что божественная дочь великаго фараона Аулета — да живетъ онъ вѣчно въ жилищѣ Озириса! — юная

Клеопатра вѣнчается вѣнцомъ верхней и нижней страны фараоновъ.

При этомъ онъ открываетъ, одну за другой, четыре дверцы золотой клѣтки, по дверцѣ на каждую изъ четырехъ странъ свѣта, и четыре священныя птицы одна за другой выпархиваютъ, и, испуганныя возгласами толпы, быстро разлетаются въ разныя стороны. Изъ толпы раздаются радостные крики.

— Смотрите! — эта полетѣла къ Чатъ-Уръ, на «великія зеленыя воды» (Средиземное море): — вонъ, все выше и выше поднимается посланецъ великаго Озириса.

— А та полетѣла на Хонноръ (Сахара) и Катабатмосъ — на западъ земли.

— А эта въ страну Кушъ и Тахонтъ (Еѳіопія и Суданъ).

— Нѣтъ — въ священную страну Пунтъ, откуда привозятся благовонія.

— А гдѣ четвертая? — Ея не видать.

— А вонъ — вонъ — смотрите! — она понеслась на Мафку (часть Аравіи).

— А теперь повернула къ великому морю — къ синимъ водамъ Секота.

— Вѣнчаютъ! вѣнчаютъ! — несутъ вѣнецъ фараоновъ!.. Что это? — передаютъ его римлянину!

Дѣйствительно, одинъ изъ жрецовъ подходитъ къ Цезарю и подноситъ къ нему на блюдѣ золотую изящную коронку — вѣнецъ Верхняго и Нижняго Египта. Цезарь дѣлаетъ знакъ великанамъ-скиѳамъ, которые и подходятъ къ нему съ легіонными орлами.

— Именемъ сената и народа римскаго склоните орловъ Рима надъ вѣнцомъ фараоновъ! — торжественно возглашаетъ Цезарь.

Легіонные орлы склоняются надъ вѣнцомъ.

— Какъ осѣняютъ эти золотыя птицы вѣнецъ фараоновъ, такъ непобѣдимые легіоны Рима будутъ осѣнять и защищать отъ всѣхъ враговъ прекрасную страну фараоновъ, — снова возглашаетъ Цезарь.

Потомъ онъ беретъ съ блюда вѣнецъ и передаетъ его верховному жрецу.

— Именемъ сената и народа римскаго я повелѣваю возложить вѣнецъ фараоновъ на священную голову дочери послѣдняго фараона — Клеопатры, — говоритъ онъ, и велитъ склонить легіонныхъ орловъ надъ ея хорошенькой головкой. Смуглыя щечки Клеопатры вспыхнули заревомъ, когда верховный жрецъ надѣлъ на ея голову золотую, сверкавщую драгоцѣнными камнями Индіи, корону ея предковъ.

При видѣ этой сцены юный, честолюбивый идумей Иродъ положилъ въ своей душѣ завѣтъ, что и онъ будетъ царемъ Іудеи, Самаріи и Галилеи — во что-бы то ни стало.

— «По рѣкамъ крови и по грудамъ труповъ дойду до царскаго трона!..»

Теперь Клеопатра, приблизившись къ жрецамъ, державшимъ снопъ пшеницы и золотой серпъ, взяла послѣдній изъ рукъ жреца и срѣзала нѣсколько колосьевъ пшеницы, сколько могла захватить ея маленькая ручка. Морда Аписа жадно потянулась къ этой горсти сочнаго корма. — «А! теперь-то дадутъ! — весь

снопъ дадутъ!» — казалось говорили его повеселѣвшіе глаза. — И ему дали, и онъ жадно жевалъ сочные, зрѣло налившіеся колосья пшеницы.

— Богъ принялъ жертву! — пронесся радостный говоръ по толпѣ. — Аписъ-Озирисъ кушаетъ... Урожай пшеницы будетъ обильный.

— Слава великому Апису-Озирису! — слава новому фараону — царицѣ Клеопатрѣ! — кричали египтяне.

— Слава сенату и народу римскому! — возглашали воины Цезаря. — Слава великому тріумвиру Юлію Цезарю!

— «И мнѣ такъ будутъ кричать іудеи и самаряне!» — думалъ Иродъ, жадно внимая этимъ кликамъ.

III.

Хотя Иродъ былъ родомъ идумей, однако, онъ, при всей своей молодости, игралъ очень влiятельную роль въ управленiи Iудеей.

Въ то время, когда начинается наше повѣствованiе (48—49 гг. до Христа), Iудея была обуреваема внутренними смутами. Цари ея, потомки славныхъ Маккавеевъ, если чѣмъ и прославились, то только своею бездарностью и злодѣянiями. Когда Цезарь возлагалъ на хорошенькую головку Клеопатры вѣнецъ фараоновъ, съ нимъ въ Александрiи находились, какъ мы видѣли, Антигонъ, послѣднiй потомокъ Маккавеевъ, и два идумея, Антипатръ и его сынъ Иродъ. Антигонъ былъ сынъ послѣдняго царя Iудеи, Аристовула, отравленнаго приверженцами Помпея за то, что онъ принялъ сторону Цезаря. Но, кромѣ сына Антигона, у него оставался еще братъ Гирканъ, носившiй санъ первосвященника iудейскаго народа.

Антипатръ-же, хотя не былъ природнымъ iудеемъ, однако, можно сказать, игралъ судьбами Iудеи. Его громадное богатство, обширныя связи и знакомства въ Римѣ и Египтѣ, его родство съ Аретою, царемъ

Каменистой Аравіи, на сестрѣ котораго, по имени Кипра, онъ былъ женатъ, — дѣлали его всемогущимъ властелиномъ Іудеи. Отъ Кипры у него было четыре сына — Фазаель, Иродъ, Іосифъ и Ферoръ и дочь Саломея — красавица и демонъ Іудеи, если можно такъ выразиться.

Когда въ Александріи кончились празднества въ честь коронованія Клеопатры, Цезарь принималъ у себя во дворцѣ Митридата, пергамскаго царя, іудейскаго царевича Антигона и Антипатра съ сыномъ Иродомъ. Всемогущій тріумвиръ встрѣтилъ ихъ ласково, даже дружески. Несмотря на то, что онъ былъ теперь полновластнымъ господиномъ и повелителемъ величайшей и могущественнѣйшей въ мірѣ державы, онъ былъ чуждъ малѣйшаго высокомѣрія и показной важности. Въ немъ было слишкомъ много внутренняго содержанія и ума, чтобы прибѣгать къ пошлому проявленію величія, на что способны натуры неглубокія, мелкія. Это былъ скорѣе философъ-полководецъ, даровитый писатель, скромный до величія. Притомъ онъ помнилъ, что явившіеся къ нему высокіе гости сдѣлали для него очень многое: — безъ ихъ помощи его геніальная, рано облысѣвшая голова, быть можетъ, также покоилась-бы на одномъ изъ блюдъ дворца фараоновъ, какъ недавно на одномъ изъ такихъ блюдъ ему поднесли голову Великаго Помпея: — вѣдь когда Цезарь, явившись въ Александрію всего только съ пятитысячнымъ войскомъ, былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ египтянами, напавшими на него подъ предводительствомъ старшаго брата Клеопатры, только эти трое,

Митридатъ, Антипатръ и Иродъ, вынули геніальную голову римлянина, можно сказать, изъ петли. Митридатъ, прибывшій съ своимъ войскомъ изъ Сиріи, а Антипатръ и Иродъ изъ Іерусалима, повели такую бѣшеную атаку на египтянъ, что часть ихъ бросилась въ Нилъ и потонула вмѣстѣ съ братомъ Клеопатры, а остальная часть бѣжала, преслѣдуемая Иродомъ.

— Я радъ васъ видѣть, — сказалъ Цезарь, обращаясь преимущественно къ Митридату и къ Антипатру съ Иродомъ, и, повидимому, мало замѣчая Антигона.

Послѣдній понялъ это. Онъ зналъ, что Антипатръ, угождая Риму, ищетъ одного — оттѣснить отъ власти послѣднихъ потомковъ Маккавеевъ, которымъ дорога независимость Іудеи. Онъ зналъ, что властолюбивому идумею не даетъ покою іерусалимская корона, — быть хоть рабомъ въ Римѣ, но царемъ въ Іудеѣ.

Дрожа отъ волненія, онъ выступилъ впередъ.

— Всемогущій повелитель, — началъ онъ со слезами въ голосѣ: — разсуди насъ съ Антипатромъ и его сыновьями. Я — потомокъ царей Іудеи и сынъ послѣдняго царя Аристовула (онъ говорилъ медленно, какъ-бы задыхаясь и съ трудомъ подбирая слова). Его отравили приверженцы Помпея за то, что ты освободилъ его изъ мамертинской тюрьмы, съ почестями и съ двумя легіонами отправилъ въ Сирію противъ Помпея... Да, его отравили за преданность къ тебѣ, Цезарь. Бѣдный отецъ! бѣдный царь Іудеи! Его тѣло даже лишено было погребенія въ родной землѣ... Вѣрные слуги царя долго сохраняли это царственное

тѣло въ меду, пока Антоній не приказалъ отослать его въ Іудею для того, чтобы оно нашло свое вѣчное успокоеніе въ нашихъ царскихъ гробницахъ... О, великій Цезарь! слезы мѣшаютъ мнѣ говорить... Прости... За отцомъ вслѣдъ погибъ и мой братъ Александръ царевичъ: — по повелѣнію того-же Помпея ему отрубили голову... О, Іегова! Ты видѣлъ эту прекрасную голову не на блюдѣ, какъ голову его убійцы, а въ прахѣ, подъ ногою палача...

Цезарь незамѣтно вздрогнулъ. Онъ вспомнилъ голову Великаго Помпея на блюдѣ... Что ждетъ его самого?..

— Голова за голову — таковъ судъ Іеговы, — продолжалъ Антигонъ, нервно утирая слезы. — И что-же! мы, цари Іудеи, потомки славныхъ Маккавеевъ, — изгнанники! Насъ, какъ бродягъ, какъ нищихъ, великодушно принялъ Птоломей, владѣтель Халкиды... И вотъ я передъ тобою, великій Цезарь: я — жалкій проситель за себя, за мать свою, за братьевъ, за сестеръ... А тотъ, который изъ лести подвязывалъ ремни у сандалій Помпея, тотъ, который...

Антипатръ не выдержалъ. Въ немъ заговорила идумейская кровь. Иродъ тоже схватился подъ плащемъ за свой дамасскій мечъ. Но отецъ предупредилъ его. Несмотря на присутствіе Цезаря, онъ заметался какъ тигръ, и сталъ срывать съ себя одежду.

— Смотри! — захрипѣлъ онъ злобно, показывая на свои раны; — чтобъ доказать мою вѣрность великому Цезарю, я не буду прибѣгать къ словамъ; — если я даже буду молчать, мое тѣло слишкомъ громко говоритъ за меня.

Онъ стоялъ, страшный, обнаженный до пояса. Все мускулистое смуглое тѣло его было въ рубцахъ. Иныя раны были свѣже-перевязанныя.

— Смотри, — продолжалъ онъ, — это раны свѣжія, которыя еще не затянулись... Ихъ обмывали воды Нила въ тотъ день, когда великій Цезарь вводилъ Клеопатру во дворецъ ея предковъ. Изъ этихъ ранъ еще сочилась свѣжая кровь, когда изъ Нила вынули мертвое тѣло Птоломея, противника великаго Цезаря. А кто загналъ его въ Нилъ? — Вотъ этотъ идумейскій мечъ, который иззубренъ о доспѣхи египтянъ. А ты что дѣлалъ въ это время?

— Но у меня не было войска, — отвѣчалъ Антигонъ: оно оставалось въ Іерусалимѣ, у моего дяди, у первосвященника Гиркана.

— Да! — возразилъ Антипатръ. — Но дядя не прислалъ этого войска племяннику: — Гирканъ довѣрилъ его мнѣ, идумею, а не потомку Маккавеевъ. Мало того, онъ, черезъ меня, писалъ египетскимъ евреямъ, чтобы они приняли сторону Цезаря, а не сторону Птоломея.

— Вотъ его письмо, — сказалъ Иродъ, показывая свертокъ. — Повелитель! — обратился онъ къ Цезарю: — позволь мнѣ къ словамъ моего отца присоединить и мое слово. Когда мы вмѣстѣ съ этимъ человѣкомъ (онъ указалъ на Антигона) учились въ Римѣ эллинской и римской мудрости и однажды спускались съ высотъ Капитолія на Форумъ, этотъ человѣкъ, остановившись передъ изображеніемъ волчицы, кормящей Ромула и Рема, — сказалъ: — Вотъ Римъ, дѣтище вол-

чицы; въ каждомъ римлянинѣ течетъ кровь волка,— и оттого ненасытный Римъ жаждетъ пожрать вселенную; теперь Цезарь пожираетъ Галлію и Британію, Серторій — Иберію, Помпей — Сирію; они пожрали Грецію; скоро пожрутъ Египетъ. Но Іегова не допуститъ ихъ пожрать Іудею съ народомъ избраннымъ: — ему уготовано владычество надъ міромъ, а мы, Маккавеи, посланники Іеговы. Какъ Іисусъ Навинъ остановилъ солнце, такъ мы остановимъ римскихъ орловъ: — ни шагу далѣе! — Вотъ его слова, великій Цезарь.

Цезарь слушалъ молча, какъ безпристрастный судья слушаетъ тяжущіяся стороны. Антигонъ былъ блѣденъ.

— Да, сказалъ онъ глухо, — да, Иродъ, мы вмѣстѣ съ тобой учились у Цицерона краснорѣчію, и ты теперь доказалъ, что ты его ученикъ. Но если-бы бронзовая волчица, о которой ты говоришь, слышала тебя теперь, то бездушная мѣдь навѣрно воскликнула-бы: «Ты лжешь, Иродъ, передъ лицомъ Цезаря»!

Тогда выступилъ Митридатъ.

— Нѣтъ, лукавый іудей, — сказалъ онъ: — если-бы ты повторилъ эти слова передъ бронзовой волчицей, то ея металлическая лапа дала-бы тебѣ пощечину. Не ты-ли, встрѣтивъ меня у Пелузіума, когда я спѣшилъ на помощь къ Цезарю, сказалъ окружавшимъ тебя онійскимъ евреямъ: «Вотъ, идетъ евнухъ Цезаря!» и при этомъ воскликнулъ: «о, Сіонъ! да будетъ безславіе Пергама тебѣ урокомъ! А ты, евнухъ римскаго волка!— крикнулъ онъ мнѣ: — иди и скажи этому волку, что Іегова не позволитъ ему ворваться въ овчарню

избраннаго народа; — уже подали ему на блюдѣ голову другого волка — это Помпея! скоро и его плѣшивая голова будетъ гнить на томъ-же блюдѣ».

— Это онъ говорилъ такъ дерзко потому, — пояснилъ Иродъ, обращаясь къ Цезарю, — что тогда прошелъ слухъ, что римляне, будто-бы, заперты въ Брухіумѣ и скоро всѣ римляне будутъ перерѣзаны, а за твою голову, повелитель, будто-бы Птоломей обѣщалъ золота вѣсомъ, равнымъ вѣсу головы.

— Маловато, — улыбнулся Цезарь: — мою голову, когда я былъ еще почти мальчикомъ, пираты оцѣнили въ двадцать талантовъ, а я имъ далъ пятьдесятъ.

Антигонъ былъ уничтоженъ. Онъ стоялъ блѣдный, растерянный.

— Успокойся, потомокъ Маккавеевъ, — обратился къ нему Цезарь: — римскій волкъ не только не ворвется въ овчарню Іеговы, но онъ даже прикажетъ ее починить... Какая часть іерусалимскихъ стѣнъ разрушена Помпеемъ? — спросилъ онъ Антипатра.

— Разрушена часть сѣверныхъ стѣнъ и башня, — отвѣчалъ послѣдній.

— Хорошо. Отъ имени сената и народа римскаго я позволяю возобновить разрушенныя стѣны, — сказалъ Цезарь.

Антипатръ и Иродъ поклонились въ знакъ благодарности.

— Гиркана-же я подтверждаю въ санѣ первосвященника іудейскаго народа. Я знаю — народъ его любитъ. Самъ-же онъ, по кротости характера и по благочестію, достоинъ быть судьею своего народа. Ты-же,

достойный вождь Іудеи, — обратился Цезарь къ Антипатру, — избери высокій постъ по твоему собственному желанію. — Какой именно?

Антипатръ уклонился отъ прямого отвѣта. Въ душѣ онъ лелѣялъ царскій вѣнецъ.

— Великій Цезарь! — отвѣчалъ онъ послѣ недолгаго молчанія: — позволь мнѣ предоставить мѣру награды самому награждающему.

Цезарь, немного подумавъ, сказалъ:

— Ты заслужилъ высшей награды, какую только можетъ предоставить тебѣ Римъ: — именемъ сената и народа римскаго я назначаю тебя прокураторомъ надъ всей Іудеей. Этотъ актъ дружескаго союза съ Іудей я отправлю въ Римъ, дабы онъ вырѣзанъ былъ на мѣдной доскѣ и поставленъ въ Капитоліѣ вмѣстѣ съ другими государственными актами.

Иродъ, отошедшій въ эту минуту за колонны, поддерживавшія передній куполъ дворца, появился оттуда, держа въ рукахъ массивный золотой щитъ художественной чеканки.

— Щитъ этотъ, работы іерусалимскихъ художниковъ, подноситъ Іудея Риму, какъ эмблему того, что послѣдній съ этого знаменательнаго дня станетъ навсегда несокрушимымъ щитомъ первой, — сказалъ Антипатръ, передавая щитъ Цезарю.

— Что-же мнѣ остается отъ наслѣдія моихъ предковъ! — въ порывѣ отчаянія воскликнулъ Антигонъ.— Права рожденія... царственная кровь, текущая въ моихъ жилахъ... великія заслуги Маккавеевъ передъ іудейскимъ народомъ... все это попрано, забыто!

— Нѣтъ! — строго отвѣчалъ Цезарь: — права рожденія, царственная кровь въ твоихъ жилахъ, древность рода, — все это остается при тебѣ; заслуги Маккавеевъ также почтены іудейскимъ народомъ и исторіею. Но гдѣ твои личныя доблести? Что ты сдѣлалъ для Іудеи? Царскія дѣти, какъ и дѣти рабовъ, не рождаются въ порфирѣ и со скипетромъ въ рукѣ. То и другое они должны заслужить сами. Наслѣдіе отцовъ — это пагуба для ихъ дѣтей. Богатство отцовъ, слава ихъ имени, власть, скипетръ, переходя по наслѣдству къ дѣтямъ, только развращаютъ ихъ, дѣлаютъ безпечными къ оказанію личныхъ доблестей.

Въ это время въ перспективѣ между колоннами дворца показалась блестящая группа. То Клеопатра, въ сопровожденіи многочисленной свиты изъ придворныхъ и рабынь, направлялась на половину Цезаря.

Неразгаданная улыбка скользнула по серьезному лицу завоевателя.

«Какія доблести совершила эта блестящая куколка? — казалось, говорила неразгаданная улыбка. — Что сдѣлала она для Египта?.. А между тѣмъ...»

Цезарь вспомнилъ что-то, и на его морщинистомъ, цвѣта стараго пергамента, лицѣ показалась краска.

IV.

Дѣйствіе переносится въ Іерусалимъ.

На южной галлереѣ дворца іудейскихъ царей, откуда открывался прекрасный видъ на Геѳсиманскій садъ съ его столѣтними сѣдолиственными маслинами и на всю Елеонскую гору, въ тѣни навѣса сидѣла вдовствующая царевна Александра. Это была женщина еще не старая; правильныя, нѣжныя черты лица изобличали былую красоту — красоту яркую, жгучую; но годы думъ, заботъ и дорогихъ утратъ наложили на это прекрасное лицо печать унынія. Царская семья, къ которой она принадлежитъ, стала какъ-бы чуждою въ Іудеи. Назади — столько близкихъ ей покойниковъ, которыхъ она еще вчера посѣщала въ царскихъ гробницахъ. Впереди — безпросвѣтный мракъ. Что станется съ ея дорогими дѣтьми-сиротками? Ихъ дѣдушка, первосвященникъ Гирканъ — только тѣнь главы іудейскаго народа. Надъ всѣмъ господствуетъ хищная семья идумеевъ: — самъ Антипатръ, слуга языческаго Рима, прокураторъ Іудеи, — кровожаднымъ коршуномъ носится надъ несчастной страной, отягощая ее поборами въ пользу алчнаго Рима. Старшій сынъ его, Фазаель,

свилъ гнѣздо въ самомъ Іерусалимѣ и держитъ въ тѣни и первосвященника, и весь синедріонъ. Второй сынъ, Иродъ, въ качествѣ намѣстника Галилеи, льетъ кровь приверженцевъ царскаго дома. А разрушенныя стѣны Іерусалима все еще зіяютъ своими развалинами, напоминая страшные дни осады города жестокимъ Помпеемъ. Храмъ Соломона и Зерувавеля все еще стоитъ обнаженнымъ. Около Овчей купели груды неубранныхъ камней.

Царевна такъ углубилась въ свои грустныя думы, что даже не слышала дѣтскихъ голосовъ, которые спрашивали: — «гдѣ же мама? — гдѣ дѣдушка?»

И вдругъ на галлереѣ показалась прелестная дѣвочка, лѣтъ шести-семи, съ золотистыми волосами, а за нею — почти такихъ-же лѣтъ мальчикъ.

— Ахъ, мама, какъ намъ было весело! — защебетала дѣвочка, кладя руки на плечи матери.

— Гдѣ-жъ вы были такъ долго? — спросила послѣдняя.

— У пророковъ и патріарховъ, — поспѣшилъ отвѣтить мальчикъ.

— Какъ? — зачѣмъ? — да вѣдь это далеко — за Кедронскимъ потокомъ и Іосафатовой долиной.

Дѣти лукаво переглянулись.

— Это все дѣдушка, — сказала дѣвочка. — Когда ты вчера посѣщала гробницу нашего отца, дѣдушка разсказывалъ о нашихъ пророкахъ, — что они дѣлали какъ жили.

— И гдѣ они лежатъ теперь — вонъ тамъ, тамъ! — пояснилъ мальчикъ, перебивая сестру.

— Мы и просили дѣдушку, чтобъ онъ позволилъ намъ туда сходить, — торопилась дѣвочка.

— Нѣтъ, Маріамма, не сходить, а съѣздить, — снова перебилъ мальчикъ.

— Ахъ, Аристовулъ! — ты все перебиваешь, — возразила горячо дѣвочка: — я и хотѣла сказать потомъ, что мы ѣздили, а не ходили; а прежде мы думали, что пойдемъ.

— Вотъ и нѣтъ! — я не думалъ, что пойдемъ — туда далеко.

— Ахъ, Аристовулъ, — да ты не зналъ, что это далеко.

— Нѣтъ, зналъ! — нѣтъ, зналъ!

Мать невольно разсмѣялась, любуясь дѣтьми, ихъ оживленными личиками.

— Ну, дѣти, не спорьте, — сказала она, лаская и дѣвочку, и мальчика. — Пусть разсказываетъ Маріамма — она старшая; а ты, Аристовулъ, напомни ей, если она что-нибудь пропуститъ или забудетъ.

— Нѣтъ, мама, я ничего не пропущу, — возразила дѣвочка.

— А вонъ сказала-же, что мы пойдемъ, а не поѣдемъ — не унимался мальчикъ.

— Ахъ ты, спорщикъ! — погладила его мать.

— Онъ всегда такой! — надулась дѣвочка.

— Ну, ну — полно — разсказывай, — успокаивала ее мать. — Разсказывай-же... Такъ вы поѣхали...

— Да, мама. — Утромъ, когда мы встали и насъ одѣли...

— И я выпилъ свое козье молоко, — не вытерпѣлъ Аристовулъ.

— Ахъ! опять! — мама!

— Да ты пропустила козье молоко... А мама сказала, чтобы я...

— Ну, Аристовулъ, — ты совсѣмъ глупый мальчикъ, — стараясь не разсмѣяться, сказала Александра. — Козье молоко совсѣмъ не относится къ вашей поѣздкѣ. — Ну, хорошо, — утромъ васъ одѣли...

— А дѣдушка велѣлъ осѣдлать нашихъ осликовъ и сказалъ раби Элеазару, чтобы онъ ѣхалъ съ нами и показалъ намъ гробницы нашихъ патріарховъ и пророковъ. Мы и поѣхали черезъ Овчія врата къ Кедронскому потоку, и намъ всѣ кланялись и говорили: — вотъ внучка и внучекъ нашего первосвященника...

— Нѣтъ, — прежде говорили «внучекъ», а потомъ «внучка», — снова вмѣшался Аристовулъ: — меня первымъ называли, а тебя послѣ.

— Ну, все равно, — остановила его мать, — замолчи.

— Ну, мы и поѣхали; ѣдемъ, ѣдемъ, ѣдемъ, — продолжала маленькая Маріамма, точно сказывая сказку.

— А вотъ и забыла, — не унимался маленькій Аристовулъ; — а Овчая купель? — какъ тамъ овечекъ купаютъ.

— Ахъ, мама! — какія тамъ хорошенькія овечки! — воскликнула Маріамма. — И ихъ всѣхъ рѣзать будутъ въ жертву Іеговѣ... Ахъ, мама! зачѣмъ Іеговѣ овечки?

— Онъ принимаетъ ихъ какъ жертвоприношеніе: — онъ любитъ кадильное благоуханіе и дымъ отъ всесожженій, — такъ надо, такъ завѣщали намъ отцы наши — Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, — наставительно сказала Александра. — Ну, что дальше?

— Дальше — мы переѣхали Кедронскій потокъ, потомъ рабби Элеазаръ показалъ намъ гробницу Іосафата, а немножко дальше гробница Авессалома...

— А Авессаломъ, мама, былъ нехорошій — отца неслушался, — опять перебилъ Аристовулъ.

— Я сама это хотѣла сказать, а вотъ ты такъ забылъ... Что́! что́! обрадовалась Маріамма. Когда мы, мама, проѣзжали мимо Геѳсиманскаго сада, то оттуда вышла старенькая женщина и бросила подъ ноги нашимъ осликамъ пальмовыя вѣтви, а въ руки намъ подала по масличной вѣтви, а потомъ поцѣловала края нашей одежды и сказала: — «бѣдныя царскія дѣтки-крошки! — ихъ ограбили идумеи». А когда мы спросили раби Элеазара, какіе это идумеи, онъ сказалъ, что Антипатръ, Фазаель и Иродъ. Какъ они насъ ограбили? — спросила я раби Элеазара. А онъ сказалъ, что намъ еще рано это знать.

Александра грустно улыбнулась и поспѣшила свести разговоръ на другое.

— Что-жъ, дѣточки, — вы поклонились и гробамъ нашихъ пророковъ? — спросила она.

— Да, поклонились, мама, — разомъ отвѣчали дѣти. — Какъ тамъ страшно!

— А оттуда, мама, мы возвращались не черезъ Овчія врата, а раби Элеазаръ провелъ насъ черезъ Золотыя и черезъ храмъ, — поспѣшилъ заявить Аристовулъ. — А осликовъ нашихъ взяли рабы и повели домой.

— А когда мы проходили черезъ дворъ храма, то многіе кричали «осанна! осанна!» — и давали намъ дорогу какъ большимъ, — гордо заключила Маріамма.

Въ это время въ концѣ галлереи показалась внушительная фигура старика въ первосвященническомъ одѣяніи, съ повязкой на головѣ и съ жезломъ въ рукѣ.

— Дѣдушка! дѣдушка! — радостно закричалъ Аристовулъ.

— Мы были у патріарховъ и пророковъ, — съ своей стороны заявила Маріамма, бросаясь навстрѣчу къ старику и поднимаясь на цыпочки, чтобъ поцѣловать его бороду.

Это былъ Гирканъ, первосвященникъ, братъ покойнаго царя Аристовула II, отравленнаго приверженцами Помпея, и дядя Антигона, котораго мы уже видѣли на коронаціи Клеопатры и на аудіенціи у Цезаря. Высокій ростъ, длинная патріаршая борода и плавныя движенія дѣлали видъ его внушительнымъ, однако, мягкое, добродушное выраженіе лица и кроткіе, какъ-бы робкіе глаза изобличали, повидимому, отсутствіе энергіи и стойкости. Самый отказъ его отъ престола въ пользу младшаго брата, Аристовула, какъ-бы свидѣтельствовалъ объ отсутствіи въ немъ качествъ государственнаго человѣка.

Дѣти очень любили его и тотчасъ-же завладѣли старымъ первосвященникомъ, болтая о своей поѣздкѣ къ гробницамъ патріарховъ и пророковъ и перебивая другъ дружку. Гирканъ-же только любовно улыбался и повторялъ: — «ну-ну, козляточки, не торопитесь, не скачите такъ, — дайте съ матерью поздороваться».

— Куда это, отецъ, ты собрался? — спросила Александра, цѣлуя руку свекра.

— Въ синедріонъ, голубка, въ синедріонъ, — отвѣчалъ первосвященникъ, опускаясь на невысокое рѣзное кресло.

— Но сегодня, кажется, не судный день?

— Экстренно судный, голубка, — экстренно... Да вы не щиплите мнѣ бороду, козлята; — всю вырвите,— отбивался онъ отъ дѣтей. — Сегодня судъ назначенъ надъ этимъ наглымъ самоуправцемъ — надъ Иродомъ. Онъ стоитъ, чтобъ распять его на крестѣ, какъ простого разбойника, — и я это сдѣлаю, клянусь Богомъ Авраама, Исаака и Іакова.

Эти слова такъ поразили Александру, что она сразу не могла прійти въ себя отъ изумленія. Иродъ, котораго имя, несмотря на его молодость, гремѣло уже по всей Іудеѣ, Самаріи и Галилеѣ, — и вдругъ на крестѣ, на позорной Голгоѳѣ! И это говоритъ робкій и нерѣшительный Гирканъ! А что скажутъ Антипатръ и Фазаель? Сердце Александры забилось и страхомъ, и надеждою... Они ограбили ея дѣтей. Они отняли у ея милаго малютки наслѣдственный престолъ.

— А ты насъ, дѣдушка, пустишь на Голгоѳу посмотрѣть, какъ будутъ Ирода распинать? — спросилъ Аристовулъ, ласкаясь. — Мы съ раби Элеазаромъ...

— Замолчи-ты, несносный мальчикъ! — перебила его мать. — Какое преступленіе совершилъ Иродъ?

— Онъ ихъ много совершилъ, голубка, — разсѣянно отвѣчалъ Гирканъ, глазами показывая своему любимцу: дескать, пущу на Голгоѳу.

— А я не пойду туда, дѣдушка, — конфиденціально шепнула на ухо дѣду Маріамма. — Я боюсь.

— Дѣти! я васъ выгоню! — серьезно сказала Александра.

— Ну-ну, не сердись, голубка, — они будутъ смирно сидѣть, — успокаивалъ ее Гирканъ. — Видишь-ли, тебѣ извѣстно, что когда Цезарь назначилъ Антипатра прокураторомъ Іудеи, то онъ, отъ себя уже и съ моего разрѣшенія, опредѣлилъ Фазаеля начальникомъ Іерусалима и окрестностей, а этого разбойника, мальчишку Ирода, послалъ отъ себя намѣстникомъ въ Галилею. Ну, эти-то, Антипатръ и Фазаель, ведутъ себя хорошо, слушаются меня, во всемъ исполняютъ мою волю... Сидите тише, козлята (это къ дѣтямъ, шепотомъ). Ну, такъ Антипатръ даже, съ моего согласія, разослалъ по Іудеѣ повелѣніе, въ которомъ говоритъ, что іудеи, преданные первосвященнику Гиркану, будутъ жить счастливо и спокойно, наслаждаясь благами міра и своимъ благопріобрѣтеннымъ имуществомъ; но тотъ, кто дастъ обольстить себя мятежникамъ, тотъ найдетъ въ немъ, Антипатрѣ, вмѣсто заботливаго друга — деспота, во мнѣ-же, въ первосвященникѣ — вмѣсто отца страны — тирана, а въ римлянахъ и въ Цезарѣ — вмѣсто руководителей и друзей — враговъ, такъ какъ римляне-де не потерпятъ униженія того, кого они сами возвысили.

— Да, онъ хитрый, этотъ идумей, — какъ-бы про себя замѣтила Александра.

— А старушка изъ Геѳсиманскаго сада сказала намъ, что онъ насъ ограбилъ, — прозвенѣла вдругъ Маріамма, соскакивая съ колѣнъ дѣда.

— Что? — что, козочка? — удивился послѣдній.

— Ну, объ этомъ послѣ, дорогой батюшка, — отвѣчала Александра. — А ты ничего еще не сказалъ о главномъ — объ Иродѣ.

— Да, да, голубка, — я къ тому и веду рѣчь, — сказалъ Гирканъ, освобождая свою бороду изъ рукъ Маріаммы, которая начала-было заплетать ее въ косу. Тебѣ, вѣроятно, неизвѣстно, что, когда братъ мой, царь Аристовулъ, былъ отравленъ и войска его были разбиты римлянами, храбрый Іезеккія, вѣрный памяти отравленнаго царя, собралъ небольшой отрядъ отважныхъ іудеевъ, чтущихъ завѣты отцовъ, и сталъ громить пограничные города Сиріи и римскіе легіоны, пролившіе столько іудейской крови. Такъ этотъ разбойникъ Иродъ, выслуживаясь передъ намѣстникомъ Сиріи, Секстомъ-Цезаремъ, родственникомъ Цезаря-тріумвира, напалъ на Іезеккію, взялъ его въ плѣнъ съ нѣкоторыми его соратниками, и безъ всякаго суда, не донося даже мнѣ, казнилъ собственною властью. А — каковъ мятежникъ!

— Да, точно ты и не первосвященникъ, не глава, не отецъ іудейскаго народа — это ужасно! — качала головою Александра.

— Да, да! — вдругъ разгорячился Гирканъ. — И этого разбойника вдругъ начали прославлять и сирійцы, и римляне... «Герой Иродъ!» — кричатъ вездѣ. Даже въ моемъ царскомъ дворцѣ тайные соглядатаи и рабы римлянъ перешептываются: — «быть царемъ Ироду». Преданные мнѣ слуги давно говорятъ: — «ты, царь, выпустилъ напрасно изъ рукъ своихъ возжи. Ихъ ловкою рукою схватилъ Антипатръ съ Иродомъ и Фазаелемъ, а

тебѣ осталась только кличка царя и первосвященника. Доколѣ — говорятъ — ты будешь оставаться въ заблужденіи, вскармливая себѣ на гибель царей? Теперь Иродъ правитъ Іудеей, а не ты.

— Да это и правда, — подтвердила Александра: — ты, отецъ, слишкомъ добръ. Ты и внуковъ своихъ не можешь усмирить: — вонъ ужъ они на тебѣ верхомъ сидятъ.

— Да, да, прочь, козлята, — отбивался старикъ отъ дѣтей: — а то я и васъ съ Иродомъ отправлю на Голгоѳу. Но вотъ что, — продолжалъ серьезно Гирканъ: — прежде у меня не было повода казнить Ирода; а теперь есть — это его злодѣяніе въ Галилеѣ: — око за око, зубъ за зубъ, по писанію... Казнь за казнь! — сегодня онъ долженъ предстать предъ синедріонъ, и я иду судить его... На Голгоѳу! На крестъ!

Гирканъ осторожно спустилъ съ колѣнъ дѣтей, выпрямился во весь свой величественный ростъ и пошелъ къ ожидавшимъ его царедворцамъ, чтобы отправиться въ синедріонъ.

— Какой дѣдушка сегодня сердитый, — сказала Маріамма, слѣдя глазами за величавой походкой первосвященника; — онъ непремѣнно велитъ распять Ирода.

Но Александра этому не вѣрила. Она вспомнила, что жалостливый Гирканъ даже въ храмѣ, когда приводили агнцевъ на закланіе, закрывалъ глаза, чтобы не видѣть мученій невинныхъ овечекъ.

V.

Гирканъ, сопутствуемый придворными чинами, прибылъ въ синедріонъ, когда верховное судилище было уже все въ сборѣ.

Члены синедріона тотчасъ-же по лицу первосвященника замѣтили, что онъ чѣмъ-то смущенъ и даже напуганъ. Однако, всѣ почтительно встали при его появленіи.

— Миръ вамъ, — сказалъ онъ, какъ-то растерянно, и занялъ свое мѣсто.

Въ немъ теперь нельзя было узнать того добродушнаго дѣдушки, котораго за нѣсколько минутъ передъ этимъ такъ тормошили и забавляли Маріамма и Аристовулъ, и еще менѣе онъ напоминалъ того величаваго и даже грознаго первосвященника, который, собираясь идти въ синедріонъ, воскликнулъ: — «На Голгоѳу! на крестъ Ирода!»

Какъ-бы то ни было, онъ занялъ свое почетное мѣсто — нѣчто вродѣ трона. Недалеко отъ него помѣстились главы синедріона — раби Семаія и раби Авталіонъ, а по бокамъ ихъ — прочіе члены верховнаго судилища. Передъ судьями на столѣ лежали свитки законовъ и донесенія изъ разныхъ мѣстъ и городовъ Іудеи, Самаріи и Галилеи, подлежавшія обсужденію синедріона.

— Державный царь и вы, почтенные судьи синедріона! — началъ Семаія. — Намъ предстоитъ обсудить дѣянія, я скажу прямо — злодѣянія Ирода, сына Антипатра, недостойнаго намѣстника Галилеи. Вамъ извѣстно, что когда римляне, посягнувъ на независимость и даже на божескіе законы іудейскаго народа, разрушили стѣны нашего святого города и, въ лицѣ нечестиваго Помпея, вторглись даже во святая святыхъ нашего храма, а потомъ избили или разсѣяли нашихъ воиновъ — воиновъ Іеговы, — этихъ разсѣянныхъ, небольшую горсть, слабую числомъ, но сильную духомъ, собралъ около себя нашъ доблестный вождь Іезеккія, собралъ, какъ кокошъ собираетъ птенцовъ своихъ, и ободрилъ, — эта малая горсть, какъ нѣкогда горсть дружины Іегуды Маккавея, стала наносить удары врагамъ Іудеи и Іеговы, — мы надѣялись, что Богъ Авраама, Исаака и Іакова услышитъ наши молитвы и оружіемъ Іезеккіи освободитъ нашу страну отъ иноплеменнаго ига. Но надежды наши оказались тщетными — Іегова отвратилъ лицо свое отъ избраннаго народа, ибо среди насъ явился нечестивецъ, прогнѣвившій Бога отцовъ нашихъ. Нечестивецъ этотъ — Иродъ, сынъ Антипатра, котораго мы же взлелѣяли, давъ идумею мѣсто среди народа Божьяго. Этотъ сынъ пустыни, отпрыскъ исконныхъ враговъ народа Божьяго — филистимлянъ, этотъ волкъ напалъ на малое стадо наше и разогналъ его, а пастыря этого стада — доблестнаго Іезеккію — казнилъ своею властью, безъ суда, растерзалъ по-волчьи.

Маленькая, тощая фигурка Семаіи, казалось, выро-

стала по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ. Его блѣдный лобъ и серебристая борода, сдавалось, сверкали огнемъ.

Онъ остановился и сталъ къ чему-то прислушиваться.

— Слышите? — эти вопли и стенанія — они стучатся въ наши сердца, въ нашу совѣсть! — продолжалъ онъ, указывая дрожащею рукою въ пространство. — Это вопли и стенанія матерей, женъ и дѣтей тѣхъ, которыхъ жизнь отнялъ Иродъ. Вопли младенцевъ взываютъ о мщеніи — это кровь избіенныхъ вопіетъ къ намъ и къ небу.

Гирканъ сидѣлъ блѣдный, безмолвный. Рука его нервно ощупывала что-то подъ мантіею первосвященника. То было приводившее его въ трепетъ посланіе, полученное имъ сейчасъ, по дорогѣ въ синедріонъ, изъ Сиріи, отъ запыленнаго и загорѣлаго римскаго воина-гонца. То было письмо отъ намѣстника Сиріи, Секста Цезаря, который грозилъ Гиркану и всей Іудеѣ безпощаднымъ гнѣвомъ Рима, если Иродъ будетъ казненъ.

Стоны, вопли и невнятный гулъ передъ синедріономъ все усиливались. Казалось, все населеніе Іерусалима стекалось на судъ Ирода. Слышались даже глухіе раскаты голосовъ, какъ восемьдесятъ лѣтъ послѣ этого по совершенно другому обстоятельству и по отношенію къ совершенно другому лицу.

— Распять! распять его!.. — вотъ, что доносилось теперь до слуха членовъ синедріона.

— Слышите! — это голосъ народа — голосъ самого

Іеговы! — снова воскликнулъ Семаія, высоко поднимая свитки закона. — Царь! Къ тебѣ взываетъ Іегова голосомъ своего народа: — кровь за кровь — вотъ, что начертано посланникомъ Іеговы въ этихъ свиткахъ.

Ропотъ толпы усиливался. Можно было думать, что чернь ворвется въ синедріонъ.

— Царь, — останови народъ свой! — продолжалъ Семаія: — не дай осквернить свитки закона.

Блѣдный, растерянный, поднялся Гирканъ съ своего трона и нетвердыми шагами вышелъ въ преддверіе синедріона. Внизу волновалось море головъ. Крики и вопли умолкли при появленіи первосвященника.

— Дѣти! — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ: — сыны и дочери Сіона! чего вы хотите отъ меня?

Распни! распни его! — снова заревѣла толпа: — на Голгоѳу Ирода!

— Мнѣ-ли, служителю Іеговы, обагрять руки въ крови, дѣти мои! — молилъ Гирканъ.

— Кровь его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ! — отвѣчалъ народъ, подобно тому, какъ восемьдесятъ лѣтъ спустя онъ отвѣчалъ по совершенно другому обстоятельству и по отношенію къ совершенно другому лицу.

Подавленный, уничтоженный, воротился Гирканъ въ синедріонъ и безпомощно опустился на свое царственное сидѣніе. — «Что-то скажетъ грозный Римъ?» — смутно колотилось у него въ душѣ.

Между тѣмъ ропотъ толпы перешелъ въ неистовый ревъ.

— Иродъ! Иродъ идетъ! убійца! идумей! распять, распять его! — слышались вопли.

Но затѣмъ до слуха Гиркана и другихъ членовъ синедріона донеслись крики ужаса, вопли женщинъ, плачъ дѣтей.

Всѣ безмолвно переглянулись.

— Это онъ, — сказалъ раби Авталіонъ, второй членъ синедріона, высокій, благообразный старикъ съ бѣлою бородой до пояса. — А я думалъ, что онъ обратится въ бѣгство.

Въ это мгновеніе дверныя завѣсы синедріона распахнули чьи-то невидимыя руки, и передъ изумленными взорами верховныхъ судей предсталъ тотъ, кого ожидали. Это былъ юноша, не старѣе двадцати-пяти лѣтъ, статный, мускулистый, съ гордымъ выраженіемъ еще безбородаго лица, съ чѣмъ-то вродѣ презрѣнія или сожалѣнія къ беззащитнымъ старцамъ въ нагломъ взорѣ, которымъ онъ окинулъ собраніе синедріона. На немъ была пурпурная мантія, изъ-подъ которой сверкало дорогое оружіе. За нимъ въ стройномъ порядкѣ, звеня оружіемъ и щитами, вступилъ отрядъ гоплитовъ изъ его римскаго легіона.

При видѣ всего этого почтенное собраніе старцевъ точно окаменѣло. Казалось, эти пришедшіе явились, чтобы арестовать или разогнать верховное судилище.

— Миръ вамъ! — сказалъ Иродъ.

Никто не отвѣчалъ. Гирканъ судорожно мялъ подъ мантіею клочокъ папируса съ грозными словами намѣстника Сиріи. Только извнѣ доносился ропотъ толпы. Иродъ ждалъ, гнѣвно насупивъ брови. Тогда поднялся раби Семаія. Лицо его было строгое, но спокойное.

— И вы, судьи, и ты, царь мой, — началъ онъ съ ироніей въ голосѣ, — и я, наконецъ, всѣ мы въ первый разъ видимъ человѣка, который, въ качествѣ подсудимаго, осмѣлился-бы въ такомъ видѣ предстать предъ синедріономъ. До сихъ поръ обвиняемые являлись обыкновенно въ траурной одеждѣ, съ гладко причесанными волосами, дабы своей покорностью и печальнымъ видомъ возбудить въ верховномъ судилищѣ милость и снисхожденіе. Но нашъ другъ (на словѣ «другъ» ораторъ сдѣлалъ ироническое удареніе; но это удареніе, словно ударъ хлыста по лицу, вызвало багрянецъ на смуглыя щеки Ирода) — нашъ другъ Иродъ, обвиняющійся въ убійствѣ и призванный къ суду вслѣдствіе такого тяжкаго преступленія, стоитъ здѣсь въ порфирѣ, съ завитыми волосами, среди своей вооруженной свиты — онъ это сдѣлалъ для того, чтобы въ случаѣ, если мы произнесемъ законный приговоръ, а приговоръ этотъ — смерть на крестѣ на Голгоѳѣ, — такъ, чтобы въ случаѣ такого приговора, переколоть насъ всѣхъ и насмѣяться надъ закономъ.

Ораторъ остановился и обвелъ собраніе глазами, полными выраженія жалости. Онъ видѣлъ, что всѣ члены синедріона кидаютъ робкіе взоры то на Ирода, то на Гиркана. Послѣдній глядѣлъ на Ирода, какъ-бы желая сказать: — «Зачѣмъ ты пришелъ сюда, когда могъ совсѣмъ не являться на судъ? Не мы твои судьи, а ты — ты нашъ судья».

Семаія уловилъ этотъ взглядъ, и презрѣніе сверкнуло въ его добрыхъ глазахъ.

— О! — какъ-бы простоналъ онъ: — я не упрекаю

Ирода, если онъ своей личной безопасностью дорожитъ больше, чѣмъ святостью закона — кому не дорога жизнь, особенно въ ея расцвѣтѣ!.. Иродъ такъ молодъ, полонъ жизни, полонъ славы...

— Распять его! распять! — слышались возгласы за стѣнами синедріона, словно ропотъ моря.

— На крестъ его! — на Голгоѳу! — Кровь за кровь! — Кровь его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ!

Выведенный изъ терпѣнія этими криками, центуріонъ, начальникъ охраны Ирода, нагнулся къ его плечу.

— Господинъ! — шепнулъ онъ: — прикажи унять чернь, и я украшу пурпуромъ крови твой возвратъ изъ этого балагана.

Иродъ, какъ-бы презрительнымъ движеніемъ руки отгоняя муху, кинулъ: — «Не стоитъ».

Семаія понялъ этотъ почти нѣмой разговоръ и тѣмъ-же взоромъ, полнымъ жалости, обвелъ собраніе.

— Мы всѣ, — сказалъ онъ грустно, — я, вы, царь — всѣ мы виноваты въ томъ, что дозволили злу перерости насъ: — Иродъ — дѣтище нашей слабости, нашего потворства.

Онъ обратился къ Гиркану и долго глядѣлъ на него молча.

— Гирканъ! — сказалъ онъ съ горечью: — не я-ли давно говорилъ тебѣ, когда Иродъ еще былъ мальчикомъ и игралъ съ твоими дѣтьми во дворцѣ, — не я-ли предостерегалъ тебя, что ты отогрѣваешь змѣеныша у своего сердца? Теперь онъ превратился въ удава и пожретъ то, что тебѣ всего дороже: — при-

помни мое пророчество — онъ погубитъ прекраснѣйшіе цвѣтки Сіона — твоихъ внучатъ — Маріамму и Аристовула.

Въ собраніи послышался ропотъ: — «Онъ называетъ себя пророкомъ! Онъ оскорбляетъ царя!»

— Маріамму... Аристовула, — испуганно шепталъ Гирканъ: — нѣтъ, нѣтъ!

Онъ вспомнилъ, какъ Иродъ, еще до своего возвышенія, бывая во дворцѣ въ качествѣ молодого царедворца и сына могущественнаго Антипатра, любилъ забавляться съ маленькой Маріаммой и часто носилъ ее на рукахъ... Не можетъ быть, чтобы онъ погубилъ эту милую крошку...

Семаія, между тѣмъ, замѣтивъ, что члены синедріона не поддерживаютъ его, а скорѣе готовы отступиться отъ своего главы, вышелъ, наконецъ, изъ себя и поднялъ надъ головой свитки закона.

— Слушайте! — воскликнулъ онъ. — Богъ великъ! Великъ Богъ Авраама, Исаака и Іакова! Придетъ часъ, придетъ день, когда тотъ, котораго вы, въ угоду царю, хотите оправдать, васъ же погубитъ! Не пощадитъ онъ и Гиркана!

Эти слова, прозвучавшія пророческой силой, испугали членовъ синедріона,

— Нѣтъ! нѣтъ! — воскликнули многіе изъ нихъ: — не призывай на наши головы гнѣва Іеговы! Не заклинай насъ Богомъ Авраама, Исаака и Іакова! Мы не надругаемся надъ свитками закона!

Иродъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и гордо выступилъ впередъ съ угрожающимъ жестомъ.

— Я слишкомъ долгу жду! — сказалъ онъ рѣзко: — я не привыкъ стоять!

Вдругъ гоплиты, какъ-бы по сигналу, ударили въ щиты. Металлическій звукъ ихъ глухо отдался подъ сводами.

— Въ мечи! — рѣзко прозвучалъ голосъ центуріона.

Сверкнули мечи. Но Иродъ мановеніемъ руки остановилъ гоплитовъ.

— Это не парояне, — сказалъ онъ.

Послышался стонъ. Всѣ испуганно глянули на Гиркана. Голова первосвященника, мертвенно блѣдная, откинулась на спинку его сѣдалища.

— Мнѣ дурно... Я распускаю синедріонъ... отлагаю судъ до завтра...

Иродъ, никому не поклонившись, гордо оставилъ верховное судилище, окруженный гоплитами съ блестящими мечами на-голо.

VI.

Обморокъ Гиркана въ синедріонѣ былъ притворный, хотя отъ страха передъ Иродомъ и вслѣдствіе угрозъ Секста-Цезаря онъ въ самомъ дѣлѣ былъ близокъ къ обморочному состоянію. Отправляясь изъ дворца въ синедріонъ, онъ получилъ, кромѣ того, извѣстіе, что Иродъ, отъѣзжая изъ Галилеи въ Іерусалимъ на судъ синедріона, по всему своему пути предварительно разставилъ военные посты, а себя окружилъ сильнымъ конвоемъ изъ отборныхъ гоплитовъ, которыми снабдилъ его намѣстникъ Сиріи.

Поэтому, когда, распустивъ синедріонъ, Гирканъ воротился во дворецъ, онъ тотчасъ-же тайно отправилъ одного царедворца къ Ироду сказать, чтобы онъ, не дожидаясь вторичнаго призыва къ суду, немедленно отправлялся въ Галилею.

Иродъ усмѣхнулся, когда услышалъ это отъ посланнаго.

— Воробьи великодушно предупреждаютъ ястреба, чтобы онъ избѣгалъ ихъ суда и расправы, — сказалъ онъ. — Хорошо. Но скажи пославшему тебя, что я, чтя законъ и судей, явлюсь на судъ вторично, и

тогда Голгоѳа и Елеонская гора покроются дремучимъ лѣсомъ изъ крестовъ, точно лѣсомъ пальмъ, а на крестахъ будутъ висѣть тѣ, которые кричали мнѣ вослѣдъ передъ синедріономъ: «распять его! распять!»

Когда Александра увидѣла возвратившагося изъ синедріона Гиркана, она поняла все.

— Ахъ, отецъ, — сказала она, — я видѣла съ кровли дворца, съ какимъ сильнымъ отрядомъ изъ римлянъ онъ отправлялся на судъ.

— Да, голубка, — безнадежно махнулъ рукою первосвященникъ.

— Бѣдныя дѣти! — горестно вздохнула Александра, увидѣвъ входящихъ Маріамму и Аристовула.

— Дѣдушка — подбѣжалъ къ Гиркану послѣдній: — когда-же будутъ распинать Ирода?

Старикъ прижалъ къ своей груди головки дѣтей и тихо заплакалъ.

Иродъ, казалось, дѣйствительно задумалъ исполнить свою угрозу — усѣять лѣсомъ крестовъ Голгоѳу и Елеонскую гору. Когда онъ воротился въ Галилею, то Секстъ-Цезарь, въ виду возраставшаго всемогущества своего родственника, Юлія Цезаря, о которомъ дошли до Сиріи слухи, что онъ готовится возложить на себя императорскую корону, — предвидя для себя болѣе высокій постъ, рѣшилъ подготовить на свое теперешнее мѣсто Ирода и назначилъ его не только правителемъ Самаріи, но и всей Келесиріи.

Скоро въ Іерусалимѣ узнали объ этомъ, и Кипра, мать Ирода, сказала своему мужу, Антипатру.

— Мой Иродъ будетъ царемъ. Я давно объ этомъ

знала. Я знала это отъ его рожденія. Когда родился онъ, старая Рахиль, ухаживавшая за мною, принесла ко мнѣ новорожденнаго и сказала: — «Смотри — у него на головкѣ корона». И я увидала на лбу его, на нѣжной кожѣ, багровый отпечатокъ въ видѣ коронки. Рахиль тогда сказала мнѣ: — «Когда ты была еще маленькой дѣвочкой и бѣгала по каменистымъ уступамъ твоей родной Петры, одинъ пустынникъ, пришедшій отъ Синая, увидавъ тебя, сказалъ: «Она будетъ матерью царей». А я ему сказала: — «она и такъ дочь царя Каменистой Аравіи». А онъ сказалъ: «Она дастъ царей другой, болѣе могущественной и славной странѣ».

— Мы и такъ царствуемъ надъ всей Палестиной, хотя и не носимъ царскихъ вѣнцовъ, — улыбнулся Антипатръ.

Вскорѣ послѣ того въ Іерусалимѣ узнали, что Иродъ собираетъ войско, чтобы идти на Іерусалимъ. И дѣйствительно, къ Антипатру явились отъ Ирода гонцы съ письмомъ, въ которомъ Иродъ извѣщалъ отца и брата Фазаеля о своемъ неуклонномъ рѣшеніи наказать своихъ судей и дерзкую чернь, которая осмѣлилась кричать ему въ глаза: «распять его!»

«Когда великій Цезарь, — писалъ Иродъ, — шелъ съ своими легіонами изъ Галліи, чтобы наказать мятежный Римъ, то, переходя черезъ Рубиконъ, онъ воскликнулъ: «alea jacta est!» Я-же, переступивъ рубежъ Іудеи, воскликнулъ: «кресты на Голгоѳу!» Но одной Голгоѳы будетъ мало для меня. Боюсь, что и лѣсу на кресты не достанетъ».

— Юноша совсѣмъ обезумѣлъ, — сказалъ Антипатръ, прочитавъ посланіе сына. — Надо спѣшить къ нему.

— Я узнаю Ирода, — улыбнулся Фазаель. — Когда мы еще учились въ Римѣ, онъ сказалъ одному римскому воину, толкнувшему его на Форумѣ: — «Я велю повѣсить тебя, когда буду царемъ!»

Антипатръ и Фазаель, ничего не сказавъ ни Гиркану, ни членамъ синедріона объ угрозахъ Ирода, тотчасъ поспѣшили къ нему на встрѣчу. Они прибыли какъ разъ во время. Уже издали они услыхали какой-то странный гулъ въ лѣсахъ, покрывавшихъ склоны іудейскихъ горъ.

— Что это за гулъ и трескъ въ лѣсу? — спросилъ Антипатръ перваго попавшагося воина изъ іудеевъ, котораго лично зналъ отецъ Ирода.

— Это наши воины рубятъ іудейскіе лѣса на кресты для іерусалимлянъ, — отвѣчалъ воинъ.

Антипатръ и Фазаель были поражены.

— Сынъ мой! Что ты задумалъ? — воскликнулъ Антипатръ, увидавъ Ирода.

Послѣдній указалъ на нѣсколько срубленныхъ гигантскихъ пальмъ.

— Это кресты для Гиркана и для членовъ синедріона.

Антипатръ содрогнулся.

— Именемъ Бога живого заклинаю тебя, сынъ мой, смягчи твой гнѣвъ, — съ страстною мольбою заговорилъ Антипатръ. — Для кого готовишь ты эти позорные кресты? — для первосвященника и царя? — Но вспомни, что

онъ былъ для тебя? Ты почти выросъ при дворѣ Гиркана. Не при немъ-ли ты достигъ такого могущества, о которомъ не вѣдала Идумея. Ты ожесточенъ противъ членовъ синедріона? Но они исполняли только то, что имъ предписываютъ законы страны. Они намѣрены были, они должны были приговорить тебя къ смертной казни — именно, къ самой позорной, къ распятію на крестѣ. Но отъ тебя, отъ твоего могущества зависѣло не подчиниться приговору синедріона. Ты и не подчинился. За что-же казнить ихъ, когда они исполнили только долгъ свой предъ народомъ?

Иродъ упорно молчалъ.

— Что-же ты ничего не скажешь, мой сынъ, моя слава, моя гордость? — продолжалъ Антипатръ.

— Я обѣщалъ наказать ихъ, — угрюмо отвѣчалъ Иродъ.

— Но ты обѣщалъ повѣсить того римскаго воина, который — помнишь? — толкнулъ тебя на Форумѣ, и... не повѣсилъ, — съ любовью заговорилъ Фазаель, обнимая младшаго брата. — Помнишь, какъ мы учились въ Римѣ? — Вѣдь не повѣсилъ?

Иродъ вдругъ разсмѣялся самымъ искреннимъ смѣхомъ. Это былъ характеръ странный, душа какъ-бы сотканная изъ контрастовъ. Нѣжный въ душѣ, любящій, мечтательный, какъ и его мать Кипра, аравитянка, выросшая среди знойныхъ скалъ и пещеръ Петры, — онъ иногда испытывалъ порывы ужасающей жестокости. Превосходный ѣздокъ, равнаго которому не имѣли вся Идумея и даже каменистая Аравія, родина лихихъ наѣздниковъ, великолѣпный стрѣлокъ, стрѣлы и копья

котораго никогда не знали промаха, онъ, на охотѣ, въ бѣшеной скачкѣ за газелями, волками и дикими кабанами никогда не щадилъ лошадей, загоняя ихъ до смерти, и никогда не давалъ пощады дикимъ животнымъ, истребляя ихъ сотнями, а внѣ этой страсти онъ щадилъ голубя, ласточку, оказывалъ самое нѣжное вниманіе больной овцѣ, раненой или упавшей изъ гнѣзда неоперившейся птичкѣ. Страстно любя маленькую Маріамму, внучку Гиркана, боготворя это нѣжное существо, Иродъ по цѣлымъ часамъ носилъ ее на рукахъ, лелѣялъ, какъ божество; но въ самыхъ порывахъ безумной нѣжности имъ овладѣвало, моментами, иное, страшное безуміе—бросить это нѣжное, невинное созданіе съ высокой кровли дворца въ глубокій водоемъ.

Послѣ словъ брата онъ нѣсколько задумался.

— Но они обидѣли меня, унизили передъ народомъ, передъ іерусалимскою черныо,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, они творили волю закона,—возразилъ Антипатръ.—Если ты теперь казнишь ихъ, служителей Іеговы, въ глазахъ народа, то въ глазахъ этого народа ты явишься противникомъ Іеговы. А жалкій, добрый Гирканъ—за что его наказывать? Онъ своимъ притворнымъ обморокомъ въ синедріонѣ—я знаю это отъ него самого—онъ освободилъ тебя отъ суда. Онъ-же тайно совѣтовалъ тебѣ немедленно уѣхать изъ Іерусалима. Помни и то, что рѣшеніе войны—въ рукахъ Бога, а въ неправомъ дѣлѣ и войско безсильно.

— Отецъ, ты правъ,—сказалъ Иродъ покорно:— твоимъ совѣтамъ внимали и великій Помпей, и вели-

кій Цезарь. Я не хочу быть самонадѣяннѣе ихъ. Но я долженъ показать Іерусалиму и всей Іудеѣ и мое могущество, и мое великодушіе. И я это сдѣлаю.

— Но какъ? — спросилъ Антипатръ.

— Я сначала приведу ихъ въ трепетъ, а потомъ въ умиленіе.

— Хорошо — дѣлай, какъ знаешь; но только поклянись мнѣ, сынъ мой, что не сдѣлаешь зла ни Гиркану, ни синедріону, ни Іерусалиму.

— Клянусь именемъ Того, который остановилъ солнце для Іисуса Навина.

— Благодарю, сынъ мой, — сказалъ растроганный Антипатръ. — А теперь — обратился онъ къ Фазаелю — мы поспѣшимъ въ Іерусалимъ. Никто не долженъ знать, что мы видѣлись съ Иродомъ.

Утромъ слѣдующаго дня населеніе Іерусалима пришло въ такой ужасъ, какого не испытало оно даже тогда, когда городъ осаждалъ Помпей. Съ ночи городъ былъ обложенъ войсками Ирода словно желѣзнымъ кольцомъ. Мало того: — на Голгоѳѣ, на Елеонской горѣ и на всѣхъ окружныхъ высотахъ воины Ирода водружали цѣлый лѣсъ крестовъ. Невообразимый вопль и стенанія слышались по всему городу. Обезумѣвшіе отъ страху мужчины, женщины и дѣти толпами спѣшили къ храму, чтобы принести разгнѣванному Іеговѣ послѣднюю жертву передъ смертью. Въ Овчей купели не хватало ни мѣста, ни воды для омовенія жертвенныхъ агнцевъ. Дымъ отъ жертвенныхъ всесожженій облаками носился надъ городомъ и заслонялъ собою утренніе лучи солнца, которое кровавымъ шаромъ

выкатывалось изъ-за Елеонской горы, покрытой лѣсомъ крестовъ, между которыми словно горящіе факелы сверкали мѣдныя каски и щиты римскихъ гоплитовъ. Многіе раздирали на себѣ одежды и посыпали головы пепломъ изъ-подъ жертвенниковъ. Чѣмъ-то похороннымъ звучали въ воздухѣ мѣдныя трубы глашатаевъ первосвященника, которые созывали народъ ко дворцу Гиркана. Члены синедріона раньше были вызваны во дворецъ и находились уже тамъ. Туда-же спѣшили Антипатръ, Фазаель и Малихъ, начальникъ небольшого іерусалимскаго гарнизона.

Скоро ко дворцу потянулись толпы іерусалимлянъ, преимущественно женщинъ и дѣтей, которыя оглашали воздухъ невыразимымъ воплемъ. Мужчины-же, воодушевляемые служителями храма, готовились къ отчаянной защитѣ святыни — умереть съ оружіемъ въ рукахъ въ притворахъ храма и у подножія жертвенниковъ.

Все пространство около дворца, сосѣднія улицы и кровли домовъ, прилегавшихъ къ дворцу, были скоро запружены рыдающими женщинами, которыя поднимали надъ головами грудныхъ младенцевъ, какъ-бы моля небо о пощадѣ и поручая этому безжалостному небу своихъ дѣтей.

Но вотъ на возвышенной галлереѣ дворца показалась величественная фигура Гиркана въ полномъ одѣяніи первосвященника и въ сопровожденіи всего сонма синедріона.

Вопли мгновенно смолкли. Слышались только отдѣльныя рыданія. Первосвященникъ воздѣлъ руки какъ на молитву.

— Жены іерусалимскія, не плачьте! — возгласилъ онъ, какъ-бы самъ захлебываясь отъ рыданій. — Всемогущій Богъ смягчилъ сердце того, кто, въ гнѣвѣ своемъ, готовилъ намъ смертную казнь на крестѣ.

Въ это мгновеніе показывается на галлереѣ Иродъ въ порфирѣ. За нимъ выступали Антипатръ, Фазаель и Малихъ.

Кругомъ наступила мертвая тишина.

— Жители Іерусалима! — прозвучалъ въ воздухѣ металлическій голосъ Ирода. — Снисходя къ заступничеству за васъ святого отца вашего и первосвященника и внимая словамъ любви и мира высокаго синедріона, я прощаю Іерусалиму вины его передо мною, и нынѣ-же повелю снять съ окрестныхъ горъ приготовленныя мною орудія казни. Идите къ домамъ своимъ и къ своимъ мирнымъ занятіямъ.

— Осанна! осанна! осанна! — раздались радостные возгласы.

Но Иродъ не слышалъ ихъ. Онъ быстро удалился во внутренніе покои дворца.

Войдя въ тронное помѣщеніе, онъ остановился какъ очарованный. На нижней ступенькѣ, ведущей къ тронному мѣсту, словно свѣтлое видѣніе, стояла золотокудрая Маріамма. Она еще спала, когда, рано утромъ, Антипатръ, по соглашенію съ Гирканомъ, тайно ввелъ Ирода въ городъ и провелъ прямо во дворецъ, и потому невидѣла еще своего бывшаго пѣстуна и пріятеля, и только слышала, что онъ что-то говорилъ съ галлереи народу.

Дѣвочка смотрѣла какъ-то не по-дѣтски строго и не двигалась съ мѣста.

— Маріамма! дѣвочка милая! — нѣжно проговорилъ Иродъ, приближаясь и разставляя руки, чтобъ обнять ее.

Дѣвочка порывисто отстранилась отъ объятій.

— Дѣточка! — да развѣ ты не узнаешь своего Ирода? — Развѣ ты забыла, какъ я носилъ тебя на рукахъ? — Развѣ не я, твой Давидъ, спасалъ тебя отъ раби Элеазара, когда онъ, нарядившись свирѣпымъ Голіаѳомъ, въ львиной шкурѣ, хотѣлъ бывало похищать тебя? Дѣточка? — вѣдь я твой Давидъ.

— Нѣтъ, ты не мой! — быстро сказала дѣвочка и убѣжала.

Иродъ стоялъ ошеломленный.

— Какъ она выросла! — сказалъ онъ въ раздумьѣ. — Что за красота!.. Теперь я постарѣлъ для нея.

Иродъ грустно покачалъ головой.

VII.

Въ это тревожное для Іудеи время совершилось событіе, имѣвшее міровыя послѣдствія. Въ Римѣ, въ присутствіи всего сената, къ подножію статуи великаго Помпея пала геніальная голова того, кто далъ корону фараоновъ Клеопатрѣ, а Ироду очистилъ путь къ коронѣ царства Іудейскаго: — пораженный мечами друзей и недруговъ, Цезарь не успѣлъ совершить своего послѣдняго подвига — отмстить парѳянамъ за смерть своего бывшаго друга Красса, которому свирѣпые азіяты, за его жадность къ золоту, этимъ золотомъ залили ненасытную глотку. Главные убійцы Цезаря, Брутъ и Кассій, съ разрѣшенія сената, подѣлили между собою азіятскій востокъ, причемъ Кассій сдѣлался владыкою Сиріи и Палестины, а всю западную половину обширной римской имперіи стали ожесточенно дѣлить между собою всемогущій послѣ Цезаря, Антоній и юный внукъ Цезаря, хитрый, осторожный какъ старикъ, вкрадчивый до подлости мальчикъ, перехитрившій всѣхъ стариковъ — крутолобый школьникъ Октавіанъ. Страшная междоусобная война охватила міровую державу вѣчнаго города. На войну нужны

были деньги — и Кассій немилосердно сталъ грабить подчиненныя ему провинціи. Города и цѣлыя области стонали отъ его разбойничьихъ налоговъ. Когда приближенные докладывали этому тупому тирану, что народы его провинцій совсѣмъ разорены имъ, онъ нагло улыбался.

— Я оставилъ имъ солнечное сіяніе, — говорилъ онъ. — Чего-жъ имъ больше?

Очередь грабить дошла и до іудеевъ. На нихъ наложена была контрибуція въ семьсотъ талантовъ — это около полутора милліона рублей. Ловкій и догадливый не менѣе крутолобаго школьника Октавіана, Иродъ понялъ всю важность минуты, и пока Фазаель и Малихъ, понукаемые угрозами Антипатра, изъ всѣхъ силъ выбивались, чтобъ собрать наложенную на іудеевъ подать, — онъ уже успѣлъ все это содрать съ своей Галилеи и лично представилъ Кассію свою долю — сто талантовъ.

Мало того. Когда, вслѣдъ за этимъ, вспыхнула великая война между восточною и западною половинами римской державы, во главѣ которыхъ стояли: первой — Брутъ и Кассій, убійцы Цезаря, второй — мстители его великой тѣни, Антоній, и крутолобый юноша, Октавіанъ, — Иродъ съ такимъ искусствомъ игралъ свою роль, что очарованные имъ Брутъ и Кассій, угадывая въ немъ крупные таланты и воина, и администратора, немедленно довѣрили ему начальство надъ сильными отрядами конницы и пѣхоты, и, кромѣ того, Кассій обѣщалъ даже, по окончаніи войны, поставить его царемъ надъ Іудеей.

Объ этомъ обѣщаніи провѣдалъ Малихъ. Страстный по натурѣ, горячій іудейскій патріотъ, Малихъ состоялъ начальникомъ іерусалимскаго гарнизона, и видя преобладаніе въ странѣ семейства всемогущаго идумея, давно питалъ глубокую ненависть къ Антипатру и его сыновьямъ, въ особенности къ даровитому и счастливому Ироду. Теперь-же, провѣдавъ, что послѣдняго ожидаетъ царскій вѣнецъ, Малихъ порѣшилъ въ душѣ извести все семейство Антипатра, а потомъ, пользуясь слабостью и бездарностью Гиркана, самому захватить вѣнецъ Давида и Соломона.

Но какъ извести такую силу, которая въ состояніи уничтожить его самого? Открытая борьба невозможна. Это значитъ — сдвинуть съ мѣста Елеонскую гору. Надо извести ненавистныхъ идумеевъ хитростью, ловушкой, какъ изводятъ иногда львовъ заіорданской пустыни — сильной отравой, добываемой въ каменистой Аравіи. Пузырекъ съ такой отравой доставила ему когда-то одна старая арабка, сына которой онъ освободилъ изъ темницы.

Случай для приведенія въ исполненіе преступнаго замысла представился скоро. По случаю возвращенія Антипатра изъ Тира, куда онъ отвозилъ подать, собранную съ Іудеи для Кассія, Гирканъ давалъ въ своемъ дворцѣ обѣдъ въ честь Антипатра. Для Малиха это было на руку: — пусть старый идумей подохнетъ на глазахъ первосвященника, у него во дворцѣ... И Антипатръ подохнетъ и... старый Гирканъ въ подозрѣніи... А онъ, Малихъ, чистъ какъ солнце.

Малихъ зналъ, что главный виночерпій Гиркана, Рамехъ, тоже ненавидитъ идумеевъ. Онъ и обратился къ Рамеху. Онъ заговорилъ о самомъ больномъ мѣстѣ двора Гиркана, о томъ, что идумеи захватили всю власть въ свои руки и скоро захватятъ и дворецъ.

— Уже дѣло къ тому идетъ, — добавилъ лукавый іудей.

— Какъ? — удивился и испугался Рамехъ.

— Такъ! Иродъ думаетъ взять себѣ въ жены Маріамму, а Аристовула отправятъ въ Римъ заложникомъ, да тамъ порѣшитъ съ нимъ. На этомъ обѣдѣ и состоится сватовство Маріаммы.

— Но, вѣдь, она еще крошка, — возразилъ Рамехъ: — ей всего десять лѣтъ. Она еще играетъ въ куклы.

— Это ничего, добрый Рамехъ: — дѣвочки отъ куколъ прямо переходятъ къ собственнымъ дѣтямъ — тѣ-же куклы. Теперь пока состоится обрученіе, а года черезъ два-три — и бракъ.

— Но какъ-же такъ? — Иродъ ужъ женатъ на такой-же, какъ самъ, идумейкѣ Доридѣ и у нихъ ужъ есть сынишка — Антипатръ.

— Что-жъ! — законъ не запрещаетъ іудею имѣть двѣ или три жены, а идумею и подавно, — сказалъ Малихъ.

Рамехъ былъ пораженъ. Ему особенно жаль было и противно думать, что общая любимица, крошка Маріамма, достанется кровожадному идумею и, притомъ, въ качествѣ сподручной жены.

— Этому не бывать! — горячо сказалъ онъ: — я ихъ всѣхъ опою такимъ зельемъ, что они въ нѣсколько

мѣсяцевъ переколѣютъ. У меня есть такое снадобье изъ Египта.

— А у меня, мой другъ, есть снадобье получше,— улыбнулся Малихъ: — оно изгоняетъ изъ человѣка нечистаго духа въ нѣсколько минутъ. Этого снадобья я и дамъ тебѣ. Имъ только слѣдуетъ помазать чуть-чуть края чаши, изъ которой будутъ пить — и смерть выпита.

— Отличное снадобье, — одобрилъ Рамехъ.

— Да; но чтобы на тебя не пало подозрѣнія, я и объ этомъ подумалъ, — сказалъ Малихъ. — Видишь-ли, у идумеевъ есть обычай, что если они чествуютъ особенно дорогого и почетнаго гостя, то вино разливаетъ въ чаши не виночерпій, а младшая въ семьѣ дочь. Это и должна сдѣлать Маріамма. Антипатру-же будетъ особенно лестно, что для чествованія его будетъ соблюденъ его родной обычай.

— Умно, очень умно придумано, — обрадовался виночерпій: — лучше этого не могъ-бы придумать и самъ премудрый Соломонъ.

На этомъ и порѣшили.

Антипатръ явился на пиръ оченъ оживленный. Въ обхожденіи съ нимъ Кассія, когда, въ Тирѣ, онъ отпускалъ его въ Іудею, проглядывало большое расположеніе къ нему и къ его «равному по доблестямъ отцу — сыну Ироду», какъ выразился могущественный римлянинъ. Кассій прозрачно намекнулъ ему, что Азія обширна и богата и что не далеко то время, когда римскіе орлы, за дружбу Антипатра къ Риму, принесутъ въ своихъ могучихъ когтяхъ царскіе вѣнцы на голову Антипатра и всѣхъ сыновей его.

Въ обширномъ покоѣ пиршествъ дворца Гиркана, Антипатръ нашелъ уже раби Семаію и раби Авталіона со всѣмъ синедріономъ, а также Малиха и другихъ сановниковъ Іерусалима.

Скоро придворные служители внесли сосуды съ виномъ и другія угощенія. Передъ каждымъ гостемъ поставили по золотой чашѣ для вина, которыя разставлялъ главный виночерпій, Рамехъ.

Вслѣдъ за тѣмъ Рамехъ удалился къ служителямъ, а вмѣсто него вышла Маріамма. Отъ удовольствія, что она будетъ играть на пиру такую почетную роль, дѣвочка вся раскраснѣлась.

— Вотъ мой новый виночерпій, — съ умиленіемъ и нѣжностью сказалъ Гирканъ, любуясь своей восхитительной внучкой.

Антипатръ понялъ любезность хозяина и весело сказалъ:

— Идумея должна гордиться, что въ моемъ лицѣ она вся присутствуетъ на царскомъ пиру. Слава новому, прелестному виночерпію!

Раби Семаія ласково подозвалъ къ себѣ дѣвочку.

— Чистое, непорочное дитя! — сказалъ онъ, возлагая руки на золотистую головку Маріаммы. — Въ твоемъ образѣ ангелы на небесахъ служатъ Всеблагому Богу. Ты ихъ замѣнишь для насъ грѣшныхъ. Да будетъ-же надъ тобой благословеніе Всевышняго.

— Аминь! — разомъ проговорили члены синедріона.

Малихъ незамѣтно переглянулся съ Рамехомъ, нѣмымъ взоромъ спрашивая, тотъ-ли кубокъ поставилъ онъ передъ Антипатромъ. Тотъ понялъ нѣмой вопросъ,

и отвѣчалъ едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы, скорѣе — глазами.

Слуги, между тѣмъ, передъ каждымъ гостемъ поставили обильныя яства.

Гирканъ всталъ и, воздѣяніемъ рукъ призывая на пиръ и на пирующихъ благословеніе Божіе, — сказалъ торжественно какъ первосвященникъ.

— Пріимите и ядите — это суть яства, предлагаемыя вамъ отъ чистаго моего сердца.

Маріамма тѣмъ временемъ разлила вино по чашамъ.

— Пейте отъ чашъ вашихъ — вино это да веселитъ сердца ваши!.. — снова возгласилъ Гирканъ.

— Аминь! — отвѣчали ему разомъ всѣ гости.

Малихъ и Рамехъ, казалось, не глядѣли на Антипатра, а между тѣмъ жадно слѣдили за каждымъ его движеніемъ. Вотъ онъ взялъ небольшой хлѣбецъ, разломилъ его, часть положилъ на прежнее мѣсто, а другую держа въ лѣвой рукѣ, правою потянулся къ овечьимъ почкамъ съ краснымъ перцемъ, и сталъ ѣсть съ видимымъ удовольствіемъ... Какъ онъ долго жуетъ! — казалось, говорилъ взоръ Малиха Рамеху... Еще взялъ почку, еще... Что-то говоритъ раби Авталіону... Что-жъ онъ не пьетъ?.. Но, вотъ раби Авталіонъ потянулся къ своей чашѣ — пьетъ, и ставитъ чашу на столъ. А Антипатръ все не пьетъ! — и это послѣ перцу! — Всѣ пьютъ, а онъ не пьетъ.

Маріамма, словно золотистый мотылекъ, порхаетъ вдоль стола, заглядываетъ въ чаши гостей, и подливаетъ вина, гдѣ хоть немного уже отпито. Подходитъ и къ Антипатру, но его чаша и не тронута.

И все еще не пьетъ!.. Рамехъ чуть замѣтно пожимаетъ плечами...

Маріамма проходитъ мимо Гиркана. Дѣдушка ловитъ ее и гладитъ золотистые волосы дѣвочки. Она со смѣхомъ увертывается и цѣлуетъ дѣда въ бороду...

Но вотъ Антипатръ потянулся къ чашѣ... Пьетъ — долго пьетъ, не отрывая губъ отъ смертоносныхъ краевъ чаши...

У Малиха сердце перестаетъ биться... Рамехъ блѣденъ, несмотря на свои смуглыя щеки...

Вдругъ что-то стукнуло...

Что это! У Антипатра чаша выпала изъ рукъ, и вино окрасило, словно кровью, его бѣлую съ золотомъ мантію...

Голова Антипатра опрокинулась и онъ весь судорожно вытянулся...

— Такъ скоро упился,—замѣтилъ раби Авталіонъ, стараясь поддержать его.

— Это по-римски — засыпать за пиромъ отъ пресыщенія,—ехидно замѣтилъ одинъ изъ членовъ синедріона.

— Но онъ и одной чаши не выпилъ, — тревожно замѣтилъ Гирканъ.

— Смотрите — онъ посинѣлъ, — сказалъ раби Семаія: — съ нимъ ударъ — пораженіе мозга кровію сердца.

Гирканъ окончательно растерялся. — «Что-же съ нимъ? О, Боже! — что съ нимъ?»

— Онъ умеръ, — сказалъ Авталіонъ, прикладывая руку къ сердцу Антипатра.

— Смерть грѣшниковъ люта, — какъ-бы про себя замѣтилъ Семаія.

— Не пустить-ли ему кровь?—подсказалъ Малихъ, къ которому только теперь воротился даръ слова.

— Поздно! — онъ умеръ; — окончательно заявилъ раби Авталіонъ.

— Мама, мама!—онъ умеръ!—испуганно закричала Маріамма, которая только теперь поняла, что случилось, и стремглавъ убѣжала во внутренніе покои.

— «Это ему за Ирода—за попраніе синедріона»,— подумалъ про себя Семаія.

— «Каковъ Гирканъ»!—то-же подумалъ Авталіонъ.

VIII.

Внезапная смерть Антипатра для всѣхъ оставалась загадкою. Говорили, что онъ просто умеръ отъ удара. Члены синедріона подозрѣвали въ этомъ дѣлѣ Гиркана: — орудіемъ своей мести за униженіе, въ синедріонѣ, со стороны сына этого Антипатра, Ирода, первосвященникъ, по ихъ мнѣнію, избралъ свою невинную внучку Маріамму. Никто не подозрѣвалъ Малиха, который такъ искренно, повидимому, оплакивалъ «великаго человѣка», когда сообщалъ Фазаелю подробности о смерти его отца.

— Одно утѣшаетъ меня — говорилъ онъ — что великій Антипатръ умеръ безъ страданій. Это завидная смерть. Я видѣлъ его веселымъ, бодрымъ, радостно пирующимъ... и вдругъ! — десница Непостижимаго!.. Велика милость Его: — прямо съ царскаго пира онъ перенесенъ былъ на лоно Авраама.

Но трудно было обмануть Ирода. Получивъ извѣстіе о внезапной кончинѣ отца, онъ немедленно прибылъ въ Іерусалимъ. Тѣло Антипатра, въ ожиданіи погребенія, для предохраненія отъ разложенія, лежало въ прозрачномъ какъ кристаллъ меду. При-

казавъ обмыть его и все приготовить къ царственному погребенію, Иродъ прежде всего посѣтилъ свою мать. Кипра, пораженная горемъ, не вставала съ ложа. Увидѣвъ любимаго сына, оны разрыдалась.

— О, лучше-бы мнѣ умереть въ неизвѣстности въ моей родной Петрѣ, чѣмъ потерять такого мужа! — причитала она, припавъ къ груди сына.

— Матушка, успокойся! — такъ угодно было Богу, — утѣшалъ ее Иродъ.

— Но такъ внезапно! — хоть-бы онъ поболѣлъ... хотя-бы я моими любящими глазами провожала его кончину! — Нѣтъ, я проводила его на пиръ... на пиръ смерти! — А онъ былъ такъ веселъ, бодръ, здоровъ, какъ никогда...

«Здоровъ какъ никогда... Ударъ... Но онъ не былъ тученъ... Ударъ на пиру, съ чашей въ рукѣ... Это дѣло Гиркана», — давно сверлила эта мысль мозгъ Ирода.

Онъ тотчасъ-же отправился во дворецъ. Гиркана онъ нашелъ страшно разстроеннымъ, почти больнымъ. Первосвященникъ съ плачемъ обнялъ молодого человѣка.

— Мы потеряли великаго человѣка... ты — отца, я — своего благодѣтеля, — говорилъ Гирканъ, прерывая свою рѣчь слезами.

Иродъ не вѣрилъ этимъ слезамъ. Онъ просилъ Гиркана разсказать подробно, какъ все это случилось. Узнавъ, что мысль почтить пиромъ Антипатра принадлежала самому первосвященнику, Иродъ еще болѣе укрѣпился въ своемъ подозрѣніи... Передъ нимъ — убійца его отца..

— Но почему не виночерпій Рамехъ разливалъ вино, а Маріамма? — спросилъ онъ.

— Ахъ, эту несчастную мысль подалъ мнѣ Малихъ. Бѣдная дѣвочка! — какъ она испугалась... Еще-бы! — У нея на глазахъ внезапно умираетъ человѣкъ, почти въ началѣ пира... Такое зрѣлище и не ребенка поразитъ...

— Малихъ? — удивился Иродъ. — Какъ-же это такъ?

— Да онъ посовѣтывалъ мнѣ, чтобы особеннымъ образомъ почтить твоего доблестнаго отца — угостить его по обычаямъ его родной Идумеи.

— По обычаямъ Идумеи?

— Да, да, — какъ это въ Идумеѣ дѣлается: чтобы вино разливалъ не виночерпій, а невинная дѣвочка... Маріамма и разливала... И такъ была горда и счастлива, крошка милая... И вдругъ!

У Ирода разомъ созрѣло въ умѣ другое подозрѣніе; мало того — увѣренность... Такъ вотъ гдѣ разгадка... Малихъ распоряжался пиромъ... Малиху, а не Маріаммѣ довѣрены были чаши... Дѣвочка наливала вино въ чашу его отца, когда тамъ уже притаилась смерть, посаженная туда преступною рукой Малиха... О, такая геніальная мысль не могла родиться въ головѣ недалекаго и добродушнаго Гиркана! — Взвалить подозрѣніе, помимо виночерпія, прямо на Гиркана, — да, эта мысль геніально-чудовищная.

— И Малихъ присутствовалъ на пиру? — спросилъ онъ.

— Какъ-же, — онъ почетное лицо въ городѣ и онъ такъ преданъ былъ доблестному отцу твоему.

— «И Брутъ былъ преданъ Цезарю... Малихъ преданъ Антипатру... Тотъ палъ къ подножію Помпея, а этотъ?... Тотъ хоть могъ сказать: — «и ты, Брутъ!» — А этотъ не имѣлъ и такого горькаго утѣшенія... Утѣшенія! — Но я дамъ тебѣ его, отецъ, утѣшеніе», — такъ думалъ Иродъ, слушая Гиркана.

И онъ рѣшилъ, какъ ему дѣйствовать.

Похороны Антипатра совершены были съ небывалою пышностью. Вся семья покойнаго шла за гробомъ: — вдова Кипра, поддерживаемая Фазаелемъ, рядомъ съ ними Иродъ, Іосифъ, Фероръ, жена Ирода, Дорида, съ юнымъ Антипатромъ, названнымъ такъ въ честь дѣдушки, и, наконецъ, красавица Саломея, любимая дочь Антипатра. Церемонной процессіи предшествовали Гирканъ въ полномъ траурномъ облаченіи и весь составъ синедріона.

Малихъ обставилъ процессію особенною торжественностью. Воины его гарнизона и встрѣчали, и провожали гробъ подъ звуки заунывной похоронной музыки. Самъ Малихъ горько плакалъ, опуская вмѣстѣ съ сыновьями покойника его гробъ въ просторный каменный склепъ въ глубинѣ Іосафатовой долины.

Иродъ видѣлъ эти слезы, и тѣмъ болѣе въ душѣ его укрѣплялась рѣшимость жесточайшей мести, о которой онъ даже матери и братьямъ не говорилъ ни слова.

На другой день послѣ похоронъ онъ уѣхалъ въ Галилею, а оттуда въ Тиръ, гдѣ его ждалъ Кассій, готовясь къ войнѣ съ Антоніемъ. Узнавъ о трагической кончинѣ Антипатра и о томъ, отчего послѣдовала

его смерть, Кассій одобрилъ рѣшеніе Ирода относительно мщенія Малиху и приказалъ вызвать въ Тиръ какъ этого послѣдняго, такъ и Гиркана — «для совѣщанія о дѣлахъ Іудеи».

Но Кассію не пришлось ихъ дожидаться: — тревоги войны отзывали его въ Македонію, гдѣ онъ и нашелъ смерть — добровольную — при Филиппахъ, на остріѣ меча своего раба. Однако, онъ успѣлъ отдать тайный приказъ своимъ остававшимся въ Тирѣ военнымъ трибунамъ — оказать Ироду содѣйствіе въ кровавомъ актѣ мести.

Итакъ, Гирканъ и Малихъ не застали Кассія въ Тирѣ. Они нашли тамъ одного Ирода, который и пригласилъ ихъ на пиръ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить имъ и распоряженія Кассія относительно Іудеи.

Но Малихъ лелѣялъ свои тайные планы. Пользуясь отсутствіемъ Кассія и большей части римскихъ легіоновъ, онъ задумалъ тотчасъ бѣжать въ Іерусалимъ, чтобы тамъ утвердить свою власть, благо Антипатра уже не было въ живыхъ, а Фазаеля онъ считалъ не опаснымъ соперникомъ. Онъ зналъ, что іудеи ненавидятъ Ирода и никогда не простятъ ему ни убійства Іезеккіи и его сподвижниковъ, почти исключительно іерусалимлянъ, ни публичнаго униженія синедріона, ни тѣмъ менѣе того лѣса крестовъ, которые онъ, годъ тому назадъ, водрузилъ на Голгоѳѣ и на Елеонской горѣ въ поруганіе святому городу. Малихъ зналъ, что синедріонъ держитъ его руку, такъ какъ Малихъ былъ горячій патріотъ. Мало того, онъ возлагалъ большія надежды на своего племянника, Малиха, пре-

емника Ареты, царя каменистой Аравіи. Арабъ этотъ потому не могъ сочувствовать Ироду, что боялся, какъ-бы этотъ безпокойный сынъ Антипатра не посягнулъ на независимость самой Петры на томъ основаніи, что мать его, Кипра, сама родомъ изъ Петры и притомъ изъ царской семьи. Это старая Кипра заявила недавно, послѣ смерти мужа, когда пріѣзжала въ Петру поклониться гробамъ своихъ предковъ — царей.

Итакъ, Малихъ принялъ твердое намѣреніе бѣжать немедленно изъ Тира. Но его останавливало одно обстоятельство. Въ Тирѣ находился заложникомъ его сынъ, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, Ааронъ. Надо было прежде всего тайно выручить сына — дать ему возможность бѣжать въ Іерусалимъ. Для этого онъ подкупилъ раба, ходившаго за его сыномъ, чтобы тотъ способствовалъ бѣгству Аарона. Рабъ, родомъ изъ «презрѣнной земли Кушъ» — негръ изъ Эѳіопіи, вывезенный Иродомъ изъ Египта, повидимому, согласился бѣжать съ мальчикомъ. Было условлено, что мальчикъ въ сопровожденіи этого раба пойдетъ вечеромъ купаться въ морѣ, а тамъ ихъ будетъ ожидать лодка за прибрежными камнями. Бѣглецы немедленно должны будутъ отплыть къ ближайшему приморскому селенію, куда къ нимъ въ ту-же ночь и прибудетъ самъ Малихъ со свитою.

Вечеромъ, дѣйствительно, къ условленному мѣсту пришелъ Ааронъ въ сопровожденіи раба. Лодка тихо качалась тамъ отъ плавнаго прибоя морскихъ волнъ. Тонкій серпъ луны отражался на темной поверхности

водъ. Чайки съ жалобнымъ крикомъ отлетали на ночлегъ. Въ тѣни утеса, закутанный чернымъ плащемъ, Малихъ ожидалъ бѣглецовъ, прислушиваясь къ вечернему гулу, стоявшему надъ шумною гаванью нѣкогда могущественной столицы Финикіи.

Увидѣвъ бѣглецовъ, Малихъ выступилъ изъ тѣни утеса, чтобы на прощанье обнять сына.

— Да сохранитъ тебя Богъ Авраама, Исаака и Іакова, — сказалъ онъ, подводя мальчика къ лодкѣ. — Какъ Онъ освободилъ пророка Іону изъ чрева китова, такъ освобождаетъ и тебя изъ плѣненія римскаго.

Въ этотъ моментъ отъ утеса отдѣлились еще двѣ тѣни, и со словами — «приказъ Кассія!» — поразили Малиха мечами.

— О, Иродъ! — будь ты проклятъ! — успѣлъ только прошептать несчастный и замертво упалъ на прибрежныя гальки.

Мальчикъ прикрылъ трупъ отца своего трепещущимъ тѣломъ.

Трибуны, поразившіе Малиха, подняли его, положили на его-же плащъ, и понесли къ городскимъ воротамъ. Плачущій Ааронъ шелъ за трупомъ отца, а рабъ-эѳіопъ молча слѣдовалъ за нимъ. Малихъ, подкупая раба, не зналъ, что этотъ «презрѣнный кушитъ» боготворилъ Ирода. Въ Александріи, когда Антипатръ и Иродъ, выручая изъ опасности Цезаря, отчаянно дрались съ воинами Птоломея, брата Клеопатры, этотъ рабъ-водоносъ, услыхавъ, какъ Иродъ въ пылу битвы, изнемогая отъ зноя и жажды, воскликнулъ: — «о, Іегова! пошли дождь твой, чтобы я

не умеръ отъ жажды!» — побѣжалъ съ кувшиномъ къ Нилу и, подъ дождемъ стрѣлъ наполнивъ кувшинъ водою, подалъ его Ироду. За это послѣдній взялъ его къ себѣ и осыпалъ милостями. Рабъ этотъ и выдалъ Ироду намѣреніе Малиха похитить заложника-сына, а Иродъ послалъ трибуновъ исполнить приказъ Кассія и свою собственную волю.

Тѣло Малиха, прикрытое тогой одного изъ трибуновъ, было принесено въ домъ, гдѣ находился Иродъ. Тамъ былъ и Гирканъ. Они сидѣли въ ожиданіи запоздавшаго Малиха, чтобъ вмѣстѣ идти къ приготовленному для пиршества столу. Войдя въ покой, гдѣ сидѣли Иродъ и Гирканъ, трибуны опустили тѣло Малиха къ ногамъ собесѣдниковъ.

— Что это? — спросилъ встревоженный Гирканъ, предчувствуя что-то недоброе.

Трибуны сдернули тогу съ лица мертвеца, на которое упалъ свѣтъ отъ висячихъ свѣтильниковъ.

— Малихъ! — въ ужасѣ проговорилъ Гирканъ, вскакивая съ мѣста, и тутъ-же упалъ въ обморокъ.

Иродъ долго смотрѣлъ въ блѣдное лицо убитаго. Потомъ онъ взглянулъ на стоявшаго у ногъ отца, въ какомъ-то окаменѣніи, юнаго Аарона.

— Бѣдный мальчикъ! — сказалъ онъ нѣжно: — тебя осиротили; но я тебя не оставлю.

Мальчикъ снова заплакалъ. Иродъ ласково положилъ ему руку на голову.

— Плачь, дитя, — это святыя слезы; но я осушу ихъ, — съ глубокимъ чувствомъ сказалъ Иродъ.

Въ это время рабы привели въ чувство Гиркана.

Онъ открылъ глаза, глубоко вздохнулъ, оглядѣлся. На него снова глянуло мертвое лицо Малиха.

— Кто убилъ его? — съ трудомъ выговорилъ онъ.

— Приказъ Кассія, — отвѣчалъ одинъ изъ стоявшихъ около мертвеца трибуновъ.

— Его убилъ тотъ, кого онъ самъ убилъ, — сказалъ Иродъ.

— Какъ? кто? кого онъ убилъ? — растерянно спрашивалъ Гирканъ.

— Онъ убилъ моего отца, и теперь Антипатръ убилъ Малиха, — отвѣчалъ Иродъ.

— Твои слова для меня загадка, — недоумѣвалъ Гирканъ, думая, что съ нимъ все еще продожается обморокъ.

— Смерть отца стала для меня ясна, какъ только ты разсказалъ мнѣ объ обстоятельствахъ пиршества, бывшаго послѣднимъ въ жизни Антипатра. Малихъ подалъ мысль чествовать отца идумейскимъ обычаемъ. Малихъ устранилъ отъ стола виночерпія Рамеха. Онъ же заставилъ невинную дѣвочку вливать вино въ чашу, раньше имъ отравленную. Это яснѣе солнца. Я увѣренъ, что съ этимъ ядомъ онъ прибылъ и сюда, чтобы угостить меня и отправить на тотъ свѣтъ, къ отцу. Обыщи его одежды, мой вѣрный Рамзесъ, — сказалъ Иродъ своему рабу, «презрѣнному кушиту».

Рабъ, разстегнувъ латы Малиха, долго рылся и въ складкахъ туники мертвеца, и между ремнями и чешуею латъ, но ничего не находилъ. Тутъ онъ вспомнилъ, что египетскіе воины имѣютъ обыкновеніе хранить талисманы Изиды въ рукояткахъ мечей, ко-

торыя отвинчиваются. Рамзесъ сталъ отвинчивать рукоятку меча Малиха. Тамъ обнаружилась небольшая пустота, а въ ней—крошечный глиняный флакончикъ.

— Есть,—сказалъ Рамзесъ, вынимая флакончикъ.

— Дай сюда.

Осторожно открывъ закупорку флакончика, Иродъ увидѣлъ тамъ нѣсколько капель безцвѣтной жидкости.

— Осторожнѣе, господинъ, — испуганно воскликнулъ рабъ: — тамъ смерть.

Тогда Иродъ велѣлъ позвать со двора собаку и принести маленькій кусочекъ мяса. Рабы исполнили приказаніе. Собака весело виляла хвостомъ, видя въ рукѣ раба мясо.

— Держи осторожнѣе, — сказалъ Иродъ, поднося флакончикъ къ кусочку мяса и капая на него таинственною жидкостью... Теперь дай собакѣ.

Собака жадно проглотила подачку, ожидая другой, побольше. Но тутъ-же зашаталась и упала трупомъ.

— Вотъ! — мрачно сказалъ Иродъ.

— О, Адонаи — Господь! — воскликнулъ Гирканъ.

IX.

Послѣ битвы при Филиппахъ, гдѣ погибли «послѣдніе республиканцы«, Брутъ и Кассій — первый, съ отчаянія бросившись на собственный мечъ, второй, съ отчаянія-же, добровольно напоровшись на мечъ раба, — побѣдители ихъ, крутолобый мальчишка Октавіанъ и узколобый Антоній, подѣлили весь міръ между собою поровну: — Октавіанъ взялъ Западъ, Антоній — Востокъ. Въ то время когда честолюбивый мальчишка сталъ упорно работать, идя по стопамъ своего великаго дѣда съ плѣшивой головой, Антоній, избравъ своей резиденціей Тарсъ, въ Киликіи, сталъ безумствовать отъ пресыщенія властью, ломая изъ себя дурака и воображая, что совсѣмъ играетъ бога. Разоряя подвластныя ему страны Востока, грабя храмы ихъ и государственную казну, призывая къ себѣ на судъ царей, онъ изображалъ изъ себя бога-пропойцу, всепьянственнѣйшаго Вакха, котораго окружали раболѣпные царедворцы, холуйствуя въ роляхъ сатировъ и въ костюмахъ вакханокъ, вмѣсто одеждъ прикрытыхъ лучомъ солнца, даже безъ фиговаго листа.

Къ нему-то на судъ и должны были явиться Гирканъ, Иродъ, Фазаель, Антигонъ, Малихъ, царь

Петры, Клеопатра, царица страны фараоновъ, цари пергамскій, пареянскій и другіе владыки и сатрапы Востока.

Съ особеннымъ нетерпѣніемъ онъ ожидалъ прибытія въ Тарсъ Клеопатры, про удивительную красоту которой трубилъ весь міръ, Востокъ и Западъ, и которую онъ самъ видѣлъ, еще маленькой дѣвочкой, когда въ рядахъ полководца Габинія слѣдовалъ въ Іудею на помощь Гиркану и Антипатру съ Иродомъ противъ іудейскаго царя Александра, отца прелестной внучки Гиркана, уже извѣстной намъ Маріаммы. Антоній пожелалъ встрѣтить Клеопатру особенно торжественно. Онъ зналъ отъ великаго Цезаря, какъ очаровательна была эта юная египтянка, какъ противъ ея обаятельныхъ чаръ не устоялъ даже геніальный полководецъ, угрюмый философъ и авторъ знаменитаго произведенія «De bello gallico»; онъ зналъ, что плодомъ этого увлеченія было... явленіе на свѣтъ маленькаго фараона, какъ двѣ капли воды напоминавшаго угрюмаго Цезаря... Это и былъ Цезаріонъ — «послѣдній фараонъ», не оставившій послѣ себя даже маленькой пирамиды... А быть можетъ она и была, да занесена песками Сахары...

Антоній сгоралъ нетерпѣніемъ увидѣть нильскую сирену. Поэтому, узнавъ о вступленіи ея роскошной галеры въ рѣку Циднъ, при устьѣ которой въ Средиземное море стоялъ Тарсъ, онъ и устроилъ ей небывало-невиданно-торжественную встрѣчу, которая оказалась болѣе шутовскою, чѣмъ серьезною. Храбрый, но грубый солдатюга безъ порядочнаго образованія

(куда ему было до Цезаря и даже до «мальчишки» Октавіана!), онъ изобразилъ изъ себя шута въ видѣ бога Вакха. Онъ приказалъ поставить свой роскошный, но дурацкій тронъ на берегу Цидна и возсѣдалъ на немъ, какъ подобаетъ олимпійскому божеству, нагишомъ, перевитый только гирляндами розъ и гроздіями винограда. На курчавой, узколобой головѣ его былъ такой-же вѣнецъ — вѣнецъ бога Вакха. Его окружали такіе-же шуты царедворцы, наряженные козлоподобными сатирами, и цѣлый букетъ голенькихъ вакханокъ изъ красивыхъ рабынь съ розами и гроздіями въ волосахъ.

По бокамъ этого шутовского трона полукругомъ стояли цари и властители Востока — пергамскій, парѳянскій, аравійскій, а также представители Сиріи и Іудеи — царевичъ Антигонъ, племянникъ первосвященника Гиркана и дядя Маріаммы, самъ Гирканъ, Иродъ, Фазаель и другіе. Всѣ они стояли въ угрюмомъ молчаніи, возмущенные этой унизительной игрой въ шута, но безсильные въ виду грозныхъ рядовъ легіоновъ съ римскими орлами. Только на лицѣ Ирода играла чуть замѣтная презрительная усмѣшка.

Провѣдавъ заранѣе, какого дурака намѣренъ сыграть для нея Антоній, Клеопатра также рѣшила одурачить его. Высоко-образованная по тому времени египтянка-гречанка, которая съ дѣтства росла среди такихъ воспитателей и учителей, которые составляли цвѣтъ мірового въ то время александрійскаго просвѣщенія, поглотившаго тогда и впитавшаго въ себя всю античную эллинскую мудрость, поэзію и искусства,—

умная по природѣ и знавшая цѣну своей неотразимой красотѣ, Клеопатра понимала, съ кѣмъ ей предстоитъ имѣть дѣло. Для этого къ богу Вакху-Діонисію должна была явиться богиня Венера. И она явилась такою.

На одной изъ триремъ сопровождавшей ее изъ Египта небольшой флотиліи находилась золотая галера, роскошно украшенная серебряными изваяніями египетскихъ и греческихъ божествъ. На носу галеры помѣщалось серебряное изображеніе Нила съ его атрибутами. Тронъ изъ чистаго золота съ вкрапленными въ него рѣдчайшими алмазами, сапфирами, рубинами и другими драгоцѣнными камнями осѣняло изображеніе Изиды. По бокамъ были левъ и сфинксъ, а на особомъ возвышеніи — серебряное изваяніе Аписа-Озириса. Весла галеры были также серебряныя, какъ и руль, и тонкія мачты. Паруса сдѣланы были изъ дорогихъ пурпурныхъ тканей Финикіи.

На этой удивительной галерѣ царица Египта въѣхала въ рѣку Циднъ, чтобы предстать предъ лицомъ бога Вакха... Богиня Венера-Афродита — понятно, въ настоящемъ костюмѣ богини (тогда не стыдились своей наготы люди, какъ не стыдились и боги) — полулежала на своемъ золотомъ тронѣ, на пурпурныхъ подушкахъ. Ее окружали амуры — прелестныя дѣти съ крылышками и стрѣлами въ золотыхъ колчанахъ съ серебрянымъ лукомъ. Амуры, рѣзвясь и улыбаясь, крылышками своими навѣвали прохладу на очаровательную головку богини. Они махали крылышками съ помощью особыхъ, невидимыхъ для глазъ механизмовъ. У ногъ богини размѣстился прелестный

живой букетъ нимфъ и сиренъ — также въ подлинныхъ костюмахъ этихъ морскихъ и рѣчныхъ обитательницъ — набранныхъ изъ красивѣйшихъ рабынь всѣхъ національностей. Нимфы и сирены, подобно амурамъ, опахалами изъ страусовыхъ перьевъ навѣвали нѣжащую прохладу на все остальное тѣло Венеры-Афродиты.

На кормѣ галеры, позади рулевого колеса, возвышался тронъ для бога вѣтровъ. Колоссальный Эолъ возсѣдалъ на тронѣ изъ слоновой кости, обставленный меньшими фигурами подчиненныхъ ему боговъ — Борея, Афра, Нота и Эвра. Щеки Эола были страшно надуты и изъ открытаго рта его, съ помощью скрытаго въ немъ механизма съ мѣхами, со свистомъ вырывался вѣтеръ, отъ котораго и надувались такъ картинно пурпурные паруса галеры, тогда какъ въ воздухѣ, вообще, стояла невозмутимая тишина — листъ на прибрежныхъ деревьяхъ не шелохнетъ. У ногъ-же этого вѣтрянаго бога картинно полулежалъ Нептунъ съ трезубцемъ.

Удивительная галера тихо, величественно поднималась по Цидну, берега котораго были усѣяны зрителями, сошедшимися къ Тарсу почти со всей Киликіи. Въ толпѣ слышались то возгласы восторга, то смѣхъ и циническія остроты по адресу нимфъ и самой богини: — грубые поселяне не могли оцѣнить тонкаго не въ пору и не въ мѣру пикантнаго изящества того, что они созерцали.

Между тѣмъ, около самого Антонія вакханки совершали обрядовые танцы и воспѣвали бога Вакха-Діониса подъ акомпаниментъ киѳаръ, а царедворцы-сатиры вторили имъ на флейтахъ.

Едва галера Клеопатры поравнялась съ троннымъ мѣстомъ Антонія и подплыла къ берегу, какъ часть вакханокъ, отдѣлившись отъ остальныхъ, начали устилать цвѣтами путь, по которому Вакхъ долженъ былъ идти на встрѣчу Венерѣ. Съ своей стороны нимфы, едва галера пристала къ берегу, и на землю съ нея перекинуты были мостки, покрытые пурпурнымъ виссономъ, также сошли на берегъ и стали усыпать цвѣтами лотоса путь, по которому Венера должна шествовать навстрѣчу Вакху.

Едва Клеопатра потомъ вступила съ мостковъ на землю въ сопровожденіи амуровъ и сиренъ, какъ Антоній сошелъ съ трона и въ сопровожденіи сатировъ и вакханокъ двинулся навстрѣчу... своей смерти...

Наконецъ, они сошлись. Антоній увидѣлъ ту, о которой давно мечталъ...

Роль дурака была сыграна, и эта роль погубила его...

. . . .

На другой день у дуумвира Марка Антонія былъ дѣловой пріемъ подвластныхъ ему царей. Онъ уже не изображалъ изъ себя Вакха, а былъ въ блестящей, шитой золотомъ туникѣ, въ бѣлоснѣжной тогѣ съ широкими пурпурными каймами и въ лавровомъ вѣнкѣ на кудрявой головѣ, которую сегодня утромъ украсила этимъ вѣнкомъ сама Клеопатра. Онъ былъ, видимо, оживленъ, но въ движеніяхъ его и на полномъ лицѣ замѣтны были слѣды утомленія — остатки вечерней оргіи. Его окружали придворные и вожди, тѣ, которые еще вчера играли постыдную роль сатировъ. Былъ тутъ и знаменитый послѣ Цицерона ораторъ Мессала,

глава римскаго литературнаго кружка — «reipublicae litterarum».

Первыми удостоились аудіенціи представители Іудеи, какъ болѣе образованные изъ всѣхъ восточныхъ царей и сатраповъ и лично знакомые Антонію по службѣ его, въ молодости, въ рядахъ легіоновъ Габинія, поддерживавшаго Гиркана и Антипатра противъ претензій непокорнаго римлянамъ царя Александра, племянника Гиркана и отца Маріаммы.

Послѣ первыхъ привѣтствій Антоній, обращаясь къ Ироду и Гиркану, заговорилъ объ Антипатрѣ.

— Такъ доблестный Антипатръ отравленъ Малихомъ? — сказалъ онъ какъ бы въ раздумьѣ. — Жаль. Я оплакиваю этого достойнаго вождя. Кто-бы подумалъ? — Малихъ! Я не могу забыть ихъ обоихъ. Я помню — а молодое время такъ хорошо помнится! — я помню, когда я прибылъ въ Іудею съ Габиніемъ, онъ послалъ меня съ частью легіоновъ впередъ, чтобы преградить Александру путь къ Іерусалиму,—и тутъ я познакомился съ твоимъ отцомъ (это къ Ироду) и съ тобою. Тогда-же ко мнѣ примкнуло іудейское войско съ Малихомъ и Пиѳолаемъ во главѣ. О, какую жаркую битву мы тогда дали Александру почти у самаго Іерусалима! — три тысячи его воиновъ пало на мѣстѣ.

— И три тысячи будущій повелитель міра взялъ въ плѣнъ, — почтительно подсказалъ Иродъ.

— Да, да... И еще тогда отличился мальчуганъ Иродъ, — ласково улыбнулся Антоній.

Мессала посмотрѣлъ на Ирода: — «будетъ изъ этого прокъ», — казалось говорили его лукавые глаза.

*

— Тогда я въ первый разъ увидѣлъ Іерусалимъ и его величественный храмъ,—продолжалъ Антоній подъ наплывомъ воспоминаній.—Какъ давно это было!

— Ровно семнадцать лѣтъ прошло съ той торжественной минуты, когда предъ нами растворились ворота святого города и незабвенный Габиній вручилъ мнѣ управленіе храмомъ и утвердилъ составъ синедріона, — подсказалъ Гирканъ.

— Да, и я это помню,—съ улыбкой замѣтилъ Мессала, котораго называли въ Римѣ «мозгомъ Антонія»: — еще какіе пиры задавали намъ тогда почтенный первосвященникъ и доблестный Антипатръ.

— Помню, помню! — засмѣялся Антоній. — Хотя наши друзья, іудеи, и не строятъ храмовъ веселому Вакху, однако, возліянія ему они совершаютъ исправно.

— Мы слѣдуемъ въ этомъ прародителю Ною,— снова вставилъ Гирканъ.—Да и отцы наши заповѣдали намъ истину: — вино веселитъ сердце человѣка.

— Прекрасно,— согласился Антоній. — А что твоя мать, почтенная Кипра? — обратился онъ къ Ироду.

— Оплакиваетъ смерть мужа и моего отца,—былъ отвѣтъ.

— Я хорошо помню почтенную матрону съ прелестнымъ ребенкомъ на рукахъ.

— Изъ этого младенца выросла теперь такая красавица Саломея, которая за поясъ заткнетъ и самое Клеопатру, — раздался вдругъ позади Антонія чей-то мужественный голосъ.

Всѣ вздрогнули отъ неожиданности. Глаза Антонія гнѣвно сверкнули, и онъ быстро повернулся къ тому,

кто осмѣлился говорить такъ дерзко и непочтительно. Глаза Антонія и говорившаго о Саломеѣ, сестрѣ Ирода, встрѣтились.

— А!—это ты, старый Волкъ (Люпусъ)!—разомъ смягчился гнѣвъ Антонія.—Я твои вкусы знаю.

Дерзко говорившій смѣльчакъ, по имени Люпусъ-Волкъ, былъ старый военный трибунъ, одинъ изъ тѣхъ двухъ, которые въ Тирѣ убили Малиха по «приказу Кассія» и по волѣ Ирода. Антоній давно зналъ и любилъ этого стараго ворчуна, который былъ для него когда-то вродѣ дядьки и учителя въ военномъ дѣлѣ и не разъ, во время жаркихъ схватокъ въ Іудеѣ, спасалъ пылкаго Антонія отъ смерти. Старикъ всю жизнь провелъ въ восточныхъ легіонахъ, сражался и подъ знаменами Помпея и Красса, дѣлалъ походы съ Габиніемъ и Антоніемъ, съ Муркомъ и Кассіемъ. Его знали и цѣнили его честность и беззавѣтную храбрость и Антипатръ и Иродъ. Въ Іерусалимѣ онъ былъ вхожъ въ домъ Антипатра, и тамъ онъ видѣлъ Саломею еще ребенкомъ, а потомъ, бывая съ своимъ легіономъ въ Іудеѣ и навѣщая домъ Антипатра, онъ видѣлъ, какъ подростала Саломея, какъ она изъ ребенка выростала въ подростка и дарила старика своей ласковой, огненной улыбкой, а потомъ и совсѣмъ стала большой дѣвушкой ослѣпительной красоты и по прежнему ласково относилась къ «старому римскому Волку».

— Знаю я твои волчьи вкусы, — снисходительно улыбнулся Антоній.—А въ самомъ дѣлѣ такъ хороша твоя сестра?—обратился онъ къ Ироду.

— Не знаю: — красота сестры — не красота для брата, — отвѣчалъ тотъ уклончиво.

— Но мы уклонились отъ дѣла, — вдругъ круто повернулъ дуумвиръ: мы еще не покончили съ вопросомъ объ Іудеѣ. Кому вручить ея судьбы — потомку Маккавеевъ-Антигону, или потомству идумея Антипатра? Какого мнѣнія объ этомъ іерусалимскій первосвященникъ, самъ отрасль Маккавеевъ?

— Я полагаю, — послѣ долгаго колебанія отвѣчалъ Гирканъ, — что подъ управленіемъ сыновей Антипатра Іудея будетъ покойнѣе и болѣе вѣрна Риму, чѣмъ подъ управленіемъ моего племянника.

— А ты что скажешь, нашъ мудрый совѣтникъ? — обратился Антоній къ Мессалѣ.

— Моя мудрость — вѣрность Риму, — отвѣчалъ ораторъ: — на этой мудрости построилъ свой отвѣтъ почтенный первосвященникъ, пожертвовавъ ей даже и узами родства. Притомъ, и Антигона, и Фазаеля, и Ирода я зналъ еще въ Римѣ, когда они учились у Цицерона и посѣщали мои студіи; — у Антигона — душа звѣря, котораго никакая сила приручить не можетъ; для него, какъ для волка, его логово — весь міръ, и душа іудея не сольется съ міровою душою, сердце іудея не забьется никогда въ одномъ біеніи съ міровымъ сердцемъ — съ сердцемъ Рима, Капитолія, Форума; іудей вѣчно будетъ чужакъ во вселенной. Не то я усматривалъ въ юныхъ идумеяхъ — въ Фазаелѣ и Иродѣ: — у нихъ — міровая душа.

— Я радъ это слышать, — сказалъ Антоній. — Я самъ то-же думалъ. — А потому, именемъ сената и народа

римскаго я, дуумвиръ Маркъ Антоній, сыновей идумея Антипатра, Фазаеля и Ирода, назначаю тетрархами надъ всей Іудеей. Актъ этого назначенія я сегодня-же отправляю въ сенатъ для внесенія его въ Капитолій на храненіе вмѣстѣ съ другими государственными актами.

Гирканъ, Фазаель и Иродъ благодарили дуумвира и клялись въ неизмѣнной вѣрности Риму.

— Кто еще тамъ ожидаетъ аудіенціи? — обратился Антоній къ Мессалѣ, отпуская Гиркана, Фазаеля и Ирода.

— Ожидаютъ пріема іудей Антигонъ, сынъ Аристовула, послѣдняго царя Іудеи, парѳянинъ Пакоръ, сынъ престарѣлаго царя Парѳіи, съ своимъ сатрапомъ Варцафарномъ, аравитянинъ Малихъ, царь Петры, а также депутаты изъ Тира, Сидона и Пергама, — отвѣчалъ Мессала.

— Первыми я приму дерзкихъ парѳянъ: — залитыя золотомъ уста Красса вопіютъ о мщеніи.

X.

После пріема у Антонія произошло нѣчто, чего никто не ожидалъ и что оказалось роковымъ для всей послѣдующей бурной жизни Ирода.

— Сынъ мой Иродъ, — сказалъ ему Гирканъ: — на твои сильныя руки Всевышній возложилъ судьбы Іудеи и мою собственную судьбу. Чтобы еще болѣе скрѣпить узы, связавшія тебя со мною, я отдаю тебѣ самое дорогое, что осталось мнѣ въ жизни: — это — мою драгоцѣнную жемчужину Маріамму отдаю тебѣ въ жены, а съ нею даю тебѣ еще одного брата — Аристовула. Бери ихъ... люби ихъ...

Старикъ заплакалъ. Эта неожиданность такъ поразила Ирода, что онъ, при всемъ своемъ умѣньѣ владѣть собой, сначала растерялся. Онъ давно любилъ Маріамму, любилъ ее еще крошкой, когда носилъ на рукахъ и изображалъ изъ себя Давида, поражающаго Голіаѳа-Элеазара въ львиной шкурѣ, который бывало похищалъ маленькую Маріамму. Съ ростомъ и развитіемъ дѣвочки росла и любовь его къ ней. Теперь онъ любилъ ее безгранично. Любовь Маріаммы казалась ему недосягаемымъ, небеснымъ блаженствомъ. Но онъ не забылъ, какъ она, въ злополучный день, когда

Иродъ грозилъ распятіемъ всему Іерусалиму, гордо, не по-дѣтски, сказала ему: — «нѣтъ, ты не мой!» — И вдругъ теперь — ему отдаютъ ее въ жены! — Она будетъ принадлежать ему, какъ Дорида! Нѣтъ, это старикъ Гирканъ бредитъ; онъ ничего не знаетъ.

— Но, вѣдь, дѣвочкѣ только четырнадцать лѣтъ,— сказалъ онъ наконецъ, — а мнѣ тридцать два, и у меня уже есть жена. Да и сынъ мой отъ Дориды, Антипатръ, уже старше Маріаммы.

— Это ничего не значитъ, — отвѣчалъ Гирканъ:— женщина — это такое деревцо, что чѣмъ оно моложе и нѣжнѣе, тѣмъ плодовитѣе; а дѣти — благословеніе Божіе. И то не важно, что у тебя уже есть жена:— Дорида Доридой и останется, а Маріамма будетъ Маріаммой.

— Но она меня не любитъ...

— А развѣ любитъ агнецъ, когда его приносятъ въ жертву Іеговѣ? Женщина — тотъ-же агнецъ, приносимый въ жертву размноженія народа божьяго: — роститеся и множитеся и наполняйте землю, — вотъ что сказалъ Іегова... Черезъ годъ Маріамма дастъ тебѣ сына.

Но прошло два года, а Ироду было не до женитьбы.

Отверженный Антоніемъ, Антигонъ, лишенный наслѣдія предковъ, изгнанный изъ Іудеи — онъ не дремалъ. Когда отецъ его, послѣдній царь Іудеи, Аристовулъ, былъ отравленъ по повелѣнію Помпея, а сыну его и преемнику, Александру, римляне отрубили голову, Антигона съ братьями и сестрами пріютилъ у себя Птоломей, владѣтель Халкиды у подошвы Ливана. Сынъ Птоломея, Филиппіонъ, влюбился въ млад-

шую сестренку Антигона и женился на ней. Но красавица приглянулась и отцу, и чадолюбивый папенька, убивъ сына, самъ женился на его молоденькой вдовѣ, и съ тѣхъ поръ сталъ еще болѣе покровительствовать Антигону и его братьямъ. Такъ они и оставались въ Халкидѣ.

Но Антигонъ не думалъ мириться съ утратою отцовскаго наслѣдственнаго трона. Мы видѣли его въ Александріи, въ пріемной у Цезаря; но тамъ сила и ловкость Антипатра и Ирода осилили его права, — и Цезарь объявилъ ему жестко, что наслѣдство — зло и развратъ для наслѣдника и что наслѣдственный тронъ безъ личныхъ доблестей наслѣдника — то-же зло и развратъ... Мы видѣли его потомъ въ Тарсѣ, у Антонія, — и тамъ холопство Ирода передъ Римомъ пересилило права наслѣдства.

— Такъ я-же призову силу противъ насилія! — со злобой отчаянія рѣшилъ онъ, проклиная Римъ и его угодниковъ.

Онъ воротился въ Халкиду. Два года зрѣлъ въ его умѣ планъ мщенія — и, наконецъ, созрѣлъ.

Эти два года Антоній оставался въ Александріи, и въ объятіяхъ Клеопатры забылъ весь міръ... Пользуясь его временнымъ безуміемъ, пареяне успѣли захватить всю Сирію.

— Такъ вотъ гдѣ мой наслѣдственный тронъ — въ колчанѣ у дикаго пареянина, — сказалъ Антигонъ Лизанію, который унаслѣдовалъ власть отца своего Птоломея надъ Халкидою.

— Въ колчанѣ у пареянина? — удивился Лизаній.

— Да!—Я уже говорилъ съ ихъ сатрапомъ Варцафарномъ, и онъ съ прямотою варвара сказалъ:—дай намъ тысячу талантовъ и пятьсотъ іудейскихъ женщинъ и дѣвицъ,—и мы посадимъ тебя на отцовское мѣсто.

— А царевичъ Пакоръ?— спросилъ Лизаній:—вѣдь Варцафарнъ только его сатрапъ.

— Пакоръ, какъ ученикъ, дѣлаетъ то, что велитъ ему учитель.

Дѣйствительно, союзъ съ пароянами былъ заключенъ немедленно. Антигонъ обѣщалъ Пакору, что онъ самъ приведетъ ему плѣнницей сестру Ирода, Саломею.

— Это такая красавица, — говорилъ онъ, — что когда глянетъ на пальмы — пальмы передъ ней склоняютъ свои вершины, а когда идетъ по землѣ, по ея слѣдамъ цвѣты распускаются.

Скоро орды варваровъ потянулись въ Іудею — однѣ — заіорданскими горами въ обходъ Мертваго моря, другія — берегомъ моря и черезъ Самарію и Галилею.

Жители Іудеи, узнавъ, что съ пароянами идетъ Антигонъ, законный наслѣдникъ ихъ царей, стали стекаться къ нему толпами. Многіе явились къ нему и изъ Іерусалима. Отъ толпы ихъ отдѣлился одинъ старикъ, и, приблизившись къ Антигону, поднялъ къ небу руки какъ на молитву.

— О, горе, горе Іерусалиму!—страстно воскликнулъ онъ. — Іегова отвратилъ отъ него лицо свое, потому что иноплеменники — владыки святаго города. Теперь ты пришелъ къ намъ, сынъ царей нашихъ... Осанна! Осанна!

Толпа подхватила этотъ возгласъ, и крики долго не умолкали.

— Сынъ царей нашихъ!—снова заговорилъ старикъ, когда крики смолкли. — Не думай, что мы своею волею покинули тебя. Нѣтъ! — мы зубами держались за тебя, хотя ты этого не видѣлъ, — и намъ за тебя выбили зубы. Мы въ лицо самого Антонія бросали твое имя, и онъ за тебя бросилъ насъ въ темницу. Когда этотъ поклонникъ мраморныхъ и мѣдныхъ истукановъ ѣхалъ въ Египетъ къ этой постыдной поклонницѣ быка, мы тѣлами своими преграждали ему путь, умоляя за тебя,— и онъ топталъ наши тѣла своими легіонами. Въ Виѳаніи, въ Дафнѣ мы кричали ему: — «отдай намъ царей нашихъ!» — и онъ напускалъ на насъ своихъ гоплитовъ, какъ стаю хищныхъ звѣрей. Когда онъ проѣзжалъ черезъ Тиръ, мы тысячною толпой пали на колѣни на томъ мѣстѣ, гдѣ безбожный Иродъ пролилъ кровь послѣдняго нашего вождя, Малиха,—и вопили:— «кровью Малиха заклинаемъ тебя!» — и онъ нашей кровью обагрилъ весь берегъ моря... Вотъ раны, полученныя за тебя!

Старикъ сбросилъ съ себя одежды, показывая раны, которыми исполосовано было его тѣло.

Антигонъ обнялъ его и заплакалъ.

— Я пришелъ вернуть вамъ царей вашихъ или умереть вмѣстѣ съ вами! — воскликнулъ онъ, обнажая мечъ.—Впередъ, воины Іеговы! — за мною — къ Дриму!

Наэлектризованные страстной рѣчью старика, а также слезами и возгласомъ Антигона, іудеи устремились неудержимымъ потокомъ съ горъ, окружаю-

щихъ Іерусалимъ, ворвались въ городъ и залили собою всю площадь и дворъ храма. Напрасно Гирканъ, явившись во главѣ сильнаго отряда, старался остановить ихъ.

— Дѣти! сыны Израилевы! не оскверняйте кровью жилища Предвѣчнаго! — говорилъ онъ.

Народъ не слушалъ его.

— Ты не служитель Предвѣчнаго, а слуга римлянъ и Ирода! — кричали иные.

Тогда на нихъ ринулись Иродъ и Фазаель съ своими отрядами, и, послѣ кровавой схватки, вогнали въ самый храмъ, оцѣпивъ воинами храмовой дворъ.

Наступила ночь. Часть воиновъ Ирода размѣстилась на ночлегъ въ сосѣднихъ съ храмомъ домахъ.

Въ полночь зарево освѣтило храмъ и Елеонскую гору.

— Храмъ горитъ! храмъ горитъ! — послышался во дворцѣ Гиркана отчаянный крикъ.

Это кричала Маріамма. Юная царевна, теперь уже невѣста Ирода, не спала. Она горячо молила Іегову, чтобы онъ послалъ побѣду дядѣ ея, Антигону, и гибель ненавистному ей жениху.

Тревога охватила весь дворецъ. Гирканъ, въ страшной тревогѣ поспѣшившій выйти на кровлю дворца, увидѣлъ клубы дыма и пламя, со всѣхъ сторонъ охватившее храмъ. Сосѣднія горы также освѣтились. Но Гирканъ ясно различилъ, что горитъ не самый храмъ, а прилегавшіе къ его внѣшнимъ стѣнамъ частные дома и склады дровъ.

— Горятъ предатели! — донесся откуда-то торжествующій возгласъ.

Дѣйствительно, горѣлъ не храмъ. Противники Ирода, которые, по случаю приближенія праздника Пятидесятницы, стекались въ Іерусалимъ со всѣхъ концовъ Іудеи, узнавъ отъ іерусалимлянъ о положеніи дѣлъ въ городѣ, немедленно примкнули къ недовольнымъ и тайно подожгли всѣ дома около храма, въ которыхъ на ночь расположены были воины Ирода. Толпа была безжалостна. Кто изъ воиновъ успѣвалъ выбѣжать изъ объятаго пламенемъ дома, того бросали въ огонь.

— Жертва Ваалу! — кричалъ при этомъ ожесточенный народъ.

— Всесожженіе Молоху! — кричали другіе.

Къ волновавшейся толпѣ прибыли Иродъ и Фазаель съ своими отрядами; но было поздно: — жертвы народной ярости всѣ погорѣли. Тогда началось избіеніе жителей. Между тѣмъ толпы недовольныхъ все прибывали. Иродъ вспомнилъ, что не только храмъ, но и дворецъ въ опасности. А во дворцѣ находилось то, что въ настоящее время было для него дороже жизни—его невѣста, Маріамма. Поручивъ Фазаелю защищать стѣны города, на которыя уже напирали орды парѳянъ съ царевичемъ Пакоромъ во главѣ, онъ обложилъ дворецъ.

Наступало утро. Гулъ битвы, проклятія, стоны слышались со всѣхъ сторонъ. Дымъ отъ горѣвшихъ зданій все еще клубился въ воздухѣ. Изъ-за Елеонской горы поднималось солнце.

Иродъ, случайно взглянувъ на дворецъ, увидѣлъ Маріамму. Она стояла на плоской кровлѣ дворца, и, судя по ея позѣ, по блѣдному личику, обращенному къ небу, Иродъ догадался, что она молилась. Выплыв-

шее изъ-за Елеонской горы солнце освѣщало ее такъ, что она казалась видѣніемъ — однимъ изъ ангеловъ, какими онъ себѣ представлялъ ихъ. Но за кого молилась она?—За него, за Ирода?—Но она такъ холодна теперь съ нимъ. Взоръ ея — взоръ сфинкса, которыхъ онъ видѣлъ въ Египтѣ... Тотъ-же холодный мраморъ...

— Вѣстникъ отъ Антигона!—прервалъ вдругъ его мысли чей-то голосъ.

Иродъ очнулся — передъ нимъ стоялъ всадникъ съ масличной вѣткой въ рукѣ. Это былъ старикъ, который наканунѣ страстной рѣчью воспламенилъ противниковъ Ирода и заставилъ Антигона заплакать. Но теперь онъ былъ въ латахъ и шлемѣ при полномъ вооруженіи.

— Я, Манассія бенъ-Іегуда, съ вѣткой мира отъ царевича Антигона, — сказалъ старикъ. — Чтобы прекратить кровопролитіе и отвратить отъ святаго города и храма конечную гибель, Антигонъ предлагаетъ вступить въ переговоры съ вождемъ пареянъ, царевичемъ Пакоромъ. Варвары охотно пойдутъ на уступки — они не римляне. Въ противномъ-же случаѣ они не пощадятъ храма, мало того — они осквернятъ и святая святыхъ, чего не рѣшился сдѣлать Помпей, ни даже Александръ Македонскій.

Иродъ былъ въ нерѣшимости. Онъ зналъ, что не отстоитъ города съ своими слабыми силами, ничтожными передъ полчищами пареянъ. Населеніе города было также озлоблено на него. Зналъ онъ также, что варвары прежде всего не пощадятъ женщинъ — его мать Кипру, сестру Саломею, его Маріамму... При

единой этой мысли на него холодомъ повѣяло... О Доридѣ, своей женѣ, онъ даже не вспомнилъ.

— Твой братъ Фазаель, защищающій стѣны, согласенъ на переговоры, — добавилъ старикъ.

Въ головѣ Ирода блеснула мысль. Лукавый съ дѣтства, онъ всегда прибѣгалъ къ хитрости. Лучше всего принять Пакора во дворцѣ, угостить его и... Онъ ощупалъ подъ складками латъ, между чешуйками кольчуги, тотъ талисманъ Изиды, который онъ нашелъ въ рукояткѣ меча убитаго по его приказу Малиха...

— «Маріамма поднесетъ варвару чашу», — сказалъ онъ самъ себѣ.

Онъ знакомъ подозвалъ къ себѣ ближайшаго изъ воиновъ, составлявшихъ его свиту.

— А гдѣ находится теперь сатрапъ Варцафарнъ? — какъ-бы спохватившись, спросилъ онъ старика.

— Варцафарнъ съ сильнымъ войскомъ идетъ сюда изъ Галилеи, — былъ отвѣтъ.

Иродъ понялъ, что ему не устоять противъ соединенныхъ силъ Пакора и Варцафарна.

— Поѣзжай къ Фазаелю и передай ему отъ меня, что я согласенъ принять парѳянскаго царевича Пакора для переговоровъ, — сказалъ онъ своему воину. — Сообщи и ты пославшему тебя мою волю, — высокомѣрно бросилъ онъ Манассіи бенъ-Іегудѣ.

Маріамма продолжала молиться, стоя на кровлѣ дворца. И какъ было ей не молиться! — Съ высоты дворцовой кровли она видѣла, какъ толпы парѳянъ рыскали по Іосафатовой долинѣ, толпились около гробницъ патріарховъ, пророковъ, выкатывали изъ склеповъ

Геѳсиманскихъ садовъ глиняные кувшины съ оливковымъ масломъ и — о, дикари! — пили его какъ воду.

Обернувшись къ сѣверу, гдѣ особенно силенъ былъ напоръ непріятеля, она замѣтила, что отъ воротъ Ефраимовыхъ двигается группа всадниковъ въ высокихъ мѣховыхъ и войлочныхъ шапкахъ съ колчанами стрѣлъ за плечами и длинными изогнутыми луками. Впереди группы выдѣлялись два всадника, изъ которыхъ въ одномъ она узнала Фазаеля, а другой, въ богатомъ одѣяніи ассирійскаго покроя, съ золотой цѣпью на шеѣ, былъ ей не извѣстенъ. Потомъ видѣла, что ихъ встрѣтилъ Иродъ съ своею свитой, — и всѣ они скрылись въ воротахъ дворца.

Вслѣдъ затѣмъ на кровлю взошла рабыня Маріаммы и позвала ее къ матери. Оказалось, что она должна привѣтствовать чашей вина парѳянскаго царевича, — и ее тотчасъ-же одѣли въ парадное одѣяніе царевны; а золотистую головку украсили легкой діадемой. Маріамма, глубоко потрясенная событіями послѣдняго дня, автоматично исполняла все, что ей приказывали дѣлать.

Ее ввели въ тронный покой. На первосвященническомъ тронѣ сидѣлъ Гирканъ, а по бокамъ трона стояли Фазаель и Иродъ. Противъ трона стоялъ загорѣлый, курчавый парѳянинъ съ золотой цѣпью на шеѣ и съ черною въ завиткахъ бородой. Позади Ирода стоялъ виночерпій Рамехъ съ золотымъ блюдомъ, на которомъ помѣщались двѣ чаши и тонкій на орлиныхъ серебряныхъ ножкахъ сосудъ съ виномъ.

При видѣ Маріаммы глаза Пакора сверкнули, и онъ невольно попятился назадъ. Дѣвушка, которой мать

объяснила, что ей предстоитъ сдѣлать, взглянувъ на Гиркана, лицо котораго просіяло при видѣ внучки, прямо направилась къ виночерпію, и, взявъ съ блюда сосудъ съ виномъ, наполнила имъ обѣ чаши. Потомъ, подойдя къ трону, взяла въ руки одну чашу, и подала ее, съ поклономъ, Гиркану. Другую чашу, также съ поклономъ, она протянула къ Пакору.

— Нѣтъ, царевна, — сказалъ парѳянинъ, отступая съ поклономъ: — у насъ, въ Парѳіи, равно какъ во всемъ Иранѣ и въ Скиѳіи таковъ обычай, что подносящій чашу гостю долженъ прежде самъ освятить ее своими устами. Освяти-же ее, царевна. — И онъ поставилъ чашу на блюдо.

Рука Маріаммы потянулась къ чашѣ, — и ужасъ мгновенно отразился на лицѣ Ирода... Онъ рванулся было впередъ... но въ этотъ моментъ руки у Рамеха задрожали и блюдо съ чашей и сосудомъ полетѣли на полъ. Злая улыбка скользнула подъ черными усами Пакора.

— Подать новую чашу, — сдавленнымъ голосомъ произнесъ Иродъ.

Парѳянинъ перехитрилъ идумея.

XI.

Пакоръ достигъ, чего желалъ. Выпивъ изъ рукъ Маріаммы поднесенное ему, въ другой чашѣ, вино, послѣ того, какъ дѣвушка своими губами «освятила чашу», хитрый пароянинъ сказалъ, что такъ какъ большая часть его войска находится съ Варцафарномъ, то безъ его согласія онъ не можетъ заключить окончательнаго договора съ Іудеей. Поэтому онъ предлагалъ Гиркану и Фазаелю отправиться въ лагерь Варцафарна и тамъ порѣшить съ претензіями Антигона, который, будто-бы, увѣрялъ, что Гирканъ, по преклонности своихъ лѣтъ и по слабому здоровью, самъ обѣщалъ сложить съ себя санъ первосвященника и возложить его на Антигона, своего родного племянника. Все это было, конечно, придумано умышленно; но Иродъ, сознавая безвыходность своего положенія, принужденъ былъ согласиться на требованія лукаваго варвара, надѣясь, однако, перехитрить его.

На другой день Гирканъ, въ сопровожденіи Фазаеля и небольшой свиты, выѣхалъ изъ города. Его сопровождалъ и ребъ Элеазаръ, воспитатель Маріаммы и Аристовула. Всѣхъ удивляло и смѣшило то, что старикъ не могъ разстаться съ своимъ бѣлымъ голу-

бемъ, который вывелся и выросъ на карнизѣ окна его комнаты во дворцѣ. Этого голубя любили и кормили дѣти — Маріамма и Аристовулъ, и самъ Гирканъ очень привязался къ этой ручной кроткой птицѣ. Элеазаръ помѣстилъ голубя въ клѣтку и имѣлъ его при себѣ неотлучно. Когда Пакоръ и его свита смѣялись надъ причудой старика, онъ отговаривался тѣмъ, что первосвященникъ никогда не разстается съ голубемъ, его любимой птицей, и теперь желаетъ, чтобы она была съ нимъ. Но старикъ предвидѣлъ нѣчто...

— Кто принесъ нашему прародителю Ною въ ковчегъ вѣсть, что міръ свободенъ отъ потопа? — тайно сообщилъ онъ, передъ отъѣздомъ, Гиркану и Александрѣ. —Голубь невинный принесъ эту вѣсть въ ковчегъ, гдѣ оставалось его гнѣздо. Если съ нами что случится у пареянъ, и намъ, можетъ быть ихъ плѣнникамъ, нельзя будетъ послать вѣстника въ Іерусалимъ, то вѣстникомъ этимъ будетъ мой голубь. Я выпущу его тогда изъ клѣтки, и онъ, привыкнувъ жить и кормиться на карнизѣ моего окна, непремѣнно прилетитъ на свое любимое мѣсто. Тогда, царевна — обратился онъ къ Александрѣ — ты осмотри тщательно его крылья, и въ нихъ найдешь письмо отъ насъ.

Опасенія Элеазара оказались не напрасными. Правда, они безопасно достигли Галилеи, и Варцафарнъ встрѣтилъ ихъ съ почестями, осыпалъ подарками; но скоро они увидѣли, что попали въ ловушку.

Нѣкто Сарамалла, одинъ изъ первыхъ богачей Сиріи, зналъ о предательскихъ планахъ Антигона и пареянъ, и черезъ своего знакомаго, Офелія, велѣлъ

предупредить Гиркана и Фазаеля о грозившей имъ гибели. Офелій тайно явился къ нимъ.

— Бѣгите отъ разставленныхъ вамъ сѣтей, — сказалъ онъ. — Знаете, за какую цѣну продалъ васъ недостойный Антигонъ варварамъ? Онъ за іерусалимскій вѣнецъ обѣщалъ имъ тысячу талантовъ, но не своихъ, а іудейскихъ, да кромѣ того — пятьсотъ женщинъ и дѣвицъ іудейскихъ. Антигонъ отдаетъ варварамъ и вашихъ женъ — Александру, жену своего брата, и ея дочь Маріамму...

Эти слова поразили ужасомъ Гиркана!.. Его сокровище, его радость, послѣднее утѣшеніе его старости — Маріамму — варварамъ на поруганіе.

— Жены Ирода и Фазаеля, ихъ сестра Саломея — также обѣщаны пареянамъ, — продолжалъ Офелій.

Едва на востокѣ показались первые признаки разсвѣта, какъ отъ города Экдиппона въ Галилеѣ отлеталъ бѣлый голубь по направленію къ Іерусалиму. Крылатый вѣстникъ летѣлъ стрѣлою черезъ горы Кармель, пересѣкая горные хребты Самаріи и Іудеи.

— Мама! Элеазаровъ голубь прилетѣлъ! — радостно говорила въ то утро Маріамма, входя къ матери.

Александра поблѣднѣла. Она вспомнила слова Элеазара, который говорилъ, что если ихъ постигнетъ плѣнъ у пареянъ и имъ нельзя будетъ отправить въ Іерусалимъ вѣстника, то вѣстникомъ этимъ явится голубь. Значитъ, Гирканъ въ плѣну.

— Прилетѣлъ голубь, ты говоришь, дитя мое? — вся дрожа, спросила она.

— Да, мама: — онъ на своемъ окнѣ. Я дала ему ѣсть.

Александра поспѣшила къ извѣстному окну во дворцѣ. Голубь сидѣлъ на карнизѣ и клевалъ зерна.

— Милый!—невольно вырвалось у царевны-вдовы, и она, осторожно взявъ пернатаго вѣстника, стала его тихонько гладить, ощупывая перья подъ крыльями.

Она нашла то, чего искала. Вокругъ одного пера подъ правымъ крыломъ голубя былъ намотанъ тоненькій, какъ слюда, листокъ изъ сухого рыбьяго пузыря не болѣе квадратнаго дюйма. Осторожно снявъ листикъ и, развернувъ его, Александра прочла: — «Мы въ плѣну у Варцафарна. Спасите городъ. Зовите на помощь царя Петры».

— Что это, мама? — спросила Маріамма.

— Дѣдушка въ плѣну у пареянъ,—отвѣчала Александра.

— Такъ что-жъ!—съ ними дядя Антигонъ:—онъ не позволитъ обижать дѣдушку.

— Глупая!—но они возьмутъ Іерусалимъ.

— Не они, мама, а дядя Антигонъ; — а онъ намъ роднѣе Ирода...

— И это говоритъ невѣста Ирода!—пожала плечами Александра.

Она тотчасъ-же послала за Иродомъ и показала ему то, что принесъ голубь.

— Я зналъ это,—сказалъ Иродъ.—Пакоръ перехватилъ другое письмо оттуда-же и вызываетъ меня изъ города для переговоровъ. Чтобы выиграть время, я отвѣчалъ его посланцу, что пріѣду завтра. Между тѣмъ, я ночью тайно отправлю васъ въ Идумею, въ крѣпость Масаду, а самъ поскачу съ моими людьми

въ Петру просить помощи у Малиха. Готовьтесь-же къ отправленію. Захватите съ собой болѣе цѣнныя сокровища дворца — золото, серебро, драгоцѣнные сосуды. А я велю матери, сестрѣ и братьямъ также укладываться. Къ ночи будьте готовы.

На утро пареяне узнали, что Иродъ со всѣмъ своимъ семействомъ и съ семействомъ Гиркана, захвативъ всѣ сокровища, ночью покинулъ городъ вмѣстѣ со всѣми своими приверженцами, которымъ удалось такъ выйти изъ городскихъ стѣнъ, что этого никто не замѣтилъ. Это случилось оттого, что пареяне обложили слабѣйшую часть стѣнъ — сѣверную и сѣверо-восточную, гдѣ, послѣ погрома Помпея, часть стѣнъ еще не была возстановлена.

Бѣгство Ирода привело Пакора въ ярость, и онъ приказалъ грабить Іерусалимъ, а одну часть войска отрядилъ въ погоню за бѣглецами. Узнали о бѣгствѣ Ирода и іудеи изъ окрестныхъ мѣстностей и также бросились преслѣдовать его. Отражая насѣдающаго врага, Иродъ, наконецъ, далъ ему битву на разстояніи 60-ти стадій отъ Іерусалима и нанесъ сильное пораженіе.

Какъ-бы то ни было, онъ благополучно достигъ Масады. Оставивъ, затѣмъ, въ крѣпости 800 надежныхъ воиновъ и снабдивъ ее припасами на случай осады, онъ простился съ своимъ семействомъ и съ невѣстой, и поспѣшно направился въ Петру.

Между тѣмъ Варцафарнъ прибылъ въ Іерусалимъ со своими плѣнниками. Пакоръ и Антигонъ встрѣтили ихъ недалеко отъ города, въ узкомъ скалистомъ проходѣ, гдѣ они охотились на газелей.

Антигонъ осыпалъ жестокими упреками дядю-первосвященника.

— Рабъ идумеевъ и римлянъ!—яростно говорилъ онъ:—тебѣ-ли возсѣдать на престолѣ отцовъ нашихъ! Что ты сдѣлалъ съ священнымъ городомъ? кому ты его отдалъ?

Гирканъ, убитый горемъ и стыдомъ, молчалъ.

— Ты—потомокъ славнаго рода Маккавеевъ, я—твой ближайшій родственникъ,—продолжалъ онъ,—но на кого ты промѣнялъ меня? кому отдалъ Іудею?

— Не я,—заговорилъ было Гирканъ.

— Лжешь, старый трусъ!—крикнулъ Антигонъ.—Развѣ я не былъ въ Тарсѣ, гдѣ этотъ римскій кабанъ изображалъ изъ себя пьянаго идола?—Я былъ тамъ—помни это. Замолвилъ-ли ты за меня слово передъ пьянымъ идоломъ? Нѣтъ—ты всѣ свои слова и себя самого отдалъ Ироду. Мало того—ты отдаешь ему чистую голубицу, мою племянницу, Маріамму. Ты хочешь, чтобы чистая кровь голубицы смѣшалась съ кровью стервятника идумейской пустыни.

Гирканъ упалъ на колѣни, умоляюще протягивая впередъ руки. Фазаель поднялъ его.

— Встань!—ты первосвященникъ,—сказалъ онъ:—только Іегова долженъ видѣть тебя колѣнопреклоненнымъ.—А ты—обратился онъ къ Антигону—ты, недостойный выродокъ асмонеевъ!—ты не только невинную Маріамму, твою племянницу, продалъ парѳянамъ, ты обѣщалъ имъ еще пятьсотъ іудейскихъ женщинъ и дѣвицъ! Тебѣ-ли укорять беззащитнаго старца, наемникъ варваровъ!

Антигонъ бросился—было на него съ мечемъ, но Пакоръ удержалъ его.

— Стой!—онъ мой плѣнникъ,—сказалъ онъ:—я самъ расправлюсь съ нимъ за ту чашу, которою хотѣли угостить меня во дворцѣ Гиркана.

— Я не зналъ ничего, — жалобно простоналъ Гирканъ:—я не зналъ, что чаша отравлена... Пощадите!

И онъ снова упалъ на колѣни.

— Первосвященникъ, встань! — опять сказалъ Фазаель.

— Замолчи, несчастный!—крикнулъ на него Антигонъ.

— Встань!—не унижайся передъ наемникомъ варваромъ—настаивалъ Фазаель.—Ты первосвященникъ!

— Такъ вотъ-же!—яростно закричалъ Антигонъ и бросился къ стоявшему на колѣняхъ Гиркану,— Вотъ-же! на!—на!

И онъ, обхвативъ голову несчастнаго старика руками, сталъ грызть ему уши.

— Вотъ тебѣ!—вотъ тебѣ!—И онъ окровавленнымъ ртомъ выплевывалъ куски откушенныхъ у Гиркана ушей.

— О, Адонаи!—воскликнулъ Фазаель.

Гирканъ, обливаясь кровью, упалъ на землю, закрывая ладонями откушенныя раковины ушей.

— Вотъ вамъ!—говорилъ кровавымъ ртомъ Антигонъ, отплевываясь:—теперь онъ больше не первосвященникъ и имъ ужъ никогда не будетъ.

Дѣло въ томъ, что, по законамъ Іудеи, санъ первосвященника могли носить только люди «безпороч-

ные» — и въ нравственномъ, и въ физическомъ отношеніи.

Фазаель, разодравъ свою мантію, сталъ перевязывать голову Гиркану.

— О, если-бы со мной былъ мечъ! — простоналъ онъ.

Въ это время прискакалъ гонецъ.

— Какія вѣсти? — крикнулъ издали Варцафарнъ.

— Иродъ успѣлъ достигнуть Масады и, оставивъ тамъ женщинъ и свои сокровища подъ защитой сильнаго гарнизона, самъ съ отборною конницей ускакалъ по направленію къ Петрѣ. Наши конники не могли догнать его, — отвѣчалъ гонецъ.

— О, Адонаи! — радостно воскликнулъ Фазаель: — теперь я умру спокойно... Мститель моихъ враговъ живъ! — О, Іегова! Богъ Авраама, Исаака и Іакова! — прими духъ мой!

И, стремительно разбѣжавшись, Фазаель ударился головой о скалу.

Онъ былъ мертвъ *).

---

*) Іосифъ Флавій въ своемъ знаменитомъ сочиненіи — «Іудейская война» — прямо говоритъ, что «Антигонъ самъ откусилъ уши» у своего дяди, первосвященника Гиркана; а въ другомъ своемъ сочиненіи — «Іудейскія древности» — онъ пишетъ, что «Антигонъ приказалъ отрѣзать уши Гиркану».

XII.

Надъ Римомъ ясная лунная ночь. Неподвижно стоящій надъ вѣчнымъ городомъ полный дискъ ночного свѣтила обливаетъ нѣжнымъ матовымъ свѣтомъ причудливое зданіе Капитолія и храмы, отбрасывая черныя тѣни на Форумъ и на колоннады, тянущіяся отъ священнаго пути (via sacra) до подножія храма Юпитера.

Но не спитъ столица міра. Слышится иногда лязгъ оружія, людской говоръ или замирающіе въ темнотѣ шаги ночныхъ путниковъ. Во многихъ зданіяхъ виднѣются огоньки, хотя уже за полночь.

На террасѣ одного изъ богатыхъ домовъ недалеко отъ Капитолія, въ тѣни колоннъ, словно неподвижная мраморная статуя, видна человѣческая фигура. Это Иродъ. Задумчивые глаза его устремлены куда-то далеко на Востокъ, а въ умѣ проносятся мрачныя картины его бурной жизни. Да — почти только мрачныя. Свѣтлыхъ онъ не помнитъ. Развѣ только тогда онѣ были менѣе мрачны, когда онъ еще не зналъ жизни, когда вмѣстѣ съ братомъ Фазаелемъ и царевичемъ Антигономъ они, почти дѣтьми, учились мудрости въ этомъ большомъ, страшномъ городѣ. Но и тогда,

бродя въ свободные часы между колоннадами храмовъ и въ тѣни портиковъ или толкаясь среди шумной толпы Форума, онъ тосковалъ о далекомъ Іерусалимѣ, о выжженныхъ солнцемъ холмахъ Идумеи, или о пальмовыхъ и бальзаминныхъ рощахъ Іерихона. Блаженное время!.. золотая молодость!.. Но Фазаеля уже нѣтъ на свѣтѣ, какъ нѣтъ и ихъ великаго учителя Цицерона. И тотъ и другой—жертвы рока... А Антигона этотъ рокъ вынесъ на высоту величія, на высоту престола. Сила дикихъ пареянъ и безуміе іудеевъ возложили царскій вѣнецъ на его голову... О, слѣпой, безумный какъ и іудеи рокъ! А его, Ирода, этотъ слѣпой рокъ низвергъ въ бездну ничтожества.

— Господинъ!—богъ ночи склоняется на покой:— услыхалъ онъ вдругъ за собой чей-то тихій голосъ.— Пора спать.

— А!—это ты, Рамзесъ... Иди—спи... Ко мнѣ нейдетъ сонъ.

Рабъ молча удаляется.—А Иродъ опять остается одинъ съ своими мрачными думами.—Да, злобный, безжалостный рокъ... Тревоги войны, вѣчныя тревоги—боевые клики, стоны раненыхъ и умирающихъ, и вездѣ кровь, кровь...

И за все это—позоръ и униженіе... Гдѣ-же счастье?—гдѣ это невѣдомое божество?.. Разъ въ жизни показалось, что это невѣдомое божество переселилось въ нее—въ его Маріамму... И это былъ обманъ рока, горькій обманъ! Теперь, когда онъ бѣжалъ съ ними отъ пареянъ въ Масаду, тамъ, въ Масадѣ, прощаясь съ ними, можетъ быть, навсегда, онъ слышалъ

рыданія матери, видѣлъ слезы сестры, брата Ферора... А она? — она была холодна какъ мраморъ. Для нея, для ея спасенія онъ помчался изъ Масады въ Петру, палился подъ знойнымъ солнцемъ Аравіи, среди раскаленныхъ скалъ и ущелій Петры, чтобы найти помощь...

— О, лукавый арабъ! — прошепталъ Иродъ. — Я везъ ему въ заложники маленькаго сына Фазаеля, чтобы взять у него хоть то, что онъ долженъ былъ отцу моему, — такъ нѣтъ!.. — лукавый арабъ не допустилъ меня до Петры — велѣлъ возвратиться въ Масаду... О, Малихъ, Малихъ! — и ты оказался такимъ-же лукавымъ, какъ тотъ Малихъ, кровью котораго я обагрилъ морской берегъ у Тира.

И вспоминается ему, какъ онъ, уже боясь погони со стороны арабовъ, убѣгалъ изъ Петры, но уже не къ Масадѣ, не къ Маріаммѣ, а въ Египетъ, что-бъ вымаливать помощь у Антонія и Клеопатры.. Передъ нимъ необозримыя песчаныя пустыни и ночью вой шакаловъ; а на душѣ — мракъ и ужасъ... Что-то Фазаель? — гдѣ полчища варваровъ? — что Іерусалимъ?.. А луна, точно безумная, остановилась надъ пустыней, словно погребальный факелъ надъ мертвецомъ... Пустыня мертва, а вой шакаловъ — это вой плакальщицъ надъ мертвецомъ... Но мертвецъ этотъ — не степь, а его судьба — судьба Ирода, его мертворожденное счастье...

Унеслась безумная ночь. Онъ въ Ринокорурѣ. На него глядитъ море своими зелеными, бездонными, безумными глазами. Безуміе кругомъ! — въ немъ самомъ безуміе...

Но кто это?—это бѣжавшіе отъ парѳянъ обломки его величія—участники его позора... Безуміе и ужасъ—ужасъ! Это вѣстники гибели брата... Его могучая голова разбита о скалу... Такъ вотъ кто мертвецъ!—вотъ кого ночью оплакивали шакалы—его брата, Фазаеля!

Тѣни отъ Капитолія и отъ храма Юпитера Статора на Палатинѣ удлиняются все болѣе, Форумъ также все сплошнѣе заполняютъ тѣни, луна далеко передвинулась на западъ, а Иродъ все неподвижно сидитъ въ тѣни колоннъ, словно мраморное изваяніе. Мысль его переносится отъ Ринокоруры къ Пелузію. И тутъ все то-же безбрежное море глядитъ на него своими зелеными, бездонными, безумными очами. Надо ѣхать этимъ безумнымъ, безбрежнымъ моремъ до Александріи, а корабельники не хотятъ знать его бывшаго величія... Бывшаго!—но его не сбросишь съ плечъ какъ износившуюся мантію,—и корабельники повинуются—везутъ его въ Александрію... О, страна сфинксовъ и пирамидъ!—какъ у него сжалось сердце при видѣ этихъ сфинксовъ, этого величаваго храма Озириса!—Ему вспомнилось торжественное вѣнчаніе на царство Клеопатры—это суровое, усталое лицо Цезаря рядомъ съ ея юнымъ личикомъ... теперь Клеопатра уже не дѣвочка—возмужала, а все такая-же обольстительная, хотя ея Цезаріону уже восьмой годъ пошелъ... Мальчикъ—будущій фараонъ—вылитый Цезарь... Но еще будетъ-ли онъ фараономъ?.. Одна Клеопатра не забыла прежняго величія Ирода—не забыла! Она дѣлаетъ ему блестящій пріемъ, пригла-

шаетъ его быть ея полководцемъ... Ея полководцемъ! — его, Ирода, который водилъ въ битву свои войска! Нѣтъ! нѣтъ! скорѣй въ Римъ! Тамъ и Антоній. Онъ вырвался изъ объятій Клеопатры, чтобы тамъ, въ Римѣ, рѣшать судьбы міра... Прощай, страна сфинксовъ и пирамидъ! скорѣе въ Римъ! Тамъ должна рѣшиться и судьба Ирода.

И вотъ онъ въ Римѣ. Но что вынесъ онъ среди этого бурнаго, безумнаго, бѣшенаго моря! А особенно у береговъ Памфиліи. Зеленыя съ сѣдыми вершинами морскія горы-волны бросали его корабль въ бездну и снова выбрасывали на сѣдыя вершины волнъ. Нептунъ обезумѣлъ отъ гнѣва. Трезубецъ его пѣнилъ море, вздымалъ его до бѣжавшихъ отъ ужаса по небу облаковъ. Безумный богъ требовалъ жертвъ, и Иродъ бросилъ въ море все, что имѣлъ... Разбитый корабль его безъ снастей, безъ парусовъ, съ однимъ нищимъ Иродомъ и такимъ-же нищимъ рабомъ его, Рамзесомъ, бѣшеное море пригнало къ берегамъ Родоса... Жалкій, нищій Иродъ! а давно-ли въ рукахъ его были судьбы Іудеи, Самаріи, Галилеи, Идумеи, всей Сиріи? Хорошо еще, что на Родосѣ онъ нашелъ Птоломея и Саппинія, которые не оттолкнули его отъ себя какъ проказу, а помогли даже снарядить трехвесельное судно-трирему. И снова Иродъ въ объятіяхъ безумнаго моря. Снова вой бури и волны, волны до облаковъ!

Но теперь онъ въ Римѣ. Завтра, въ сенатѣ, должна рѣшиться его судьба.

— Господинъ! — богъ ночи ушелъ на покой, а ты все не спишь.

Это говоритъ появившаяся за колоннами темная фигура. То былъ Рамзесъ.

— Мой сонъ остался въ Іудеѣ,—отвѣчаетъ Иродъ.

Такъ прошла ночь. Утромъ къ нему вошелъ Мессала, въ домѣ котораго и остановился Иродъ.

— Я вижу, ты уже всталъ, — сказалъ Мессала.

— Я не ложился, — отвѣчалъ Иродъ.

Мессала посмотрѣлъ ему въ лицо, на которомъ безсонная ночь и душевныя тревоги оставили замѣтные слѣды.

— Я понимаю тебя, другъ Иродъ; но не падай духомъ: — боги бодрствуютъ...

— Отъ меня отвратилъ лицо мой Богъ, — мрачно отвѣчалъ Иродъ.

— Мужайся, другъ: — сегодня твой Богъ глянетъ тебѣ въ очи. — Готовься идти со мною въ сенатъ.

— Я готовъ, — былъ отвѣтъ.

— Какъ! — въ этомъ старомъ, почти нищенскомъ одѣяніи?

— У меня другого нѣтъ.

— Тѣмъ лучше! — пусть видитъ Римъ — и краснѣетъ.

Но вотъ они въ сенатѣ. Послѣ обычныхъ церемоній Мессала входитъ на трибуну. Иродъ остается внизу трибуны въ смиренной позѣ просителя. Сенатъ въ полномъ сборѣ. Кресла сенаторовъ образуютъ обширный полукругъ, въ центрѣ котораго возвышается величественное изображеніе изъ мрамора — «великаго» Помпея — статуя, у подножія которой, пять лѣтъ тому назадъ, палъ мертвымъ Цезарь. Срединный выгибъ полу-

круга занимаютъ кресла Антонія и Октавіана. Такъ вотъ они, повелители міра. Одного изъ нихъ, плотнаго, съ курчавой головой и низкимъ лбомъ гладіатора, Иродъ уже знаетъ давно. Другой — блѣдный, болѣзненный юноша съ глазами сфинкса и широкимъ лбомъ, круто ниспадающимъ отъ широкаго черепа. Такъ это онъ съ его загадочнымъ лицомъ? Его взглядъ не хотѣли перенести Брутъ и Кассій и предпочли пронзить себя мечами.

— Здѣсь, предъ лицомъ державнаго собранія, — раздался вдругъ голосъ Мессалы, — предстоитъ тотъ, предъ которымъ Римъ, властелинъ вселенной, является неоплатнымъ должникомъ, болѣе того — злостнымъ банкротомъ. И, о боги! — на щекахъ Рима, на щекахъ его державцевъ, здѣсь предсѣдающихъ, не вспыхнула краска стыда при видѣ этого человѣка? Ужели Римъ потерялъ стыдъ?

Между сенаторами замѣтно гнѣвное движеніе. Гнѣвные, негодующіе взгляды перекрещиваются съ спокойнымъ взглядомъ Мессалы. Иродъ стоитъ понуро.

— Мессала забывается! — слышатся голоса.

— Мессала забываетъ, что онъ — не Цицеронъ...

— И сенатъ не Катилина...

— Нѣтъ, patres conscripti, я помню и продолжаю утверждать, что Римъ — злостный банкротъ, забывшій свой долгъ! И еслибы надъ нимъ, надъ всемогущимъ Римомъ, была другая державная сила, то сама Ѳемида сошла-бы съ своего трона и засадила-бы этотъ обанкрутившійся Римъ въ эргастулъ!

Иродъ замѣтилъ, какъ дрогнули вѣки у блѣднаго юноши, но онъ оставался неподвиженъ и холоденъ

какъ мраморъ. У Антонія-же на полныхъ губахъ, казалось, играла легкая усмѣшка.

— Эргастулъ!.. На арену дерзкаго! — послышался чей-то голосъ.

— Я на аренѣ! — отвѣчалъ Мессала. — Въ свидѣтели моихъ словъ я беру того героя-юношу, который, по повелѣнію незабвеннаго вождя Рима, Габинія, нѣкогда мчался, плечо въ плечо, конь въ конь съ Антипатромъ и Иродомъ по пятамъ мятежнаго царя іудейскаго Александра и вырвалъ изъ его недостойныхъ рукъ Іерусалимъ, положивъ на мѣстѣ битвы три тысячи труповъ мятежниковъ. Этотъ юноша-герой, теперь зрѣлый мужъ — здѣсь, и здѣсь-же тотъ Иродъ — онъ стоитъ передъ вами.

Всѣ взглянули на Антонія. Глаза его радостно блеснули: — всѣ угадали въ немъ юношу-героя.

— Но этотъ Иродъ стоитъ передъ вами въ одеждѣ нищаго, — продолжалъ ораторъ. — А было время, когда онъ самъ раздавалъ порфиры... Когда великій Цезарь, словно левъ пустыни, попавшій въ западню въ Александріи, уже считалъ свою увѣнчанную лаврами геніальную голову обреченною лежать на кровавомъ блюдѣ, подобно головѣ того, чей мраморный ликъ вы теперь созерцаете, — кто спасъ эту геніальную голову отъ меча дерзкаго фараона Птоломея? Идумей Антипатръ и его юный сынъ — вотъ этотъ самый Иродъ, который теперь стоитъ передъ вами въ рубищѣ нищаго.

— Правда, правда, — тихо, но внятно сказалъ блѣдный юноша: — я слышалъ это отъ моего отца, великаго Юлія Цезаря.

Иродъ, стоя у трибуны, плакалъ, закрывъ лицо руками.

— И кто-же все отнялъ у этого вѣрнаго, доблестнаго слуги Рима? продолжалъ Мессала. — Антигонъ, іудей, мятежный сынъ мятежнаго отца, — іудей, всегда исконный врагъ Рима, врагъ нашихъ боговъ,— іудей, эта язва вселенной. И теперь на головѣ его корона Іудеи, Самаріи, Галилеи. А изъ чьихъ державныхъ рукъ получилъ онъ эту корону? Изъ рукъ Рима, какъ получали и получаютъ ее всѣ цари Востока? Нѣтъ! Изъ рукъ варваровъ, изъ кровавыхъ рукъ тѣхъ пареянъ, которые задолжали Риму сорокъ тысячъ талантовъ, — больше! — сорокъ тысячъ труповъ, павшихъ въ пустыняхъ Пареіи вмѣстѣ съ доблестнымъ Крассомъ, мощный духъ котораго варвары залили растопленнымъ золотомъ. И варвары до сихъ поръ остались не отомщенными! Не позоръ-ли это?

— Позоръ! позоръ! — пронесся ропотъ по сенату.

— Но Римъ отмститъ! — съ силою воскликнулъ Антоній, вставая во весь свой ростъ. — И помощникомъ въ этомъ мщеніи Рима будетъ Иродъ.

— Царь Иродъ,— тихо, но властно добавилъ блѣдный юноша Октавіанъ, впослѣдствіи Августъ, первый римскій императоръ.

— Царь Иродъ! — повторилъ послушно весь сенатъ. — Ave! Да здравствуетъ Иродъ, царь іудейскій!

Иродъ приблизился къ дуумвирамъ и почтительно преклонилъ колѣни.

— Встань, царь іудейскій, и будь другомъ Рима,— въ одинъ голосъ сказали Антоній и блѣдный юноша.

Иродъ поднялся словно преображенный. Глаза его сверкнули властнымъ огонькомъ и въ нихъ легко было прочесть смерть Антигону.

— А теперь въ храмъ для принесенія жертвы богамъ, а затѣмъ въ Капитолій для внесенія въ табулярій постановленія сената и народа римскаго о назначеніи Ирода царемъ Іудеи, — заключилъ блѣдный юноша.

Новый царь вышелъ изъ сената съ властелинами міра какъ равный съ равными: — съ одной стороны его шелъ Антоній, а съ другой — Октавіанъ, блѣдный юноша съ глазами сфинкса. За ними слѣдовали сенаторы, консулы и другіе государственные сановники. Среди этого блестящаго общества въ тогахъ съ пурпурными каймами народъ съ удивленіемъ видѣлъ какого-то неизвѣстнаго пришельца въ простомъ, бѣдномъ одѣяніи — не то араба, не то египтянина.

— Кто это? — спрашивали въ толпѣ.

— Это новый Югурта, царь Нумидіи...

XIII.

Крѣпость Масада, въ которой Иродъ, убѣгая отъ Антигона и пареянъ въ Петру, а потомъ черезъ Александрію въ Римъ, оставилъ свое семейство—мать, сестру Саломею, младшаго брата Іосифа и племянника, маленькаго сына Фазаеля, а также невѣсту свою Маріамму съ матерью, вдовою царевича Александра, и небольшой гарнизонъ,—находилась къ югу отъ Іерусалима и расположена была на возвышенномъ берегу Мертваго моря, недалеко отъ южной его оконечности, почти у самыхъ границъ Идумеи.

Внизу передъ нею разстилалась свинцовая, угрюмая гладь безжизненнаго моря, а за нимъ высились такія же угрюмыя, безжизненныя скалы Моавитскихъ горъ. Кругомъ — ни кустика, ни деревца, ни признака зелени,—однѣ только сѣрыя, какъ сухая шкурка змѣи, колючія поросли солонцовъ.

Всю зиму Антигонъ упорно осаждалъ эту небольшую, но прочную твердыню Іудеи, но также упорно осажденные отражали всѣ натиски врага, сильнаго своимъ многолюдствомъ. Иногда осажденные сами дѣлали отчаянныя вылазки, чтобы отбросить отъ стѣнъ непріятеля; но что могла сдѣлать горсть людей, не пре-

вышавшая двухсотъ годныхъ къ битвѣ, когда стѣны и сосѣднія ложбины и скалы были обложены другою сплошною стѣной — стѣною осаждающихъ. Однако, вылазки дѣлались все чаще и отчаяннѣе. Антигонъ понялъ изъ этого, что осажденные видятъ свою гибель. Но въ чемъ? — въ недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ? — въ недостаткѣ воды? — Да, послѣднее предположеніе вѣрнѣе. Въ крѣпости нѣтъ ни живыхъ источниковъ, ни колодцевъ. Между тѣмъ, почти всю зиму ни Іудея, ни пустыни Идумеи почти ни разу не оросились обильнымъ дождемъ. Крѣпость должна погибнуть изморомъ отъ безводья.

Антигонъ былъ правъ. Осажденные съ ужасомъ замѣчали, что цистерны ихъ, когда-то полныя водой до краевъ, все болѣе и болѣе изсякаютъ. А спасительнаго ливня все нѣтъ. Скоро воду стали отпускать порціями, а потомъ постепенно уменьшать порціи. Нѣкоторыя цистерны совсѣмъ высохли, а въ остальныхъ вода еще сохранилась только на днѣ, да и та была на исходѣ. А между тѣмъ наступали знойные весенніе дни. Гибель была неизбѣжна.

Но гдѣ Иродъ? — живъ-ли онъ? — не погибъ-ли отъ парѳянской стрѣлы или растерзанъ львами въ дикихъ дебряхъ Петры? — Этого никто не зналъ.

Въ крѣпости начались болѣзни отъ безводья. Менѣе всѣхъ были выносливы дѣти и женщины. Онѣ падали отъ истощенія силъ, воплями призывая дождь съ неба. Но небо было глухо къ ихъ воплямъ. Ночью припадали пересохшими губами къ каменнымъ стѣнамъ крѣпости, къ желѣзу оружія, къ своимъ золотымъ

ожерельямъ, на которыхъ холодная ночь оставляла подобіе росы, подобіе сырости...

Но однажды утромъ въ крѣпости поднято было метательное арабское копье, къ которому прикрѣпленъ былъ небольшой клочекъ сухого рыбьяго пузыря. На немъ прочли: — «Богъ да хранитъ Саломею и Масаду. У сѣверныхъ воротъ, влѣво отъ башни, подъ кустомъ кактуса козій мѣхъ съ водою». Подпись: сынъ «Петры»

— О, благородный сынъ пустыни! — заплакала Саломея, припадая пересохшими губами къ словамъ записки: — кто-бы ты ни былъ — я твоя раба.

Съ какою тревогой ожидалась потомъ ночь! А если осаждающіе найдутъ мѣхъ съ водой?

— Молитесь, дѣти! — говорила старая Кипра Маріаммѣ, Аристовулу и маленькому Акибѣ, сыну погибшаго Фазаеля: — Іегова услышитъ ваши непорочныя молитвы, — молитесь о пришествіи ночи.

Но вотъ и пришла ночь. Въ темнотѣ ворота крѣпости были немного пріотворены, и мѣхъ съ водою былъ принесенъ въ крѣпость. Съ какой благоговѣйной осторожностью дѣлилась между всѣми осажденными драгоцѣнная влага! Но ея было такъ мало на всю крѣпость...

А на утро подняли еще копье. Въ новомъ посланіи значилось: — «Саломеѣ — здравствовать. Ночью пустой мѣхъ да кладется подъ кактусъ и берется другой мѣхъ, полный воды». Все тотъ-же «сынъ Петры».

Осажденные ожили. Такъ продолжалось нѣсколько дней. Но однажды, выйдя ночью за ворота крѣпости, посланные за мѣхомъ воины не нашли его на услов-

ленномъ мѣстѣ, а утромъ въ крѣпости поднята была пароянская стрѣла съ привязаннымъ къ ней извѣщеніемъ: — «О, Саломея! Богъ отвратилъ отъ меня лицо Свое; — сыны Ваала провѣдали все, и больше воды не ждите. Убитый горемъ сынъ Петры».

Теперь отчаяніе овладѣло осажденными окончательно. Іосифъ, младшій послѣ Ирода сынъ Антипатра, созвалъ на совѣтъ нѣсколькихъ изъ болѣе старыхъ воиновъ гарнизона: — что предпринять? — на что рѣшиться?

— Пробиться сквозь врага силой или умереть въ бою, — отвѣчалъ одинъ изъ воиновъ. — Все равно смерть.

— А дѣти и женщины? — возразилъ другой.

— Будемъ надѣяться, что враги ихъ пощадятъ.

— Нѣтъ, друзья, — сказалъ Іосифъ: — намъ извѣстно, что Антигонъ обѣщалъ пароянамъ пятьсотъ іудейскихъ женщинъ и дѣвицъ. И они уведутъ въ рабство вашихъ женъ и дочерей, а также мать мою, сестру и невѣсту Ирода съ ея матерью.

— На что я имъ, старуха? — грустно замѣтила Кипра, которая находилась тутъ-же со всѣми.

— Я скорѣй пойду къ дядѣ Антигону и въ станъ пароянъ, чѣмъ умирать здѣсь безъ воды, — неожиданно заявила Маріамма. — Я уйду одна! — я убѣгу!

— Что ты, дитя! — съ ужасомъ остановила ее мать.

Наконецъ, порѣшено было: — слѣдующей-же ночью тайно выйти изъ цитадели южными воротами, которыя не охраняются непріятелемъ, и глубокимъ горнымъ ущельемъ пробраться до границъ Идумеи, а потомъ искать убѣжища въ Петрѣ. Но чтобы непріятель не

скоро догадался объ ихъ бѣгствѣ — ворота цитадели запереть за бѣглецами, для чего въ крѣпости оставить двухъ воиновъ, которые потомъ и спустятся со стѣны по веревкѣ... Стали дѣятельно готовиться къ бѣгству.

— Ночью-же мы всѣ утолимъ свою жажду, — сказалъ въ заключеніе одинъ старый воинъ: — потому что на пути мы встрѣтимъ, недалеко отсюда, горный ручей, изъ котораго и я и мои козы когда-то, когда я, мальчикомъ пасъ ихъ тамъ, пивали каждый день чудесную холодную воду.

Но, къ неожиданному и, можно сказать, безпримѣрному счастью осажденныхъ, къ вечеру того-же дня небо стало заволакивать тучами; на западѣ, змѣевидныя молніи прорѣзывали удушливый воздухъ. Видно было, что гроза надвигалась съ моря, отъ Аскалона или Ринокоруры. Мертвое море приняло еще болѣе угрюмый видъ. Поверхность его, словно колеблемый подземными силами растопленный свинецъ, стала волноваться отъ порывовъ западнаго вѣтра. Но этотъ вѣтеръ могъ угнать благодатныя тучи вглубь каменистой Аравіи. Издали видно было, какъ этотъ вѣтеръ рвалъ и разметывалъ палатки осаждающихъ, гналъ испуганные табуны ихъ коней. Въ то-же время осаждающіе видѣли на крѣпостной стѣнѣ бѣлую женскую фигуру, которая простирала къ небу руки. Она казалась имъ страшнымъ видѣніемъ.

То молилась старая Кипра о ниспосланіи дождя. Осаждавшіе стали пускать въ нее стрѣлы, но она продолжала воздѣвать руки къ небу.

Вдругъ сверкнула ослѣпительная молнія и страшный ударъ грома потрясъ землю. Вслѣдъ затѣмъ круп-

ныя, тяжелыя, какъ свинецъ, капли дождя стали гулко ударяться о стѣны цитадели, о раскаленные камни, о косматыя колючки кактусовъ.

— О, Іегова! — послышался радостный стонъ со стѣны.

Внутри крѣпости также раздались радостные крики.

Дождь превратился въ ливень, могучій какъ ураганъ пустыни. Мертвое море, моавитскія скалы, станъ осаждающихъ, небо и земля—все исчезло въ потокахъ воды, хлынувшихъ съ неба, которое, казалось, на облакахъ своихъ носило цѣлые океаны...

— Небеса повѣдаютъ славу Божію! — восторженно говорила старая Кипра, спускаясь со стѣны цитадели и повторяя одинъ изъ псалмовъ Давида.— Съ нея вода стекала ручьями.

Цистерны, за нѣсколько минутъ сухія, скоро наполнились до краевъ. Вода лилась ручьями, и скоро въ Мертвое море съ ревомъ и грохотомъ понеслись бурные потоки. Аристовулъ и маленькій Акиба, промокшіе до нитки, отхватывали на крѣпостной площадкѣ какой-то отчаянный танецъ съ игривымъ припѣвомъ. Маріамма, распустивъ свои золотистыя косы, обдаваемыя ливнемъ, постоянно ими встряхивала и заливалась веселымъ смѣхомъ.

Вдругъ какой-то небольшой предметъ упалъ къ ея ногамъ. Она подняла его. То былъ изящный кожаный съ золотымъ тисненіемъ амулетъ, какіе носили на груди богатые арабы. Открывъ его, Маріамма нашла въ немъ миніатюрный свертокъ папируса, на которомъ было написано: — «Радуйся, несравненная Саломея! Твой братъ,

царь Иродъ, съ сильнымъ войскомъ идетъ отъ Іоппіи къ Масадѣ. Сынъ Петры».

— Опять этотъ сынъ Петры! противный арабъ! — топнула ножкой Маріамма. — Кто онъ такой? — А все пишетъ одной Саломеѣ... «Несравненная»! — А чѣмъ я хуже Саломеи? — А мнѣ хоть-бы слово написалъ... Хитрая Саломея: — говоритъ, что не знаетъ, кто онъ — хитрячка!.. Такъ неужели противный Иродъ въ самомъ дѣлѣ царь? — А дядя Антигонъ? — Вѣдь, его пареяне и Бне-Баба вѣнчали въ Іерусалимѣ на царство... А если Иродъ — царь, то и я буду царицей... Царица Маріамма! — какъ это хорошо! — Только все-таки я Ирода любить не буду, а такъ...

И она, выжавъ воду изъ косы, побѣжала искать Саломею.

— Посмотри, — сказала она, подавая послѣдней амулетъ и посланіе: — опять твой сынъ Петры.

Саломея вспыхнула, прочитавъ посланіе.

— Такъ братъ — царь! — взволнованно сказала она. — Значитъ, онъ былъ въ Римѣ? — А что-же Антигонъ?

— Да скажи-же мнѣ, — прервала ее Маріамма: — кто этотъ, сынъ Петры?

— Не знаю, — отвѣчала Саломея, пряча свои лучистые глаза.

— И не догадываешься даже?

— И не догадываюсь. — Но Маріамма видѣла, что она лгала: — женщины такъ умѣютъ ловить другъ друга — по природѣ сыщики.

Ливень между тѣмъ прекратился. Какъ мгновенно нанесъ его ураганъ пустыни, такъ мгновенно и угналъ

въ предѣлы моавитскіе, далеко за Мертвое море. Масада ликовала двойною радостью — и избыткомъ воды, и вѣстью, что Иродъ не только живъ, но что теперь онъ царь Іудеи и спѣшитъ на выручку Масады.

Воскресшіе духомъ, осажденные на другой-же день снова возобновили свои вылазки. Счастье клонилось то на ту, то на другую сторону, но все-же осажденные не могли отбить многочисленнаго непріятеля.

Снова потянулось скучное, однообразное время, а Иродъ — точно въ воду канулъ. Да и правда-ли то, что онъ живъ, что онъ царь, что идетъ къ Масадѣ? — А если то была насмѣшка какого-то «сына Петры»? — Такъ нѣтъ, — то не была насмѣшка. Не онъ-ли, этотъ невѣдомый «сынъ Петры», великодушно снабжалъ ихъ водою, когда они буквально умирали отъ жажды? Не онъ-ли спасъ ихъ отъ вѣрной смерти?

Потянулись безконечные дни. Дни казались годами.

Но вотъ неожиданно, однимъ раннимъ утромъ, въ непріятельскомъ станѣ произошло необыкновенное движеніе. Наблюдавшимъ изъ крѣпости бросилось въ глаза то, что осаждавшіе обратились къ осаждаемому укрѣпленію тыломъ. Все двигалось и металось. Конные вскакивали на лошадей, пѣшіе смыкались въ ряды или разсыпались по сторонамъ, потрясая копьями или натягивая тетивы со стрѣлами.

— Они бросаютъ осаду, отступаютъ!

— Нѣтъ! — на нихъ наступаютъ — тамъ битва!

— Это наши! — это Иродъ! — Смотрите — тамъ несмѣтныя толпы!

— Это клики побѣды! Они заглушаютъ вопли умирающихъ.

На стѣнѣ показалась фигура женщины съ поднятыми къ небу руками. То опять молилась Кипра. Сердце матери сказало ей, что тамъ ея сынъ, ея Иродъ, царь Іудеи.

Скоро она узнала его. Онъ, въ пурпурѣ, на бѣломъ конѣ, приближался къ крѣпости. Мать протянула къ нему руки.

— Что Маріамма? — донеслось до ея слуха. — «О, дѣти!» — простонала старая арабка.

XIV.

Прошло нѣсколько лѣтъ, самыхъ бурныхъ и кровавыхъ въ жизни Ирода.

Онъ давно царь и полновластный владыка Іудеи и всей Палестины. Галилея, Самарія, Идумея — провинціи его могущественнаго царства. Предъ нимъ все трепещетъ. Онъ давно мужъ Маріаммы и отецъ ея дѣтей.

Но чего это ему стоило? По какимъ потокамъ крови онъ дошелъ до іудейскаго престола! Какъ состарилъ его этотъ тяжелый вѣнецъ Маккавеевъ! Теперь морщины уже бороздили его лицо. Сѣдые волосы, какъ змѣи, вились уже въ черной бородѣ, змѣились на вискахъ. Зато казна его ломится отъ золота. Чего-бы ему еще? — Такъ нѣтъ! — душа его полна мрака.

Онъ припоминаетъ ту лунную ночь въ Римѣ, когда онъ ждалъ рѣшенія своей судьбы. И судьба его рѣшена — она все бросила ему подъ ноги. Но съ этой лунной ночи мрачныя думы не покидаютъ его. Все прошлое — какіе-то кровавые призраки.

Эта ужасная смерть братьевъ Фазаеля и Іосифа — ихъ кровь на его порфирѣ. Голова Іосифа, которую отрубилъ Антигонъ, каждую ночь кричитъ ему: — «Иродъ! Иродъ! — за что я погибъ?».

А эти ночные посѣтители съ зіяющими ранами, изъ которыхъ медленно сочится черная кровь? Онъ видитъ ихъ по ночамъ. Онъ вмѣстѣ съ ними переносится къ скаламъ Тиверіадскаго озера. Его воины со скалъ спускаются, по веревкамъ, въ деревянныхъ ящикахъ, къ отверстіямъ недоступныхъ пещеръ и безпощадно убиваютъ скрывшихся тамъ приверженцевъ Антигона, а у устья одной пещеры стоитъ старикъ и закалываетъ своею рукою, одного за другимъ, семь своихъ сыновей богатырей. Иродъ кричитъ ему: «остановись! — пощади!». А старикъ отвѣчаетъ: «будь проклятъ, идумей!».

— Проклятъ! — кто смѣетъ проклинать царя Ирода!.. Зачѣмъ вы пришли ко мнѣ? Не я васъ зарѣзалъ — отецъ!

— Ты кого зовешь, царь? — Это Маріамма входитъ со свѣтильникомъ въ опочивальню Ирода.

— А! — это ты, Маріамма. Побудь со мной... — Что дѣти?

— Я къ нимъ иду. Малютки что-то плохо спятъ.

Иродъ остается одинъ. Опять тѣни прошлаго, въ темнотѣ, обступаютъ его — все кровавыя тѣни. Онъ видитъ какъ его воины и римскіе легіонеры, ворвавшись вмѣстѣ съ нимъ и Соссіемъ въ городъ и на дворъ храма, производятъ ужасающую рѣзню и по улицамъ города, и по домамъ... Но гдѣ Антигонъ? — гдѣ убійца Фазаеля и Іосифа? — гдѣ мнимый царь Іудеи?...

— А! — вотъ онъ! — Блѣдный, трепещущій, онъ выходитъ изъ дворца и припадаетъ къ ногамъ Соссія.

— Прочь, Антигона! — ты не мужчина — не Антигонъ, а Антигона!

Вотъ онъ въ цѣпяхъ — послѣдній Асмоней! Топоръ палача отрубилъ голову, которую украшала послѣдняя корона Маккавеевъ.

— А это кто? — А! Иродъ узнаетъ ихъ: — это члены синедріона — это ихъ тѣни, ихъ призраки... Они стали призраками за то, что осмѣлились когда-то призывать Ирода къ суду.

Иродъ слышитъ чей-то тихій, старческій голосъ:

— Иродъ! Не я-ли былъ тебѣ отцомъ, заглушая даже родственныя мои чувства къ Антигону, племяннику моему. Я въ синедріонѣ спасъ твою жизнь, которую ты долженъ былъ позорно кончить на крестѣ за убіеніе Іезеккіи. Я въ Тарсѣ возвысилъ тебя передъ Антоніемъ въ ущербъ Антигону. Я отдалъ тебѣ послѣднее утѣшеніе моей старости — Маріамму. За тебя я пошелъ въ пасть львовъ пустыни — пароянъ, и за тебя въ ихъ присутствіи Антигонъ изувѣчилъ мою голову...

Передъ Иродомъ стоялъ, весь въ бѣломъ, въ первосвященническомъ одѣяніи, съ бѣлою, какъ снѣга Ливана, бородою — призракъ... безъ ушей!..

— За тебя я ушелъ въ плѣнъ къ пароянамъ. Іудеи Пароіи полюбили меня и почитали какъ царя и первосвященника. Но твой коварный другъ Сарамалла и ты самъ умоляли меня воротиться въ родную Іудею. Я тосковалъ о ней въ плѣну. Мнѣ, болѣе чѣмъ восьмидесятилѣтнему старцу, хотѣлось взглянуть на святой городъ, гдѣ я выросъ, хотѣлось видѣть передъ смертью

іерусалимскій храмъ, въ которомъ я служилъ Іеговѣ около полустолѣтія и тосковалъ по немъ на чужбинѣ... Я послушался тебя — и вотъ — я тѣнь! — я прихожу къ тебѣ изъ сѣни смертной... Иродъ! — за что ты убилъ меня?

— Прочь! исчезни, страшное видѣніе! — закричалъ Иродъ — и проснулся. Тѣнь Гиркана исчезла.

Въ окна дворца, изъ-за пурпурныхъ занавѣсей опочивальни брезжило утро. Съ надворья слышенъ былъ оживленный пискъ ласточекъ, воркованье голубей. Но Иродъ все еще оставался подъ давленіемъ ночныхъ кошмаровъ, тѣней, призраковъ, которые теперь посѣщали его почти каждую ночь. Сны его постоянно были полны мрачныхъ видѣній: — казалось, что это были не сонныя видѣнія, а видѣнія наяву.

Онъ подошелъ къ одному окну и раздвинулъ занавѣси. На него глянули масличныя рощи у подошвы Елеонской горы въ утренней прозрачной дымкѣ, громадный массивъ храма съ его башнями, колоннами и безчисленными переходами и галлереями.

— Мой храмъ затмитъ славу храма Соломонова, — съ скрытой ироніей процѣдилъ сквозь зубы Иродъ.

Онъ задумалъ перестроить іерусалимскій храмъ, дать ему небывалое величіе.

Въ опочивальню вошелъ Рамзесъ, чтобы помочь царю совершить туалетъ.

— Кто ждетъ меня? — спросилъ Иродъ.

— Твой свѣтлѣйшій братъ — Ферoръ.

— Такъ онъ въ Іерусалимѣ?

— Только сейчасъ явился во дворецъ.

— Позови его, когда кончишь свое дѣло, и никого не принимай, пока я не прикажу.

— А царицу?

— И ее попроси обождать.

Скоро явился Ферорь. Онъ смотрѣлъ такимъ свѣжимъ, моложавымъ, хотя немногимъ былъ моложе Ирода. Въ черныхъ глазахъ его игралъ жгучій огонекъ, а полныя губы часто складывались въ саркастическую улыбку.

— Давно изъ Заіорданья? — спросилъ его Иродъ.

— Сегодня утромъ... Изъ Іерихона выѣхалъ ночью.

— Знаешь, что задумалъ этотъ наложникъ нильскаго крокодила-самки? — вдругъ заговорилъ Иродъ.

— Рогатый римскій Аписъ? — улыбнулся Ферорь.

— Да... Ему мало одной фараоновой коровы.

— Еще-бы! - ихъ было семь да еще семь — тощихъ и тучныхъ — всего четырнадцать.

— Помнишь, здѣсь былъ недавно этотъ живописецъ, Деллій, любимецъ этого римскаго Аписа? — спросилъ мрачно Иродъ.

— Да. — Онъ еще писалъ портреты съ царицы и съ Аристовула, — отвѣчалъ Ферорь.

— Эти-то несчастные портреты и распалили ненасытную утробу римскаго быка. Онъ теперь пишетъ мнѣ, будто болванъ Деллій сказалъ ему, показывая портреты: — «Эти дѣти — это Маріамма-то и Аристовулъ — показались мнѣ происшедшими отъ боговъ, а не отъ людей». Понятно, что у быка возбудились похоти... О, я его знаю еще съ Тарса, гдѣ его сразу ослѣпила фараонова корова... Теперь онъ пишетъ мнѣ,

что портреты такъ восхитили его, что онъ желалъ-бы видѣть самые оригиналы...

— Ого! — ужъ слишкомъ многаго захотѣлъ Аписъ!

— Да. Но, конечно, потребовать къ себѣ мою жену, царицу Іудеи — не могъ-бы позволить себѣ и его мѣднолобый Юпитеръ, а не то что фараоновъ быкъ...

— Да и фараонова корова изъ ревности забодала-бы его, — засмѣялся Ферорь.

— Я и самъ такъ думаю, — согласился Иродъ. — Но онъ проситъ, чтобы я выслалъ къ нему Аристовула.

— Те-те-те! — понимаю! — не удержался Ферорь. — У этихъ римлянъ, какъ и у грековъ — лесбосскіе вкусы... Что-жъ, отправь къ нему женоподобнаго мальчишку: — авось его фараонова корова забодаетъ... Даже это очень хорошо для тебя...

Иродъ понялъ намекъ брата. Онъ самъ давно думалъ, какъ-бы извести послѣднюю мужскую отрасль Маккавеевъ... Такъ или иначе, а надо подсѣчь подъ корень эту опасную поросль, столь дорогую для іудеевъ... Антигона ужъ нѣтъ, Гиркана также, хотя они и навѣщаютъ его по ночамъ... Пусть!.. И этотъ мальчишка будетъ навѣщать его... Пусть!.. пусть!..

— Нѣтъ, милый Ферорь, — сказалъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья: — этого мальчишку опасно выпускать изъ Іерусалима, а тѣмъ болѣе въ Египетъ: — въ немъ душа Маккавеевъ. Да если онъ еще очаруетъ Антонія, то этотъ быкъ, при его лесбосскихъ вкусахъ, надѣнетъ мой царскій вѣнецъ на кудрявую голову этого Адониса, хотя сорвать съ своей головы вѣнецъ я позволю только съ моимъ черепомъ. Ты знаешь,

что Клеопатра ненавидитъ меня. У нея аппетиты ея предка Рамзеса-Сезостриса: — она мечтаетъ, при помощи Антонія, пожрать не только Петру со всею Аравіей, но и Іудею. Не пощадитъ она и тебя. Притомъ-же у меня за пазухой очень ядовитая змѣя — мать моей супруги. Александра мечтаетъ о коронѣ для своего сына, и желала-бы украсить его этой шапкой даже при моей жизни.

— Но она безсильна, — замѣтилъ Ферорь: — она можетъ связать для своего сынка только дурацкій колпакъ.

— Не говоря этого, братъ, — возразилъ Иродъ: — гдѣ двѣ бабы сойдутся, тамъ онѣ оплетутъ самого дьявола, не то что Антонія. Тебѣ извѣстно-ли, что Александра въ постоянной перепискѣ съ Клеопатрой. Она часто посылаетъ ей подарки — благовонія для умащенія тѣла египетской сирены. На меня она наговариваетъ Клеопатрѣ, а я если и боюсь кого на свѣтѣ, то только этой красивой ехидны. Я боюсь ее огорчать — боюсь ея ядовитаго жала. Но я придумалъ средство разомъ умилостивить и Ваала, и Молоха.

— Какое-же это средство — смирить ехидну и ядовитую жабу? — спросилъ Ферорь.

— Я отвѣчу Антонію, что не могу отпустить къ нему Аристовула. Я буду просить дуумвира — отказаться отъ мысли видѣть юношу въ Египтѣ, ибо если я только выпущу его изъ Іерусалима, то всѣ іудеи, какъ пчелы за маткой, потянутся за нимъ, — и тогда общій мятежъ неизбѣженъ. Антоній-же такъ изнѣжился въ Египтѣ и излѣнился, что кромѣ оргій съ своей бѣсовкой онъ ни о чемъ думать не хочетъ.

— А какъ-же ты умилостивишь ехидну и жабу?— спросилъ Ферорь, любившій выражаться по-солдатски: — бабы, какъ пауки, все-же будутъ плести свою паутину.

— А я на паутину выпущу просто шмеля, — и онъ прорветъ ее къ ихъ-же удовольствію.

— Кто-же этотъ шмель?

— Аристовулъ, — загадочно отвѣчалъ Иродъ. Ты знаешь, приближается праздникъ «кущей». Семаія и Авталіонъ уже приготовляютъ все для этого торжественнаго дня, только плакались мнѣ, что торжество будетъ не полное, ибо іудеи, послѣ смерти Гиркана...

Иродъ остановился и вздрогнулъ. Ему показалось, что въ окнѣ появилась тѣнь Гиркана, казненнаго имъ тайно.

— Ты что? — спросилъ Ферорь.

— Тѣнь... его тѣнь... днемъ...

— Да это прошелъ по галлереѣ Аристовулъ—дѣйствительно его тѣнь, — сказалъ Ферорь и засмѣялся.

— Хорошо, — успокоился Иродъ: — пусть-же онъ въ самомъ дѣлѣ будетъ тѣнью Гиркана... Я назначу его первосвященникомъ, и выпущу эту куклу въ народъ какъ разъ на праздникъ «кущей»: — всѣ, какъ дѣти, утѣшатся куклой...

— И обѣ бабы будутъ по горло сыты, — улыбнулся Ферорь. Но вѣдь впослѣдствіи и кукла можетъ сдѣлаться опасной.

— Да, впослѣдствіи... Но впослѣдствіи все можетъ случиться, — загадочно отвѣчалъ Иродъ.

Ферорь понялъ брата.

XV.

Наступилъ праздникъ «кущей». Еще наканунѣ по Іерусалиму разнеслась вѣсть, что юный Аристовулъ, послѣдній отъ корени царя Давида и Маккавеевъ, въ санѣ первосвященника явится въ храмъ для жертвоприношеній. Вѣсть эта подняла на ноги весь Іерусалимъ. Болѣе другихъ народовъ склонные чтить свою историческую старину, своихъ національныхъ вождей, іудеи думали видѣть въ этомъ фактѣ признаки возрожденія того, что, казалось, попрано было идумеями. Іудеи опасались даже, что санъ первосвященника, санъ, преемственный отъ патріарховъ и пророковъ, идумеи такъже присвоятъ своему роду, какъ, благодаря оружію римлянъ, они присвоили себѣ царскую власть. А отъ Ирода все станется. Вѣдь, онъ изгналъ-же изъ своего дворца и изъ Іерусалима свою первую жену, Дориду, а вмѣстѣ съ нею изгналъ и своего первенца сына, Антипатра, рожденнаго отъ Дориды. Какъ еще не изгналъ онъ Аристовула? Мало того — какъ еще живъ этотъ прекрасный юноша? — Не даромъ въ городѣ ходитъ молва, что Иродъ погубилъ престарѣлаго первосвященника и царя Гиркана.

Теперь іерусалимляне тысячами стремились къ храму передъ началомъ жертвоприношеній. Особенное движеніе замѣчалось около Овчей купели, гдѣ мыли овецъ, обреченныхъ на закланіе. Тутъ-же толпились нищіе, хромые, слѣпые. Все, казалось, ожидало какого-то чуда. Дворъ храма былъ также запруженъ народомъ, который протискивался къ ларямъ, столикамъ и клѣткамъ съ голубями, также предназначенными для приношеній. Продавцы и покупатели кричали, спорили, такъ что дворъ храма представлялъ собою какой-то неистово галдящій базаръ или «вертепъ разбойниковъ», какъ, шестьдесятъ лѣтъ спустя и назвалъ его Тотъ, Котораго не поняли фарисеи.

Вдругъ словно электрическій токъ пробѣжалъ по толпѣ. Она какъ-будто оцѣпенѣла на мгновеніе.

— Идетъ! идетъ! — послышались взволнованные голоса.

Толпа разступилась. Показался ослѣпительной красоты юноша въ блестящемъ одѣяніи первосвященника въ сопровожденіи сѣдовласыхъ Семаіи, Авталіона, прочихъ членовъ синедріона, а также наиболѣе вліятельныхъ фарисеевъ и саддукеевъ.

— Осанна! осанна сыну Давидову! — вдругъ загремѣла толпа. — Осанна въ вышнихъ! — волной ходило восклицаніе по обширному двору храма, какъ, шестьдесятъ лѣтъ спустя, оно ходило и потрясало воздухъ, когда вступилъ сюда Тотъ, Который «не имѣлъ гдѣ голову преклонить».

Этотъ возгласъ достигъ ушей Ирода, потому что возгласъ этотъ, какъ эхо, повторили даже улицы іеру-

салимскія. Царь поблѣднѣлъ, прислушиваясь къ ликованіямъ толпы.

— Развѣ у Аристовула отецъ былъ Давидъ, а не Александръ? — наивно спросилъ Рамзесъ, помогая своему господину одѣваться.

«Нѣтъ, — отвѣчалъ Иродъ: — это у глупыхъ іудеевъ такой обычай — называть сынами Давида людей царскаго рода, какъ въ Египтѣ фараоновъ называютъ сыновьями Озириса и другихъ боговъ... Такъ вонъ оно куда пошло, — подумалъ онъ: — шмель въ одеждѣ красиваго мотылька становится опаснымъ... Надо отослать его къ дѣдушкѣ и къ предкамъ.

Но если-бы Иродъ видѣлъ, что дѣлалось въ храмѣ, когда Аристовулъ явился предъ алтаремъ, онъ пришелъ-бы еще въ большее неистовство. Умиленіе народа при появленіи юноши не знало границъ: — только іудеи, изумительно страстный и впечатлительный народъ, такъ умѣютъ выражать свой экстазъ — и въ радости, и въ горѣ. Женщины рыдали навзрыдъ отъ счастья, смѣшаннаго съ горькими воспоминаніями о національныхъ бѣдствіяхъ. Мужчины выражали свои чувства то восторженными криками, то угрожающими кому-то жестами.

— Вотъ все, что намъ осталось отъ нашей славы и нашего могущества, — говорили горестно старики: — оба дѣда его погибли насильственной смертью, отецъ также, дядя сложилъ голову подъ топоромъ римскаго палача.

— Горе, горе Іерусалиму! — восклицалъ старый энтузіастъ, Манассія бенъ-Іегуда. Мое сердце вѣщаетъ недоброе...

— Нѣтъ, нѣтъ! — восклицала іерусалимская молодежь: — мы сплотимся около него! — мы никому не дадимъ его!

Душа Ирода запылала гнѣвомъ и завистью, когда ему доложили наушники, что происходило въ храмѣ. Онъ порѣшилъ не медлить ни дня, ни минуты: — въ адскомъ умѣ его сложилось непреклонно...

— Я хочу сегодня — непремѣнно сегодня, вотъ при этомъ, а не при завтрашнемъ свѣтѣ этого солнца видѣть у ногъ своихъ трупъ этого Адониса, — злобствовалъ онъ въ умѣ, глядя, какъ высоко уже стоитъ солнце надъ гробницами пророковъ, вправо отъ Елеонской горы.

Онъ стоялъ въ это время на галлереѣ. Вдругъ къ ногамъ его упалъ молодой голубь, еще не умѣющій летать. Лицо Ирода мгновенно преобразилось. Онъ догадался, что голубь выпалъ изъ гнѣзда, помѣщавшагося на узкомъ карнизѣ галлереи. Онъ бережно поднялъ его.

— Бѣдный птенчикъ, — ушибся, — нѣжно гладилъ онъ перепуганную птичку: — не повредилъ-ли чего? — Эй, Рамзесъ! — крикнулъ онъ подходившему рабу: — позвать сейчасъ моего доктора! Вели ему осмотрѣть несчастнаго птенчика — онъ выпалъ изъ гнѣзда — не повредилъ-ли онъ чего. Да потомъ опять посадить его въ гнѣздо и наблюдать, чтобы онъ опять не вывалился... Укрѣпить гнѣздо... А для меня и для Аристовула, а также для брата Ферора и для принца Акибы прикажи сѣдлать коней... Я ѣду въ Іерихонъ... Чтобы стража изъ моихъ галатовъ также была готова въ путь... Возьми — мнѣ некогда — береги какъ зѣницу

ока — понимаешь?—заключилъ онъ, бережно передавая рабу голубя.

И тотчасъ-же отправился на половину Аристовула и его матери. Александру онъ засталъ молящеюся.

— Гдѣ Аристовулъ? — быстро спросилъ онъ.

— У себя — переодѣвается.

— Какая радость! — слышала? — продолжалъ торопливо Иродъ: — слышала, какъ принимали въ храмѣ нашего юнаго первосвященника? Радуется сердце матери? И мое ликуетъ... Я такъ люблю его — больше чѣмъ сына.

Александра съ радостными слезами слушала восторженную рѣчь зятя.

— Это должно было сильно повлiять на мальчика; онъ-же такой впечатлительный... Я боюсь за его здоровье... Ему надо сегодня-же отдохнуть, разсѣяться отъ слишкомъ сильнаго волненiя... Я хочу повеселить его... Пусть онъ подышетъ воздухомъ... Я сейчасъ ѣду въ Iерихонъ и возьму его съ собою. Со мной ѣдетъ и Ферор, а для Аристовула собственно мы еще прихватимъ и Акибу.

Вошелъ и Аристовулъ — такой радостный, свѣтлый. Иродъ со слезами умиленiя обнималъ его.

— Знаю, все знаю, — говорилъ онъ. — Я давно ждалъ этого свѣтлаго момента; давно я хотѣлъ показать Iудеѣ брата моей Марiаммы во всемъ его блескѣ... И сегодня это совершилось: — Iерусалимъ и вся Iудея снова обрѣли своего первосвященника! — Но я трепещу за твое здоровье, мой мальчикъ... хоть ты и первосвященникъ, но для меня ты — мальчикъ... Сегодня-же, сейчасъ

ѣдемъ въ Іерихонъ вздохнуть бальзамическимъ воздухомъ долины Іордана... Здѣсь душно, какъ въ каменномъ мѣшкѣ, какъ въ печи огненной, куда Навуходоносоръ сажалъ такихъ-же, какъ ты, «трехъ отроковъ».

— Но я уже не отрокъ, — гордо сказалъ юноша: — мнѣ восемнадцатый годъ.

Иродъ засмѣялся и снова обнялъ юношу.

— Но у тебя еще грудь не укрѣпилась — за твои легкія я опасаюсь, — говорилъ онъ; — готовься-же — сейчасъ ѣдемъ.

— Куда это? — вдругъ спросила вошедшая Маріамма.

— Въ Іерихонъ... Я хочу разсѣять мальчика послѣ столькихъ радостныхъ потрясеній... А радость, какъ и горе — все-же отравы, только одна — сладкая, а другая — нѣтъ.

Маріамма подозрительно посмотрѣла на мужа и нѣжно обняла брата.

— Хвала Непостижимому! — съ чувствомъ сказала она. — Онъ не отвратилъ лица своего отъ нашего рода.

Глаза Ирода сверкнули яростью; но онъ скрылъ все это; — онъ боялся, чтобы жена не разрушила его адскаго плана.

— Да. Но бѣдный мальчикъ блѣденъ; онъ много волновался, — и ему нуженъ цѣлительный воздухъ долины Іордана, и я ѣду туда съ нимъ, съ братомъ Фероромъ и Акибой, — сказалъ онъ, не желая слушать возраженій.

— Лошади осѣдланы и стража готова во ожиданіи царя, — доложилъ вошедшій Рамзесъ.

— А голубокъ что?

— Голубокъ совсѣмъ здоровъ и опять посаженъ въ гнѣздо.

Черезъ нѣсколько минутъ отрядъ галатовъ выступалъ изъ дворца, сопровождая Ирода и бывшихъ съ нимъ.

По улицамъ, по которымъ они проѣзжали, народъ, завидя вооруженныхъ галатовъ и Ирода, со страхомъ давалъ имъ дорогу, но при видѣ Аристовула радостно кричалъ: «осанна! осанна!». Слыша эти возгласы, Иродъ проникался еще большею яростью противъ виновника народныхъ привѣтствій, но тѣмъ болѣе старался выказать ему свою нѣжность.

Выѣхавъ Овчими воротами, они обогнули вправо городскія стѣны, и черезъ Кедронскій потокъ и масличныя рощи стали огибать Елеонскую гору, слѣдуя мимо гробницъ пророковъ.

— Отчего теперь Богъ не посылаетъ къ намъ пророковъ? — наивно спросилъ Аристовулъ.

— Теперь Богъ предоставилъ намъ самимъ предугадывать свое будущее, — отвѣчалъ Иродъ.

— Всякій человѣкъ, какъ и всякій народъ — кузнецъ своего будущаго, — замѣтилъ Ферорь.

— А я не знаю, что кую и что выкую, — улыбнулся Аристовулъ.

— Своимъ благонравіемъ ты уже выковалъ себѣ санъ первосвященника, — сказалъ Иродъ. -- А рожденіе твое выковало тебѣ смерть въ водѣ отъ источника пророка Елисея, — добавилъ онъ мысленно.

Оставивъ влѣво Виѳанію и спустившись въ междугорье, они продолжали то рысью, то иноходью, проѣзжать каменистымъ путемъ вплоть до того мѣста, гдѣ часа черезъ два ѣзды отъ Виѳаніи ихъ глазамъ открылась долина Іордана съ садами и рощами Іерихона, а влѣво — мрачное Мертвое море. Изъ-за зелени садовъ выступало бѣлое зданіе дворца съ башнями и бойницами. День былъ необыкновенно знойный.

— Ахъ, какъ хорошо было-бы теперь выкупаться въ дворцовомъ водоемѣ! — сказалъ Аристовулъ Акибѣ.

— Самъ лѣзетъ въ свою могилу, — подумалъ про себя Иродъ, и тутъ-же прибавилъ вслухъ: — Благая мысль, — это освѣжитъ васъ.

— А ты плавать умѣешь? — спросилъ Аристовулъ Акибу.

— Умѣю. А глубоко въ водоемѣ?

— Довольно, чтобы утонуть тому, кто не умѣетъ плавать, — засмѣялся Иродъ.

Вступивъ на дворцовое крыльцо и разрѣшивъ всѣмъ своимъ спутникамъ выкупаться въ обширномъ бассейнѣ, который окружалъ весь дворецъ, Иродъ подозвалъ къ себѣ одного галата изъ своей стражи.

— Иди за мной, — сказалъ онъ. — Говорятъ, ты хорошій водолазъ? — спросилъ онъ, когда они вошли въ отдѣльный покой, гдѣ никого не было.

— Когда я служилъ въ Аскалонѣ, свѣтлѣйшій царь, то доставалъ губки изъ глубины морской и въ этой глубинѣ я какъ у себя дома, — смѣло отвѣчалъ галатъ.

— А долго можешь пробыть въ водѣ? — снова спросилъ Иродъ.

— Столько, сколько нужно, чтобы трое непривычныхъ водолазовъ могли задохнуться подъ водой на смерть.

— Хорошо. Я всегда тебя отличалъ... Ты мнѣ нравишься и я теперь довѣрю тебѣ исполненіе моего тайнаго царскаго приказа. Сегодня я узналъ, что Аристовулъ, братъ царицы, моей супруги, котораго я облагодѣтельствовалъ, возведя въ высокій санъ первосвященника, умышляетъ на мою жизнь. Для этого, чтобъ расположить въ свою пользу населеніе Іерусалима, онъ явился въ храмъ въ полномъ величіи своего сана. Но мнѣ открыли его злодѣйскій замыселъ: — лишивъ меня жизни и захвативъ мой престолъ, онъ намѣренъ предать казни всѣхъ моихъ вѣрныхъ слугъ, въ томъ числѣ и васъ, моихъ доблестныхъ галатовъ. Узнавъ объ этомъ гнусномъ замыслѣ, я тотчасъ-же приговорилъ злодѣя къ лютой казни. Но ты знаешь — онъ братъ моей супруги, царицы Маріаммы. Какъ гласно предать его казни? — Это убьетъ царицу, которая нѣжно его любитъ. Я и порѣшилъ казнить его тайно, и совершеніе этой казни возлагаю на тебя. Сейчасъ онъ отправится купаться вмѣстѣ съ принцемъ Акибой и галатами. Иди и ты съ ними и во время купанья вызови, шутя, конечно, Аристовула на состязаніе. Онъ хвастается, что отлично плаваетъ и очень далеко ныряетъ. Ты состязайся съ нимъ въ этомъ. Когда вы оба разомъ, по сигналу, нырнете, ты подъ водою осторожно схвати его и продержи подъ водою столько времени, чтобы онъ успѣлъ задохнуться на смерть. Но не дави его, не жми, не души — чтобы не было на его тѣлѣ знаковъ на-

силія: — это я тебѣ особенно строго запрещаю. Когда-же ты убѣдишься, что онъ мертвъ и на поверхность бассейна всплыть не можетъ, тогда ты и вынырни какъ можно подальше отъ него. — Понялъ?

— Понялъ, свѣтлѣйшій царь, и исполню твой приказъ въ точности.

— Помни-же. А тебя за точное выполненіе моей воли ждутъ награда и повышеніе по службѣ. И не забывай, что это должно остаться глубочайшей тайной: — ее знаю только я, да ты. Иди-же, исполняй твой священный долгъ.

Всѣ уже купались, когда къ бассейну подошелъ исполнитель гнусной воли злодѣя. Онъ тотчасъ-же раздѣлся и бросился въ воду.

— Кто хочетъ со мною состязаться? — крикнулъ онъ вызывающе.

— Въ чемъ? — отозвались многіе.

— Въ ныряньѣ — кто дальше нырнетъ.

Всѣ галаты знали, что въ ныряньѣ никто не превзойдетъ аскалонскаго водолаза, и потому всѣ отказались отъ состязанія. Одинъ Аристовулъ, который въ это время плавалъ въ перегонку съ Акибой, вызвался помѣряться съ водолазомъ своимъ молодечествомъ.

Оба состязавшіеся постояли нѣкоторое время неподвижно, втягивая въ легкія побольше воздуху, и потомъ, по знаку, поданному Акибой, разомъ исчезли подъ водой.

Въ окошкѣ одной изъ башенъ дворца чуть-чуть виднѣлось чье-то лицо, но его никто не видѣлъ. То Иродъ тайно наблюдалъ за исполненіемъ его адскаго замысла.

— Какъ долго они подъ водой! — удивлялся Акиба, не видя, чтобы кто-либо показался на поверхности бассейна. — Я-бы давно задохся.

— Ай да молодой первосвященникъ! — говорили между тѣмъ галаты: — каковы легкія!

Время идетъ-идетъ, а ни Аристовула, ни аскалонскаго водолаза нѣтъ и нѣтъ! Въ одномъ мѣстѣ бассейна стали-было выплывать на поверхность воды пузыри, но и тѣ полопались и исчезли...

А тѣхъ все не видать...

Наконецъ, далеко-далеко вынырнулъ водолазъ.

— Вонъ онъ! — вонъ онъ! — закричали галаты: — а того все нѣтъ! — Вотъ ныряетъ!

Ждутъ-ждутъ! — Вотъ аскалонскій водолазъ приплылъ, а того все нѣтъ!

— Ну, осрамился я, — сказалъ водолазъ, тяжело дыша: — мальчикъ побѣдилъ меня!

Еще ждутъ... Мгновенія превращаются во что-то безконечное... Акибѣ становится страшно...

— Да онъ не человѣкъ, а сирена, — говоритъ между тѣмъ аскалонскій водолазъ, продолжая тяжело дышать.

— Нѣтъ, нѣтъ! онъ утонулъ! — испуганно восклицаетъ Акиба. — Надо его искать, спасать!

— Въ самомъ дѣлѣ, не захлебнулся-ли онъ? — высказывается опасеніе и среди галатовъ.

— Да, да! — будемъ искать его... Долго-ли до бѣды!

Галаты начинаютъ нырять по всѣмъ направленіямъ. Нѣтъ и нѣтъ Аристовула! Акиба начинаетъ громко рыдать.

— Что случилось? — появился вдругъ у бассейна

Фероръ, который, какъ страстный любитель лошадей, воротился изъ царскихъ конюшенъ, гдѣ онъ осматривалъ приведенныхъ изъ Аравіи кровныхъ матокъ. — Гдѣ Аристовулъ?

— Боимся — не утонулъ-ли онъ, — робко отвѣчали галаты.

— Сѣти сюда скорѣй! — приказывалъ Фероръ. — Гдѣ смотритель водъ? Давайте сѣти!

Принесли сѣти. Закинули. На террасѣ дворца показался Иродъ.

— Что случилось? — крикнулъ онъ. — Кого ищете?

— Аристовулъ утонулъ! Аристовулъ! — Громко рыдалъ Акиба. — О, Іегова!

Подошелъ къ бассейну Иродъ. Тутъ-же въ смятеніи толпились всѣ служители дворца, конюхи, рабы.

— О, какое несчастіе! — говорилъ Иродъ, не спуская глазъ съ бассейна. — О, какое несчастіе! Ищите! — ищите тщательнѣе!.. Его еще можно спасти.

— Здѣсь! — здѣсь! — что-то тяжелое! — тащите къ берегу!

Вытащили. Въ сѣтяхъ, сверкая чешуей на солнцѣ словно серебромъ, бились попавшія въ сѣть рыбы и тамъ-же чарующее красотою молодыхъ формъ бѣлѣло какъ мраморъ Пароса, прекрасное безжизненное тѣло Аристовула.

Всѣ плакали, стараясь возвратить къ жизни похолодѣвшее тѣло юноши. Акиба рыдалъ истерически.

Плакалъ и Иродъ слезами крокодила.

XVI.

Какъ громомъ пораженъ былъ Іерусалимъ съ быстротою молніи долетѣвшею до него вѣстью о трагической смерти юнаго первосвященника. Еще утромъ онъ привѣтствовалъ прекраснаго юношу восторженными возгласами «осанна» — и вдругъ! — его ужъ нѣтъ.

Но ужасъ и отчаяніе Александры и Маріаммы превзошли всякую мѣру. Обѣ разомъ онѣ узнали всю истину — чутьемъ сердца угадали ее: — убійца Аристовула — Иродъ, этотъ ненавистный имъ обѣимъ злодѣй! Какъ онъ ни старался изобразить своими поступками и словами горесть объ ужасной смерти юноши,— онѣ не вѣрили ему и тѣмъ пламеннѣе ненавидѣли опытнаго актера. Какъ ни блестяще было погребеніе, которое Иродъ устроилъ своей жертвѣ съ неслыханною щедростью и пышностью, какъ ни рыдалъ онъ всенародно, провожая тѣло юноши въ царскія усыпальницы,—ни народъ, ни тѣмъ болѣе мать и сестра покойнаго не вѣрили искренности рыданій крокодила. Маріамма, менѣе сдержанная, чѣмъ ея мать, тутъ-же, во время погребальной процессіи, выразила терзавшія ее чувства.

— Что плачетъ крокодилъ — это въ порядкѣ вещей: — онъ одинаково можетъ плакать какъ въ камышахъ Нила, такъ и у царскихъ гробницъ, — сказала она, увидавъ у гроба брата старую Кипру и сестру Ирода, Саломею. Но, чтобы плакали ядовитыя змѣи пустыни Петры — этого я не слыхала.

Какъ ни шпіонилъ Иродъ за своей тещей, Александра вскорѣ послѣ похоронъ сына успѣла-таки тайно отправить гонца къ Клеопатрѣ съ письмомъ, въ которомъ, изливая свое горе и отчаяніе по поводу страшной утраты сына, она прямо обвиняла Ирода въ убійствѣ Аристовула и требовала у Антонія суда надъ злодѣемъ.

Иродъ предвидѣлъ это. Онъ зналъ, что Антоній, повинуясь чарамъ Клеопатры, нарядитъ слѣдствіе по дѣлу о смерти Аристовула, что къ слѣдствію привлекутъ всѣхъ галатовъ, бывшихъ въ Іерихонѣ съ нимъ въ первый день праздника «кущей», что не избѣгнетъ допроса и пытокъ и аскалонскій водолазъ. Пытки развяжутъ ему языкъ... Какъ быть? — Надо, чтобы этотъ единственный свидѣтель его злодѣянія и вѣроятный обличитель исчезъ безслѣдно... И соучастникъ злодѣянія дѣйствительно исчезъ какъ живой обличитель: — мертвое тѣло его найдено было въ темномъ проходѣ между дворцомъ и Стратоновой башней...

Кто-же убилъ его?

Иродъ хорошо зналъ исторію первыхъ іудейскихъ царей изъ династіи Маккавеевъ. Первымъ изъ нихъ былъ Аристовулъ I. Опасаясь за свою власть, онъ всю свою семью — мать и братьевъ — заточилъ въ темницу,

гдѣ и уморилъ мать голодомъ. Злодѣй пощадилъ-было одного изъ своихъ братьевъ—Антигона, но не надолго. Когда Антигонъ прибылъ изъ Галилеи въ Іерусалимъ, Аристовулъ пригласилъ брата къ себѣ во дворецъ. А такъ какъ Антигонъ долженъ былъ явиться во дворецъ изъ храма, гдѣ онъ молился, и проходить черезъ Стратонову башню, то Аристовулъ и послалъ туда убійцъ, которые и закололи въ темномъ проходѣ невинную жертву братской злобы.

Этотъ эпизодъ изъ исторіи своихъ предшественниковъ и вспомнилъ Иродъ, и воспользовался имъ. Зная, когда соучастникъ въ его злодѣяніи долженъ былъ тайно пробираться къ нему во дворецъ, по его-же приказанію, и проходить тѣмъ темнымъ корридоромъ, гдѣ зарѣзали Антигона, Иродъ самъ вышелъ къ нему на встрѣчу и самъ зарѣзалъ его. Наградилъ?

Извѣстіе о загадочной смерти «аскалонскаго водолаза» укрѣпило Александру и Маріамму въ увѣренности, что Аристовула утопилъ въ бассейнѣ Іерихона этотъ водолазъ по приказанію Ирода и Иродъ-же убилъ его, какъ своего обличителя.

Послѣ этого Александра вновь написала Клеопатрѣ, требуя суда надъ Иродомъ.

Съ своей стороны ни старая Кипра, мать Ирода, ни Саломея, его сестра, не забыли, какъ Маріамма во время похоронъ Аристовула назвала Ирода «плачущимъ нильскимъ крокодиломъ», а ихъ самихъ, Кипру и Саломею —«ядовитыми змѣями пустыни Петры».— Разъ Иродъ навѣстилъ мать вскорѣ послѣ похоронъ Аристовула.

— Здравствуй, нильскій крокодилъ! — встрѣтила сына старая Кипра.

— Что такое, матушка? — удивился Иродъ.

— Я не мать тебѣ, — отвѣчала старуха: — ядовитая змѣя Петры не можетъ быть матерью нильскаго крокодила.

Слова матери поразили Ирода. Онъ подумалъ, что разсудокъ Кипры помѣшался.

— Нильскій крокодилъ ядовитая змѣя Петры, — бормоталъ онъ въ недоумѣніи.

— Да! — такъ называетъ насъ твоя жена: — тебя — нильскимъ крокодиломъ, который плакалъ надъ Аристовуломъ, а насъ — меня и твою сестру — ядовитыми змѣями Петры.

Иродъ поблѣднѣлъ: — крокодилъ, плачущій надъ своей жертвой — это онъ, Иродъ.

— У Маріаммы тогда съ горя помутился разсудокъ, — сказалъ онъ.

— Онъ у нея помутился давно — еще тогда, когда она посылала свой портретъ Антонію, — возразила старуха.

— Какъ! — вспыхнувъ какъ огонь, вскочилъ Иродъ, безумно любившій свою жену.

— О, простота, какъ всякій мужчина, — презрительно улыбнулась Кипра: — развѣ ты не знаешь, для чего похотливая женщина посылаетъ свое изображеніе мужчинѣ, да еще какому!

Иродъ былъ пораженъ. Въ немъ забушевала ревность. До сихъ поръ онъ могъ упрекнуть жену только въ холодности къ нему: — она не только не раздѣляла

его страстныхъ порывовъ, но даже какъ-бы съ брезгливостью отдавалась его ласкамъ. Онъ и считалъ ее холодною, мраморною красавицей съ рыбьей кровью. У него не выходилъ изъ памяти случай, когда онъ, пригрозивъ распять на крестѣ всѣхъ жителей Іерусалима и потомъ помиловавъ ихъ, встрѣтилъ въ тронномъ покоѣ двора Маріамму, тогда еще маленькую дѣвочку и, желая приласкать ее, спросилъ: «развѣ ты не узнала своего Давида?» — то на это получилъ гордый отвѣтъ дѣвочки: «нѣтъ, ты не мой!» — Потомъ, взрослой: выйдя за него замужъ, она оставалась все такою-же холодной, съ неохотой отдававшейся его ласкамъ, хотя и имѣла отъ него уже двухъ сыновей и одну дочь. Но чтобъ ревновать ее къ кому-бы то ни было — этого ему и въ голову не приходило. И вдругъ теперь мать заронила въ его душу такую искру — въ его то огненную душу!.. Маріамма — этотъ мраморъ — похотливая женщина!.. Это для него цѣлый адъ терзаній! Для него Маріамма до сихъ поръ казалась почти дѣвочкой. Ей и теперь всего восемнадцать лѣтъ. Онъ взялъ ее себѣ въ жены, когда она была еще совершеннымъ ребенкомъ съ едва замѣтными признаками женщины. Онъ и теперь видѣлъ въ ней дѣвочку съ инстинктами и темпераментомъ ребенка, — и вдругъ! — невѣдомо для него — она похотлива! Съ тайной похотью своей она обращается къ Антонію! — Она въ мысляхъ и чувствахъ уже невѣрна мужу! — она уже за глаза отдалась Антонію!

И какъ-бы въ подтвержденіе этихъ ужасныхъ подозрѣній Иродъ черезъ нѣсколько дней получаетъ отъ

Антонія приказъ—явиться въ Александрію. Отославъ обратно въ Египетъ гонцовъ съ донесеніемъ, что онъ немедленно исполнитъ волю дуумвира, Иродъ сталъ готовиться къ отъѣзду съ мучительными думами. Теперь онъ всего могъ ожидать отъ Антонія. Но кому довѣрить Маріамму—это сокровище, которое терзало его душу? Ферор въ Заіорданьѣ. Остается его любимецъ, Іосифъ, мужъ Саломеи, за котораго эту послѣднюю Иродъ выдалъ силою. Саломея тайно любила другого, хотя не видала его въ глаза. Это былъ таинственный «сынъ Петры», спасшій ее и всю Масаду отъ смерти, когда осажденные умирали отъ безводья.

Иродъ отправился въ покои Іосифа. Его встрѣтила сестра съ злорадной улыбкой.

— Ты что, Саломея, такая радостная?—спросилъ Иродъ.

— Напротивъ—я готова плакать,—ехидно отвѣчала Саломея:—бѣдная Маріамма!

— Что такое?—испугался Иродъ.

— Она слѣпая, бѣдняжка!—уклончиво отвѣчала лукавая идумейка.

— Ты что говоришь вздоръ!—вспылилъ Иродъ.

— Не вздоръ, а горькую истину:—ей Клеопатра выколола глаза.

— Я не позволю тебѣ шутить съ царемъ, Саломея!—сурово сказалъ Иродъ,—не забывай моихъ подземныхъ темницъ, гдѣ ты сама можешь лишиться зрѣнія.

— Я не забываю, царь!—гордо отвѣчала Саломея.—Гонцы Антонія привезли мнѣ письмо отъ ея евнуха (онъ получаетъ отъ меня подарки),—онъ пишетъ,

что Клеопатра, приревновавъ Антонія къ портрету Маріаммы, выколола ей глаза—такъ и пишетъ евнухъ;— «ей», а не ея портрету.

Это извѣстіе поразило Ирода еще больше, чѣмъ увѣренія матери, что его Маріамма похотлива и сама навязывается Антонію. Въ ослѣпленіи ревности онъ не подумалъ даже провѣрить, не ложно-ли показаніе Саломеи и дѣйствительно-ли она получила письмо отъ евнуха Клеопатры, а не сама это измыслила, чтобы хоть этимъ мстить ему за то, что онъ насильно выдалъ ее замужъ за нелюбимаго ею Іосифа.

Отуманенному ревностью уму его теперь стало ясно, что Антоній прельстился красотою Маріаммы, что Клеопатра приревновала его къ ней, и что, въ концѣ концовъ, Антоній теперь рѣшилъ погубить его, Ирода, чтобы завладѣть Маріаммой.

— Что же еще пишетъ тебѣ евнухъ?—спросилъ онъ, помолчавъ, въ надеждѣ хотя косвенно узнать, что можетъ ожидать его въ Александріи.

— Ничего отраднаго:—Антоній, кажется, совсѣмъ потерялъ и волю, и разсудокъ, а Клеопатра дѣлается все ненасытнѣе,—отвѣчала Саломея:—ты теперь ея подданный.

— Какъ подданный?—испугался Иродъ, хотя страхъ ему почти не былъ знакомъ.

— Да, подданный; но не только ты, но и Антоній—ея подданный:—жрецы провозгласили ее богиней Изидой, и Антоній слѣдуетъ за нею, во время процессій въ храмахъ, въ толпѣ ея евнуховъ и считается главнымъ евнухомъ.

— Но это безуміе! — ясно, что онъ лишился разсудка. — Но почему-же я подданный Клеопатры? — спросилъ Иродъ.

— Потому, что титулъ ея теперь — «царица царей», то-есть, она повелительница всѣхъ царей Востока — пергамскаго, парѳянскаго, аравійскаго и — іудейскаго.

— Не можетъ быть! — воскликнулъ Иродъ.

— Не знаю... Мнѣ такъ пишутъ.

— Гдѣ-же это письмо! — покажи мнѣ его.

— Какой ты наивный! — улыбнулась Саломея: — развѣ такія письма оставляются въ рукахъ того, кому пишутся? Если-бы гонецъ, доставившій его мнѣ, не возвратилъ его тому, кто его писалъ, то топоръ отдѣлилъ бы его голову отъ туловища.

Иродъ заметался, какъ пойманный звѣрь. Онъ сразу рѣшилъ, что ему дѣлать.

— Гдѣ твой мужъ? — спросилъ онъ.

— Онъ у себя, — отвѣтила Саломея.

— Знаетъ онъ все, что ты мнѣ сообщила?

— Мужъ не всегда долженъ знать, что знаетъ и дѣлаетъ его жена, — ехидно отвѣчала Саломея.

Для Ирода это былъ жестокій уколъ. Онъ понялъ въ немъ намекъ, — и, не говоря ни слова, прошелъ прямо къ Іосифу.

— Теперь, мой добрый Іосифъ, выслушай мою послѣднюю волю, — заключилъ онъ, разсказавъ все, что узналъ отъ матери.

— О, царь! — воскликнулъ Іосифъ, — зачѣмъ-же послѣдняя?

— Я предвижу, что мнѣ уже не вернуться изъ Египта,—мрачно отвѣчалъ Иродъ.—Антоній если и не повѣритъ клеветѣ Александры, будто я виновникъ смерти Аристовула, то покажетъ видъ, что вѣритъ ей, лишь-бы имѣть предлогъ осудить меня и казнить.— Ему нужна моя Маріамма.. Маріаммы онъ жаждетъ. Клеопатрой онъ пресытился. Но я люблю Маріамму,— она моя и здѣсь, и за гробомъ! Я не хочу, чтобы послѣ моей смерти она принадлежала кому-либо другому. Іосифъ!—страстно продолжалъ онъ:—клянись исполнить мою послѣднюю волю!

— Но въ чемъ-же она, царь мой?—спросилъ изумленный Іосифъ.

— Слушай:—какъ только дойдетъ до тебя вѣсть, что меня ужъ нѣтъ въ живыхъ—тотчасъ-же собственноручно убей Маріамму! Клянись мнѣ!

Іосифъ отступилъ съ ужасомъ.—Царь!—могъ онъ только сказать.

— Клянись!—повторилъ Иродъ:—клянись и небомъ, и землею, что̀ ты убьешь ее!

— Царь мой и владыка! — пощади! — взмолился Іосифъ.

— Нѣтъ! клянись! Видишь, я умоляю тебя! И Иродъ упалъ на колѣни.—Безъ нея нѣтъ для меня загробной жизни! Безъ нея я не хочу зрѣть лицо Саваоѳа! Клянись!

— Клянусь!—простоналъ Іосифъ, также падая на колѣни.

XVII.

Но Маріамма не была убита — часъ ея еще не насталъ.

Зная алчность Клеопатры и Антонія, безумно тратившихъ доходы Египта и азіятскихъ провинцій Рима, Иродъ явился въ Александрію съ такими грузами драгоцѣнныхъ подарковъ и золота, что вполнѣ насытилъ алчность своихъ судей, — и обвиненіе Ирода въ убійствѣ Аристовула осталось не доказаннымъ. Однако, Клеопатрѣ этого было мало: — какъ царица царей она желала завладѣть и Аравіей, и Іудеей.

— Ты не все отдалъ мнѣ, что обѣщалъ, — говорила она Антонію послѣ пріема Ирода.

— Какъ не все, моя Изида? — удивился Антоній.

— А помнишь тотъ день въ Тарсѣ, когда Вакхъ въ первый разъ увидѣлъ Венеру? Помнишь ночь, слѣдовавшую за этимъ днемъ?

— Помню, все помню, мое божество.

— Валяясь у моихъ ногъ и вымаливая моей благосклонности, ты говорилъ: — за одну ночь блаженства я отдамъ тебѣ всѣ царства міра.

— Что-жъ, моя царица, я и отдалъ тебѣ всю Азію — Сирію, Финикію, Киликію, Кирену, Арменію...

— А Іудея и Аравія?

— Но Иродъ — нашъ союзникъ. Теперь намъ предстоитъ война съ Римомъ: — сенатъ негодуетъ на меня за тебя и посылаетъ противъ меня Октавіана.

— И ты боишься этого ханжи-мальчишки!

— Онъ уже не мальчишка, царица. И вотъ въ этой войнѣ Иродъ пригодится мнѣ.

— Мы и безъ Ирода при помощи моего флота потопимъ въ морѣ утлыя лодчонки Рима, — гордо сказала Клеопатра: — хвала Нептуну! — есть гдѣ похоронить дерзкаго Октавіана съ его жалкимъ флотомъ: — мои Зеленыя Воды напоятъ собою жаждущую утробу Рима... А Ирода ты теперь-же пошли противъ аравійскаго царя, который отказался платить мнѣ дань. Это моя воля!

— И она будетъ исполнена, моя Изида, — покорно отвѣчалъ выжившій изъ ума дуумвиръ.

Такимъ образомъ Иродъ былъ отпущенъ изъ Египта невредимымъ и Маріамма осталась жива. Однако, Ироду предстоялъ походъ въ Аравію.

Воротившись въ Іерусалимъ, Иродъ прежде всего поспѣшилъ на половину царицы. Онъ такъ соскучился по женѣ, такъ жаждалъ скорѣе увидѣть ее, услышать ея голосокъ, котораго мелодія казалась для него милѣе, благозвучнѣе всякой музыки. Онъ такъ много думалъ о ней въ Александріи. Глядя на Клеопатру и сравнивая въ умѣ ея красоту съ красотой Маріаммы, онъ находилъ, что такое сравненіе — оскорбленіе для Маріаммы. Развѣ-же можно сравнивать чистое божество, его непорочную дѣвочку съ этимъ идоломъ, ко-

торая открывала свои нечистыя объятія и Птолемею, и Цезарю, и Антонію — и еще, и еще кому?.. Маріамма чиста, какъ снѣгъ на вершинѣ Ливана... Скорѣй, скорѣй видѣть это чудное созданіе, холодное въ своей непорочности... Не удивительно, что Клеопатра выколола на ея портретѣ ея чудные, ангельски ясные, невинные глаза... Этого портрета ему, конечно, не показали. Скорѣе, скорѣй къ божеству!

Но Маріамма встрѣтила его съ ледяной, съ подавляющей холодностью. Никогда не казалась она ему такой неприступной, такой подавляюще гордой, какъ въ этотъ моментъ. Это было что-то чужое, назнакомое, далекое, но поразительно прекрасное. Иродъ оторопѣлъ.

— Маріамма! — могъ онъ только пролепетать, задыхаясь отъ волненія и страсти.

— Иродъ! — былъ ледяной отвѣтъ.

— Что съ тобой, моя царица, моя любовь?

— Любовь? — презрительно кинула Маріамма.

— Я-ли не любилъ тебя!

— О да! — ты далъ мнѣ сильное доказательство твоей любви тѣмъ, что приказалъ Іосифу убить меня! — съ негодованіемъ воскликнула Маріамма.

Иродъ отступилъ какъ ужаленный. Слова жены точно ножомъ ударили его въ сердце, и онъ заметался словно травленный звѣрь.

— Какъ! — онъ выдалъ тебѣ эту тайну? — задыхаясь спросилъ онъ.

— Да, выдалъ, — спокойно отвѣчала Маріамма.

— А! — вотъ какъ! — задыхался Иродъ: — ты все

сказала. Іосифъ вотъ кто!.. понимаю!.. Онъ никогда не открылъ-бы тебѣ моей тайны, если-бы не былъ въ преступной связи съ тобой.

Маріамма презрительно пожала плечами. — Безумный!

— Такъ смерть-же вамъ обоимъ, — закричалъ Иродъ.

Маріамма съ какою-то гадливостью поглядѣла на искаженное лицо мужа.

— Жалкій глупецъ! — тихо сказала она. — Іосифъ за тебя-же распинался — доказывалъ, какъ сильна твоя любовь — что и въ смерти ты не можешь разлучиться со мной... Жалкій трусъ!

Дольше Иродъ не могъ вынести этой пытки. Какъ помѣшанный, онъ выскочилъ отъ Маріаммы и носился взадъ и впередъ по обширному дворцу, нагоняя на всѣхъ ужасъ. Это былъ настоящій звѣрь пустынь Идумеи, и всѣ спѣшили спрятаться отъ него. Одна Саломея не испугалась брата.

— Что такъ мало видѣлся съ женой? — спросила она. — Царица и мой муженекъ не ждали тебя такъ скоро.

— Іосифъ!.. И ты за одно съ ними? — остановился вдругъ бѣсноватый.

— Нѣтъ, — они вдвоемъ заодно, — лукаво отвѣчала сестра.

— На крестъ! — распять ихъ заодно, на одномъ крестѣ его на нее!

Злобная радость сверкнула въ красивыхъ глазахъ Саломеи... «Сынъ Петры!» — забилось ея сердце: — «гдѣ ты?».

Иродъ-же, какъ только воротилась къ нему способность говорить болѣе спокойно, приказалъ Рамзесу позвать одного изъ ближайшихъ царедворцевъ, Соема, и велѣлъ ему тотчасъ-же распорядиться негласнымъ убійствомъ мужа своей сестры.

— Чтобъ никто не зналъ... за святость взятъ живой на небо, — съ злою улыбкой закончилъ онъ.

— Но убить Маріамму! — На это не хватало его силъ... Его солнце тогда потухнетъ... Развѣ лечь рядомъ съ нею на ложе смерти? — Такъ будетъ лучше... А дѣти? — Что ему дѣти безъ Маріаммы!

Онъ снова пошелъ къ ней. Но въ одномъ изъ переходовъ дворца его встрѣтилъ прелестный мальчикъ лѣтъ пяти — живой портретъ Маріаммы. Съ мальчикомъ былъ старый евнухъ-негръ.

— А! — отецъ! — обрадовался мальчикъ.

— Здравствуй, Александръ! — сказалъ Иродъ, цѣлуя головку сына (это былъ старшій сынишка отъ Маріаммы)... Вы не ждали меня?

— Нѣтъ, ждали и молились за тебя.

— Какъ-же вы молились?

— А такъ: — Богъ отцовъ нашихъ! — помилуй нашего отца!

— А кто научилъ васъ этой молитвѣ?

— Мама... она все плакала, — отвѣчалъ ребенокъ.

Лицо Ирода мгновенно прояснилось, но снова какая-то мысль омрачила его.

— Ну, черный кушъ, — пойдемъ играть, — сказалъ мальчикъ и убѣжалъ.

Маріамма приказывала дѣтямъ молиться о немъ.

Что это? Дѣйствительно-ли она опасалась за его жизнь? или это боязнь за себя, когда она узнала отъ Іосифа его тайное распоряженіе въ случаѣ его смерти? О, тогда это была молитва не за него! Но — Александръ сказалъ — она все плакала? Конечно, боязнь смерти вызывала эти слезы... А слезы страха — это преграда отъ любовныхъ помысловъ, отъ любовныхъ вожделѣній... Она, слѣдовательно, невинна... Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ онъ приказалъ казнить Іосифа, если и онъ невиновенъ въ томъ, на что прозрачно намекнула Саломея? — Нѣтъ! — онъ виновенъ, — виновенъ тѣмъ, что выдалъ его тайну. Онъ заслужилъ смерть!.. Но Маріамма, это бѣдное дитя, — за что она должна страдать? И онъ вспомнилъ выпавшаго изъ гнѣзда голубка... Невинный, безпомощный. Не тоже-ли и Маріамма? — не ее-ли, какъ юнаго птенчика, онъ вырвалъ изъ родного гнѣзда? — И ему стало невыразимо жаль этой женщины-ребенка.

Онъ рванулся къ ней примиренный, раскаявшійся.

— Прости меня, дитя мое! — припалъ онъ къ ногамъ Маріаммы: — я оскорбилъ тебя... прости меня, не отталкивай отъ себя.

Маріамма молчала, тихо отстраняя его отъ себя.

— Маріамма! сжалься! — безъ тебя не жизнь мнѣ — адъ! — ломалъ онъ руки.

— И моя жизнь — адъ, — тихо проговорила Маріамма. — Умереть-бы...

Иродъ, забывъ все, мгновенно обнажилъ мечъ.

— И тебя, и себя — разомъ, чтобы кровь наша смѣшалась! — простоналъ онъ.

— Рази! — И Маріамма, разорвавъ одежду, обнажила бѣлую, какъ лилія грудь.

— Нѣтъ, не могу, не могу! — съ плачемъ простоналъ онъ и, шатаясь какъ пьяный, вышелъ.

— Въ походъ... въ Аравію... тамъ найду смерть, — бормоталъ онъ.

И онъ тотчасъ-же приказалъ позвать на военный совѣтъ Ферора Соема и главныхъ военоначальниковъ.

— Что Іосифъ? — спросилъ онъ Соема, когда тотъ вошелъ.

— Въ царствѣ тѣней, — былъ отвѣтъ.

Въ совѣтѣ рѣшено было немедленно двинуться за Іорданъ.

Арабы, узнавъ о переходѣ отрядовъ Ирода къ Галанду, встрѣтили его у Діосполиса. Битва была жаркая, сопротивленіе врага упорное. Иродъ, казалось, искалъ смерти, но самъ несъ смерть всюду, куда только направлялось его убійственное боевое копье. Воины его, видя личную храбрость самого царя, его изумительное безстрашіе, воодушевились какъ одинъ человѣкъ, — и арабы потерпѣли жестокое пораженіе. Но это пораженіе подняло на ноги всю Петру, всю пустыню до Келесиріи. Арабы встрѣтили іудеевъ у Канаѳы. Завязалась битва. Опьяненные первой побѣдой, іудеи ринулись на врага съ такою поспѣшностью, что обнажили свой тылъ. Этимъ воспользовался злѣйшій врагъ Ирода, коварный грекъ Аѳеніонъ, одинъ изъ полководцевъ Клеопатры. Онъ велѣлъ жителямъ Канаѳы напасть на іудеевъ съ тыла, — и іудейское войско постигло страшное пораженіе. Не успѣли отряды Ирода опом-

ниться отъ этого бѣдствія, какъ ихъ страну посѣтило еще болѣе ужасное, небывалое бѣдствіе — землетрясеніе, опустошившее всю цвѣтущую долину Сарона, разрушившее всѣ города этой житницы Іудеи и похоронившее подъ развалинами домовъ до тридцати тысячъ іудеевъ. Ужасъ овладѣлъ страной.

Этимъ воспользовались арабы и внесли новое опустошеніе въ страну, народъ которой окончательно упалъ духомъ. Бодрствовалъ одинъ Иродъ, котораго мощный духъ, казалось, еще болѣе закаливали бѣдствія. Поспѣшивъ съ войскомъ въ Іерусалимъ, онъ созвалъ народное собраніе.

— Іудеи! — обратился онъ къ собранію: — страхъ, охватившій васъ, неоснователенъ! Если кары небесъ повергли васъ въ унынiе — то это естественно; но если человѣческія гоненія повергаютъ васъ въ отчаяніе — то это обличаетъ въ васъ отсутствіе мужества. Я такъ далекъ отъ мысли послѣ землетрясенія бояться непріятеля, что, напротивъ, болѣе склоненъ вѣрить — и вѣрю, что Богъ хотѣлъ этимъ бросить арабамъ приманку, чтобы намъ дать возможность мстить имъ. Знайте, что они напали на нашу страну, надѣясь не столько на собственныя руки и оружіе, сколько на тѣ случайныя бѣдствія, которыя насъ постигли. Но та надежда обманчива, которая опирается не на собственныя силы, а на чужое несчастіе, потому что ни несчастье, ни счастье не представляютъ собою нѣчто устойчивое въ жизни; напротивъ! — счастье постоянно колеблется. Вы это сами знаете: не мы-ли постоянно побѣждали всѣхъ и въ томъ числѣ арабовъ? — а те-

перь они насъ побѣдили. Но теперь непріятель, убаюканный побѣдою, не ждетъ пораженія — и будетъ пораженъ нами. Помните, что слишкомъ большая самоувѣренность порождаетъ неосторожность, боязнь-же научаетъ предусмотрительности! — оттого ваша боязливость теперь — бодрость духа въ будущемъ. Когда вы были слишкомъ смѣлы и самоувѣренны и напали на непріятеля у Канаѳы вопреки моему приказу, Аѳеніонъ и нашелъ возможность осуществить свой коварный замыселъ. Но теперешняя ваша робость и видимое малодушіе — знаменія предстоящей побѣды. Пребывайте въ этомъ состояніи духа вплоть до битвы; въ пылу-же боя пусть воспрянетъ все ваше мужество и пусть оно докажетъ безбожному племени, что никакое несчастіе, будь оно отъ Бога или людей, никогда не будетъ въ состояніи сокрушить храбрость іудеевъ, пока тлѣетъ въ нихъ искра жизни, и что никто изъ васъ не дастъ арабамъ, которыхъ вы такъ часто уводили плѣнными съ поля битвы, сдѣлаться господами надъ вашимъ имуществомъ. Не поддавайтесь только вліянію случайныхъ разрушительныхъ силъ природы и не смотрите на землетрясеніе, какъ на знаменіе дальнѣйшихъ бѣдствій. То, что происходитъ въ стихіяхъ, совершается по законамъ природы, и, кромѣ несущаго ими съ собою вреда, стихіи ничего больше не приносятъ человѣку. Голодъ, моръ и землетрясеніе еще могутъ быть предвѣщаемы менѣе важными знаменіями; но сами эти бѣдствія предѣломъ своимъ имѣютъ самые ужасы — они кончены! — такъ какъ какой еще большій вредъ можетъ нанести намъ самый

побѣдоносный врагъ, чѣмъ тотъ, который мы уже потерпѣли отъ землетрясенія? Съ другой стороны — непріятель получилъ великое предзнаменованіе своего пораженія — знаменіе, данное ему не природой и не другой какой-либо силой: — они, вопреки всѣмъ человѣческимъ законамъ, жестокимъ образомъ умертвили нашихъ пословъ и такія жертвы посвятили божеству за исходъ войны!

Иродъ остановился. Онъ видѣлъ, какъ проясняются лица слушателей. Многіе взоры были обращены на его дворецъ. Онъ глянулъ туда. На кровлѣ дворца виднѣлись двѣ женскія фигуры съ поднятыми къ небу руками. То молились Кипра и Маріамма... За кого молилась послѣдняя? — за него или за народъ свой? Онъ тоже поднялъ руки къ небу, какъ-бы призывая его въ помощь.

— Іудеи! — страстно воскликнулъ онъ: — вѣрьте — враги наши не укроются отъ всевидящаго ока Божія и не избѣгнутъ Его карающей десницы. Они немедленно должны дать намъ удовлетвореніе, если только въ насъ еще живетъ духъ нашихъ предковъ и если мы поднимемся на месть измѣнникамъ. Пусть каждый идетъ въ бой не за жену свою и дѣтей, даже не за угрожаемое отечество, а въ отмщеніе за убитыхъ пословъ. Они лучше, чѣмъ мы, живые, будутъ руководить битвой. Я-же буду впереди васъ во всякой опасности — и побѣда за нами!

Предсказаніе Ирода оправдалось.

Послѣ рѣчи, воодушевившей іудеевъ, Иродъ, совершивъ въ храмѣ жертвоприношеніе, немедленно вы-

ступилъ въ походъ и, переправившесь около Іерихона черезъ Іорданъ, настигъ арабовъ у Филадельфіи *). Двѣнадцать тысячъ труповъ сыновъ пустыни легло на мѣстѣ и четыре тысячи арабовъ были взяты въ плѣнъ.

Вся Аравія, послѣ этого, избрала Ирода своимъ верховнымъ главой.

— Благодарю тебя за мой народъ!—такъ встрѣтила его послѣ похода Маріамма, и, поднявшись нацыпочки, поцѣловала его черную, сильно посѣдѣвшую голову.

Это былъ первый поцѣлуй, полученный имъ отъ Маріаммы—послѣ шести лѣтъ сожительства!

---

*) Арабское Равваѳъ-Аммонъ или Раббатъ-Аммонъ.

XVIII.

Твой поцѣлуй, Маріамма, цѣннѣе для меня короны Іудеи и лавроваго вѣнка побѣдителя, — задыхаясь отъ радостнаго волненія, проговорилъ Иродъ.— Отчего-же только голову?

— Побѣдителю вѣнчаютъ лаврами, именно, голову, — отвѣчала Маріамма. — Пусть мой первый поцѣлуй будетъ твоимъ лавровымъ вѣнкомъ.

Въ эту минуту вошелъ Рамзесъ, единственный человѣкъ, входившій къ царю безъ доклада. Иродъ выхватилъ мечъ, намѣреваясь поразить вошедшаго.

— Рабъ! — яростно проговорилъ онъ; — въ такую минуту...

— Римскій гонецъ съ страшными вѣстями! — неустрашимо проговорилъ Рамзесъ.

— Страшными!.. Что можетъ быть страшнѣе моего гнѣва! — воскликнулъ Иродъ.

— Антоній и Клеопатра разбиты на-голову и бѣжали.

— Земля сорвалась съ основъ и летитъ въ бездну!.. Гдѣ гонецъ?

— Онъ умеръ на ступеняхъ дворца... Успѣлъ только

сказать, что Антоній и Клеопатра разбиты, — и хлынувшая гортанью кровь задушила его... Конь его также палъ.

Едва Иродъ вышелъ изъ покоевъ жены, какъ его встрѣтилъ Соемъ.

— Другой гонецъ — отъ Квинта Дидія, — сказалъ онъ. — Вотъ письмо.

Иродъ торопливо вскрылъ посланіе и молча прочелъ его. Внутренняя борьба, видимо, отразилась на его энергическомъ лицѣ. Но скоро оно приняло рѣшительное выраженіе: — быстрый умъ его выбралъ то, что ему слѣдовало дѣлать...

— Міровое событіе, — проговорилъ онъ какъ-бы про себя: — двѣ половины вселенной столкнулись — и одна рухнула въ бездну... Квинтъ Дидій пишетъ мнѣ, что многочисленный флотъ Антонія и Клеопатры столкнулся у мыса Акціума, въ Адріатикѣ, съ римской флотиліей Октавіана. Тамъ со своимъ личнымъ флотомъ съ пурпурными парусами находилась и Клеопатра, воображавшая, что это будетъ интересное театральное зрѣлище. И вотъ, когда въ битву вступило до семисотъ пятидесяти кораблей, Клеопатра, несмотря на то, что Антоній, трепеща за свою возлюбленную, оградилъ ее шестьюдесятью кораблями египетской эскадры, — Клеопатра — пишетъ — испугалась и на всѣхъ своихъ пурпурныхъ парусахъ пустилась въ открытое море. Антоній, увидавъ это, бросилъ битву и помчался за своей погибелью... О, безумецъ!

Иродъ вдругъ задумался. Онъ поставилъ себя на мѣсто Антонія, а вмѣсто Клеопатры вообразилъ Ма-

ріамму... Испуганная Маріамма убѣгаетъ... Она въ ужасѣ... она можетъ погибнуть, попасть въ руки врага... Что тогда сдѣлалъ-бы Иродъ?

Соемъ молча ждалъ. Иродъ какъ-бы очнулся и провелъ рукою по лбу.

— Несчастный! — сказалъ онъ; — битва была проиграна... Весь флотъ сдался счастливому побѣдителю, юному Октавіану... Весь міръ въ его рукахъ! — Теперь онъ извѣщаетъ своего военачальника, Квинта Дидія, что ему не сдались только сухопутные легіоны Антонія — его гладіаторы, которые изъ Кизика стремятся къ нему на помощь, въ Египетъ; — такъ Дидій долженъ перерѣзать имъ путь... И онъ проситъ моей помощи... Я дамъ ему эту помощь!.. Солнце Востока закатилось — встаетъ солнце съ Запада... Я иду навстрѣчу восходящему свѣтилу.

— А обыскали тѣло перваго гонца? — нѣтъ на немъ бумагъ? — спросилъ онъ вошедшаго Рамзеса.

— На немъ, господинъ, ничего не нашли, — отвѣчалъ послѣдній: — онъ прискакалъ изъ Пелузія, отъ навмарха Клеопатры.

— А! — и ты, ехидна, за Ирода прячешься, — съ презрѣніемъ проговорилъ Иродъ.

— А гдѣ теперь Октавіанъ? — спросилъ Соемъ.

— Въ Родосѣ... Къ нему я и отправляюсь немедленно... Льву надо глядѣть прямо въ глаза — и тогда онъ не растерзаетъ... Я это испыталъ въ дебряхъ Петры, когда бѣжалъ отъ Антигона и пареянъ.

Въ тотъ-же день Иродъ отдалъ приказъ, чтобы часть отрядовъ, не участвовавшихъ въ битвѣ съ ара-

бами и потому неутомленныхъ, немедленно выступила въ Тиръ на помощь Квинту Дидію.

Наконецъ, наканунѣ своего отъѣзда изъ Іерусалима, Иродъ позвалъ къ себѣ Ферора.

— Братъ! — сказалъ онъ съ грустью въ голосѣ: — завтра я отправлюсь въ невѣдомую страну — въ невѣдомую потому, что, быть можетъ, тамъ я перейду въ загробный міръ... Какъ приметъ меня новый повелитель вселенной — извѣстно одному Богу... Надо быть готовымъ ко всему... Я отправлюсь не въ порфирѣ и не въ царской діадемѣ, а, какъ десять лѣтъ тому назадъ, въ Римъ — даже не въ одеждѣ просителя, а въ рубищѣ виновнаго... Если меня тамъ постигнетъ казнь, — ты владѣй Іудеею... Въ союзѣ съ арабами, которые ненавидятъ римлянъ, еще возможна борьба съ Римомъ. Не отдавай никому моей Іудеи безъ бою... Клянешься мнѣ въ этомъ?

— Клянусь, мой царь и братъ! — восторженно отвѣчалъ Фероръ. — Если Богу угодно будетъ, чтобы я потерялъ Іудею, то Римъ получитъ только пустыню! Мы всѣ умремъ за свой священный городъ и за святая святыхъ!

— Благодарю, братъ. — А теперь позаботимся о нашихъ близкихъ. Тебѣ я оставляю твою и мою мать, нашу сестру и моихъ дѣтей. Отвези ихъ, какъ и все цѣнное, въ Масаду.

— А царица и ея мать? — спросилъ Фероръ.

— Объ нихъ — другая забота: — я отправлю ихъ въ Александріонъ, въ дѣвичій удѣлъ моей тещи, Александры, подаренный ей еще ея отцомъ, Гирканомъ.—

Съ ними я отправляю Соема... А ему дамъ особыя инструкціи.

— Такъ дѣтей разлучаешь съ матерью?

— Да...Женское общество для нихъ вредно...Пусть растутъ среди воиновъ... Завтра еще увидимся, — сказалъ въ заключеніе Иродъ, отпуская брата.

Затѣмъ онъ велѣлъ позвать Соема.

— Помнишь участь, постигшую Іосифа, мужа моей сестры, Саломеи? — спросилъ онъ ошеломленнаго этимъ вопросомъ царедворца.

— Помню, царь.

— Помни, та-же участь постигнетъ и тебя, если ты не сохранишь въ тайнѣ то, что я тебѣ сейчасъ прикажу... Гдѣ кости Іосифа?

— Онѣ лежатъ, обглоданныя крысами, въ твоемъ подземномъ тайникѣ.

— И твои будутъ лежать тамъ, если выдашь комулибо тайну твоего царя... Я не требую отъ тебя клятвы:— клятвы всегда нарушаются... Нарушилъ ее и Іосифъ... Вотъ моя тайна: — какъ только я оставлю Іерусалимъ, ты сопровождай царицу и ея мать въ Александріонъ... Онѣ уже предупреждены мною объ этомъ. Но, вотъ, о чемъ онѣ не предупреждены: — когда въ Іерусалимъ придетъ вѣсть о моей смерти — пусть умрутъ и онѣ отъ твоей руки. — Понялъ?

— Понялъ, великій царь.

— Помни-же Іосифа... Можешь идти.

Соемъ вышелъ совершенно растерянный. Никогда Иродъ не обращался съ нимъ такъ сурово. И какой грозный тонъ! Еще сегодня онъ откровенно говорилъ

съ нимъ о пораженіи Антонія и Клеопатры, о своемъ рѣшеніи ѣхать къ Октавіану, — и вдругъ такія угрозы. За что? — за что-то будущее, неизвѣстное. Соемъ старый царедворецъ. Онъ служилъ и Гиркану и, кромѣ милостей, ничего не видѣлъ отъ старика. Да и Иродъ всегда отличалъ его, какъ своего личнаго друга. Не даромъ только ему онъ довѣрилъ совершеніе тайнаго убійства Іосифа. И теперь онъ довѣрилъ ему-же свою жену и тещу съ приказаніемъ убить ихъ въ случаѣ его смерти.

— Это — что скажетъ будущее, — рѣшилъ про себя Соемъ.

Но на другой день Иродъ не выѣхалъ изъ Іерусалима, какъ предполагалъ, а взвѣсивъ въ своемъ лукавомъ умѣ шансы за и противъ Антонія, рѣшилъ, какъ и всегда, поступить двулично. Въ ту-же ночь онъ отправилъ гонцовъ въ Пелузій къ Антонію съ словеснымъ предложеніемъ — убить Клеопатру, объявить себя фараономъ, немедленно собрать въ Пелузій всѣ силы Египта и вмѣстѣ съ нимъ, Иродомъ, встрѣтить Октавіана и стереть его съ лица земли. Антоній съ тѣми-же гонцами прислалъ писанный отвѣтъ: — «Маркъ Антоній, уніумвиръ вселенной, скорѣе удавитъ Ирода, какъ собаку, и отдастъ его красавицу-жену въ наложницы своему рабу, чѣмъ приметъ его гнусное предложеніе». — Такъ еще былъ увѣренъ въ своей непобѣдимости Антоній!

— А! uniumvir! — злобно прошепталъ Иродъ, бросая въ огонь обидный отвѣтъ Антонія, — и въ тотъ-же день выступилъ изъ Іерусалима, захвативъ съ собой нѣсколько мѣшковъ золота.

Въ Тирѣ, куда уже прибыли его отряды для Квинта Дидія, Иродъ сѣлъ на корабль и отплылъ къ Родосу. Благопріятная погода все время ему сопутствовала и легкая трирема его неслась по гладкой поверхности моря, какъ птица.

Прибывъ въ Родосъ, хитрый идумей скоро уразумѣлъ положеніе дѣлъ. Онъ понялъ, что юный побѣдитель Антонія еще не считалъ себя побѣдителемъ. Зачѣмъ ему было медлить и отъ Акціума переплывать море, чтобъ бездѣйствовать въ Родосѣ и дать Антонію и Клеопатрѣ собраться съ силами и раздавить побѣдителя? Зачѣмъ онъ отъ Акціума не погнался за побѣжденными бѣглецами по пятамъ, парусъ за парусомъ, весло за весломъ, руль въ руль?

— А!—юный сфинксъ ждетъ меня—что я скажу,— съ гордой радостью подумалъ Иродъ.—Теперь ты для меня не сфинксъ... Я теперь въ роли Эдипа, только безъ Антигоны... О, Маріамма!—я еще увижу тебя... Первый поцѣлуй все еще за тобой...

Наконецъ, онъ предсталъ предъ юнымъ сфинксомъ— безъ царской діадемы. Иродъ замѣтилъ, что юноша возмужалъ; молодое лицо носило уже слѣды заботъ, безсонныхъ ночей, тревожныхъ думъ. Но глаза—все тѣ-же глаза сфинкса, хотя Иродъ уже и могъ читать въ нихъ... Только глаза эти стали еще ласковѣе, чѣмъ тогда, въ Римѣ, въ сенатѣ, восемь лѣтъ назадъ. Тутъ-же былъ и Агриппа, школьный товарищъ и другъ сфинкса, съ добрымъ, открытымъ лицомъ.

Иродъ приблизился, какъ говоритъ Іосифъ Флавій, «съ царскимъ достоинствомъ».

— Я, цезарь — началъ Иродъ — поставленный Антоніемъ и тобою царемъ надъ іудеями, дѣлалъ — не скрываю этого — все отъ меня зависѣвшее для того, чтобы быть полезнымъ Антонію, которому сенатъ и народъ римскій вручили судьбы Востока. Не скрою и того, что ты, во всякомъ случаѣ, видѣлъ-бы меня съ оружіемъ въ рукахъ и моими войсками на его сторонѣ, если-бы мнѣ не помѣшала война съ арабами. Но я, все-таки, по мѣрѣ моихъ силъ, послалъ ему подкрѣпленія и многотысячные запасы провіанта. Еще больше! — даже послѣ пораженія его при Акціумѣ, я не покинулъ моего благодѣтеля: — не имѣя уже возможности быть ему полезнымъ въ качествѣ соратника, я былъ ему лучшимъ совѣтникомъ и указывалъ ему на смерть Клеопатры, какъ на единственное средство возвратить себѣ потерянное. Если-бы онъ рѣшился пожертвовать ею, то я обѣщалъ ему помощь деньгами, надежныя крѣпости, войско и мое личное участіе въ войнѣ противъ тебя. Но страстная его любовь къ Клеопатрѣ и самъ Богъ, осчастливившій тебя побѣдой, затмили его умъ. Такъ, я побѣжденъ вмѣстѣ съ Антоніемъ, и послѣ его паденія я снялъ съ себя вѣнецъ. Къ тебѣ-же я пришелъ въ той надеждѣ, что мужество достойно милости, и въ томъ предположеніи, что будетъ принято во вниманіе то, *какой* я другъ, а не *чей* я былъ другъ.

Стоя въ сторонѣ, Агриппа съ добродушной улыбкой слушалъ эту рѣчь, и добрые глаза его, казалось, говорили: — «Умная бестія! — что и говорить!» Да и въ глазахъ сфинкса можно было прочесть: — «Гмъ... на-

шего поля ягодка... пивалъ воду изъ Тибра, а ловкія рѣчи — изъ устъ Цицерона»...

— На это я отвѣчу тебѣ, Иродъ: — никто тебя не тронетъ! — медленно выискивая настоящія выраженія, приличныя его сану, началъ Октавіанъ... Ты можешь отнынѣ еще съ большей увѣренностью править твоимъ царствомъ. Ты достоинъ властвовать надъ многими за то, что такъ твердо хранилъ дружбу. Старайся-же теперь быть вѣрнымъ и болѣе счастливому другу и оправдать тѣ блестящія надежды, которыя вселяетъ мнѣ твой благородный характеръ. Антоній хорошо сдѣлалъ, что больше слушался Клеопатры, чѣмъ тебя, такъ какъ, благодаря его безумію, мы пріобрѣли тебя. Ты, впрочемъ, кажется, уже началъ оказывать намъ услуги: — Квинтъ Дидій пишетъ мнѣ, что ты ему прислалъ помощь противъ гладіаторовъ. Я не замедлю официціальнымъ декретомъ утвердить тебя въ царскомъ званіи и постараюсь также въ будущемъ быть милостивымъ къ тебѣ, чтобы ты не имѣлъ причины горевать объ Антоніѣ.

— «Милостивымъ»... Ахъ, ты, мальчишка всемогущій! — съ радостнымъ облегченіемъ подумалъ Иродъ.

На заднемъ планѣ пріемнаго покоя молча стояли военные трибуны, консулы и ликторы съ ихъ неизбѣжными пучками палокъ и сѣкирами. Иродъ только теперь замѣтилъ ихъ. Но тутъ-же, рядомъ съ Октавіаномъ, на столѣ, покрытомъ пурпурнымъ виссономъ, Иродъ увидѣлъ золотыя діадемы въ перемежку съ обнаженными мечами.

— Діадемы — для союзниковъ Рима, мечи — для

враговъ его,—съ улыбкою указалъ на столъ юный сфинксъ, и, взявъ со стола одну діадему, возложилъ ее на Ирода.

Къ нему подошелъ Агриппа, чтобы поздравить съ императорскою милостью (въ то время слово «императоръ» еще не означало того, что стало означать впослѣдствіи).

— Мнѣ пріятно поздравить Ирода, хотя поздравленіе отъ неизвѣстнаго менѣе цѣнно для поздравляемаго, чѣмъ оно стоитъ для поздравляющаго,—сказалъ онъ.—Ты меня не знаешь.

— Кто знаетъ побѣдителя Антонія, тотъ знаетъ и Агриппу, если даже никогда не видалъ его,—отвѣчалъ Иродъ.

— А я лично знаю тебя, царь Иродъ;—мое сердце — пояснилъ Агриппа — отмѣтило тебя еще тогда, когда, восемь лѣтъ назадъ, ты стоялъ въ сенатѣ подъ трибуною, съ которой за тебя громилъ насъ Мессала.

— А стоустая молва о доблестяхъ Агриппы давно вписала его имя во святое святыхъ моего сердца,—сказалъ Иродъ.

— Мы еще будемъ у тебя въ гостяхъ, царь Иродъ, когда поведемъ легіоны черезъ твое царство въ страну пирамидъ и сфинксовъ, которую я жажду увидѣть,—сказалъ Октавіанъ, отпуская Ирода.

Полный гордаго удовлетворенія возвращался Иродъ въ Іерусалимъ, мечтая получить, наконецъ, отъ Маріаммы первый, настоящій поцѣлуй.

Но его ожидало горчайшее изъ всѣхъ разочарованіе.

XIX.

Еще изъ Тира Иродъ отправилъ гонцовъ въ Іерусалимъ—къ Ферору и въ Александріонъ—къ Маріаммѣ и Соему съ извѣстіемъ о своемъ торжествѣ и приказомъ, чтобы Маріамма и Александра возвращены были изъ Александріона въ Іерусалимъ, а равно, чтобы возвращались туда-же изъ Масады его мать, Кипра, и сестра, Саломея, съ его малютками-дѣтьми и со всѣмъ придворнымъ штатомъ.

Когда Иродъ приближался къ Іерусалиму и съ послѣдняго горнаго спуска увидѣлъ башни святого города и его стѣны, на встрѣчу ему выѣхалъ Фероръ на великолѣпномъ арабскомъ конѣ, имѣя по сторонамъ двухъ маленькихъ всадниковъ, царевичей Александра и Аристовула, возсѣдавшихъ на разукрашенныхъ осликахъ. Тутъ-же находился и отрядъ галатовъ.

— Осанна!—радуйся, царь іудейскій!—привѣтствовали его воины.

Въ Виѳлеемскихъ воротахъ Иродъ былъ встрѣченъ всѣмъ составомъ синедріона съ дряхлымъ раби Семаія и раби Авталіономъ во главѣ.

— Осанна!—благословенъ грядущій во имя Господа!—воскликнули и чины синедріона.

Иродъ радостно благодарилъ всѣхъ и направился во дворецъ, ссылаясь на усталость съ дороги, но, въ сущности, затѣмъ, чтобы скорѣе увидать Маріамму и получить отъ нея поцѣлуй.

Но Маріамма встрѣтила его такимъ негодующимъ и уничтожающимъ взглядомъ, какого онъ у нея никогда еще не видѣлъ. Она даже не позволила ему прикоснуться къ своей рукѣ.

— Маріамма!—ты не узнаешь своего царя, повелителя и мужа!—повелительно воскликнулъ онъ.

— Я знаю царя Ирода, но мужа у меня больше нѣтъ,—гордо отвѣчала молодая женщина.

— Но я твой мужъ...

— Да, былъ имъ и оскверняль тѣло невинной дѣвочки... Теперь я очистилась отъ твоей скверны и буду принадлежать Богу отцовъ моихъ.

— Но что случилось?—недоумѣвалъ Иродъ.

— Ты самъ знаешь.

Все мужество покинуло Ирода. Онъ такъ любилъ Маріамму, такъ боялся потерять ее, что забылъ всю свою гордость, все свое величіе. Онъ жаждалъ только ея ласкъ, ея дивнаго взгляда... И онъ видѣлъ въ ея глазахъ только негодованіе и отвращеніе! Онъ не могъ этого вынести и упалъ на колѣни.

— Маріамма!—пощади меня!—я хочу еще жить!.. Себя пощади!

— Прочь отъ меня, гадина!—отстранилась молодая женщина.

— Рабыня!—прошипѣлъ Иродъ, обнажая мечъ.

— Повтореніе!—презрительно сказала Маріамма:—теперь я не оскверню моей груди обнаженіемъ ея передъ тобой... И, не взглянувъ даже на Ирода, вышла.

Это бурное объясненіе было подслушано хитрой Саломеей и царскимъ виночерпіемъ Кохабомъ, преемникомъ виночерпія Рамеха, помогавшаго когда-то Малиху отравить Антипатра, отца Ирода. Саломея, какъ только воротилась изъ Масады въ одно время съ возвращеніемъ изъ Александріона Маріаммы, тотчасъ начала вести подкопъ подъ благосостояніе и жизнь послѣдней. Она видѣла, что Маріамма за что-то озлоблена противъ Ирода. Знала она также и о прежнихъ бурныхъ сценахъ между Иродомъ и Маріаммой,—и теперь воспользовалась своими знаніями. Она подкупила Кохаба донести Ироду, будто Маріамма подговаривала его отравить царя.

— Видишь, Кохабъ,—теперь самая удобная минута все сказать царю,—прошептала Саломея, услыхавъ, что Маріамма, послѣ бурной вспышки, оставила Ирода одного:—за это царь вознесетъ тебя превыше всѣхъ.

— На крестъ развѣ, на Голгоѳу?—въ нерѣшительности проговорилъ виночерпій.

— Нѣтъ! нѣтъ!—настаивала хорошенькая идумейская змѣя!—иди!—пользуйся моментомъ—онъ не повторится! и Саломея, заслышавъ шаги брата, скользнула какъ тѣнь и исчезла въ переходахъ дворца.

Едва Иродъ, потрясенный до глубины души, вышелъ въ слѣдующій покой, какъ передъ нимъ распростерся ницъ Кохабъ.

— Это что такое?—сурово крикнулъ Иродъ, останавливаясь.

— Великій царь!—не смѣю взглянуть на твое свѣтлое лицо,—простоналъ негодяй.

— Чѣмъ виноватъ!—какое совершилъ преступленіе?—спросилъ Иродъ.

— Не совершилъ, великій царь, а дерзаю отклонить его отъ священныхъ главъ царя и царицы.

— Встань и говори, въ чемъ дѣло?—Говори только истину.

Кохабъ поднялся и губами коснулся края тоги Ирода (онъ былъ въ римской тогѣ).

— Не смѣю произнести священнаго имени,—пробормоталъ измѣнникъ.

— Какого имени?

— Священнаго имени царицы.

Иродъ задрожалъ.—Говори, негодяй!—крикнулъ онъ:—или вмѣстѣ съ мечомъ проглотишь свой гнусный языкъ.

— Не царица, великій царь... — Нѣтъ, отъ имени царицы презрѣнный евнухъ, черный Кушъ, подговаривалъ меня отравить твою священную особу... Я ему не повѣрилъ: — великая царица не помыслитъ на жизнь своего царственнаго супруга... Это презрѣнный черный Кушъ взводитъ на нее клевету... Его подкупила ревнивая египтянка, Клеопатра, которая, говорятъ, изъ ревности выколола глаза на портретѣ царицы.

— Хорошо, — сказалъ Иродъ съ бурей въ душѣ: — я велю допросить чернаго Куша подъ пыткой, если

онъ откажется сознаться въ своемъ преступленіи на очной ставкѣ съ тобой. — Иди!

Увидавъ послѣ того Рамзеса, приказавъ ему все приготовить въ опочивальнѣ для омовенія съ дороги и позвать немедленно Соема, Иродъ прошелъ прямо въ опочивальню.

Едва онъ умылся и переодѣлся, какъ вошелъ Соемъ. На лицѣ его былъ написанъ смертный страхъ, но Иродъ, самъ полный тревоги и злобы, не замѣтилъ этого. Дѣло въ томъ, что обиженный Иродомъ передъ отъѣздомъ его къ Октавіану и увѣренный, что на Родосѣ Ирода ждетъ смерть, Соемъ все открылъ Маріаммѣ и Александрѣ, поклявшись имъ, что рука его, несмотря на грозный приказъ царя, на нихъ не поднимется.

— Тебѣ ничего неизвѣстно о заговорѣ на мою жизнь? — спросилъ Иродъ, едва вошелъ Соемъ.

— Я первый донесъ-бы объ этомъ царю, — отвѣчалъ послѣдній.

— Такъ знай-же: — сейчасъ виночерпій Кохабъ донесъ мнѣ, будто евнухъ царицы, черный Кушъ, отъ имени Маріаммы уговаривалъ его, Кохаба, отравить меня. Какъ велъ себя евнухъ въ Александріонѣ?

— Какъ самый вѣрный слуга царицы, — отвѣчалъ Соемъ.

— А царица?

— Царица часто плакала о дѣтяхъ и нѣсколько разъ посылала своего евнуха въ Масаду навѣдываться о здоровьѣ царевичей, а потомъ приказывала ему разсказывать о нихъ: — вѣдь, черный Кушъ почти вынянчилъ царевичей, какъ когда-то нянчилъ и маленькую

Маріамму-царевну, нынѣ твою супругу—да хранитъ ее Богъ!

— Хорошо... Такъ ты дай прежде очную ставку Кохабу съ чернымъ Кушемъ, а если послѣдній будетъ запираться, допроси его подъ пыткой и сегодня-же доложи мнѣ обо всемъ.

Обвиненный, однако, ни въ чемъ не сознался. На очной ставкѣ съ Кохабомъ онъ горячо обвинялъ послѣдняго въ клеветѣ, призывалъ во свидѣтельство своей невинности и невинности Маріаммы всѣхъ боговъ Египта и Нубіи, и Бога Израилева, и всѣхъ боговъ Востока. Наконецъ, его подвергли жесточайшимъ пыткамъ, но и тутъ онъ ничего не сказалъ.

— Пусть сгніетъ во мнѣ языкъ мой, если я скажу вамъ что-либо ко вреду моей царицы!—воскликнулъ онъ, наконецъ, не выдержавъ мученій.—Одному царю я скажу все.

Иродъ велѣлъ привести его къ себѣ. Весь въ крови предсталъ предъ своимъ мучителемъ полуживой страдалецъ.

— Что ты хотѣлъ сказать мнѣ о твоей царицѣ?—спросилъ Иродъ, выславъ всѣхъ отъ себя.

— О, царь! вспомни, какъ тебя любила маленькая Маріамма,—съ плачемъ проговорилъ допрашиваемый.

Слова эти удивили Ирода. Дѣйствительно, Маріамма когда-то любила его дѣтской любовью. Потомъ она перемѣнилась къ нему съ того рокового дня, когда онъ грозился распять на крестѣ все населеніе Іерусалима. Теперь ему казалось, что она никогда его не любила. И вдругъ этотъ жалкій старикъ, этотъ окро-

вавленный черный Кушъ напомнилъ ему блаженную молодость, маленькую Маріамму, которая не по дѣтски страстно ласкалась къ нему, нѣжно обнимала его шею своими маленькими ручками...

— Она никогда не любила меня,— мрачно сказалъ онъ.

— О, царь! вспомни только, когда ты, играя съ нею во дворцѣ, молодымъ принцемъ, изображалъ изъ себя Кира, царя персидскаго, а Маріамма, которой было тогда лѣтъ шесть, представляла изъ себя Томириссу, царицу скиѳскихъ амазонокъ... Я изображалъ ея боевого коня, и, стоя на четверенькахъ, ржалъ по лошадиному, а Маріамма сидѣла на мнѣ съ лукомъ и стрѣлами... А раби Элеазаръ также былъ конемъ—твоимъ конемъ и также ползалъ на четверенькахъ и ржалъ... Ты сидѣлъ на немъ и вызывалъ на бой Томириссу... Маріамма пустила въ тебя стрѣлу... ты упалъ, притворился мертвымъ... Маріамма бросилась къ тебѣ—ты былъ безъ движенія, казался блѣднымъ... О, какъ рыдала тогда бѣдненькая Маріамма, думая, что ты мертвъ...

Иродъ сидѣлъ безмолвно, опустивъ голову. Лицо его судорожно подергивалось.

— Да, я помню это,—сказалъ онъ со вздохомъ.

— А потомъ, когда ты открылъ глаза, какъ страстно она цѣловала тебя отъ радости, что ты живой,—продолжалъ старый евнухъ.—Или, помнишь, ты былъ Давидомъ, а раби Элеазаръ—Голіаѳомъ, съ львиной шкурой на плечахъ... Голіаѳъ старался схватить и увести въ плѣнъ Маріамму, которая пряталась за меня, а ты поражалъ пращью Голіаѳа, и Маріамма радостно хло-

пала ручками и говорила, цѣлуя тебя: «о, мой Давидъ! мой милый Давидъ!..». Безъ тебя она жить не могла... Каждое утро, бывало, спрашиваетъ: «Черный Кушъ! Когда-же придетъ мой Иродъ?».

Музыкой для Ирода звучали эти слова стараго евнуха. Чѣмъ-то свѣтлымъ, невиннымъ вѣяло отъ этихъ воспоминаній, отъ этого невозвратно умчавшагося прошлаго... Тогда Иродъ былъ счастливъ... На душѣ его, на совѣсти не было ни капли крови, ни одной язвины на сердцѣ... Его любили—любила эта самая Маріамма... А теперь?—слава, власть, дружба великихъ людей—и ни одного любящаго сердца.

Иродъ почувствовалъ, какъ что-то теплое упало ему на руку. То были слезы.

— О, царь! и это невинное существо, эту Маріамму ты приказалъ Соему убить! — продолжалъ старый евнухъ.

Иродъ вскочилъ какъ ужаленный. Куда дѣвались его слезы, теплота размягченнаго воспоминаніями сердца! Бѣшеная ревность снова закипѣла въ его душѣ. Какъ всякій ревнивецъ, онъ тотчасъ-же вообразилъ, что, пользуясь пребываніемъ въ Александріонѣ и его отсутствіемъ, Маріамма измѣнила ему для Соема. Такъ вотъ какъ сохранилъ его тайну льстивый слуга царя! Вотъ кому довѣрилъ онъ свою похотливую жену! Не даромъ Кипра говорила, что эта лицемѣрка такъ похотлива...

Соема онъ даже не допустилъ къ себѣ на глаза, а отпустивъ чернаго Куша, приказалъ позвать пытавшаго его палача, велѣлъ немедленно отрубить голову Соему и трупъ его бросить въ подземный тайникъ,

гдѣ, по словамъ Соема, бѣлѣли обглоданныя крысами кости Іосифа, мужа коварной Саломеи.

Въ тотъ-же день Иродъ созвалъ семейный совѣтъ— мать Кипру, брата Ферора и сестру Саломею. На семейномъ совѣтѣ Маріамма осуждена была на смерть, хотя казнь рѣшено было отложить, а до того времени положено было заточить царицу въ одну изъ царскихъ темницъ. Противъ этого возсталъ злой демонъ семейства Ирода—Саломея.

— Что скажетъ народъ, когда узнаетъ, что послѣдняя дочь Асмонеевъ живою заточена въ тюрьму?— возражала она.—Я увѣрена, что народъ возстанетъ, чтобы освободить ее. Вспомните пріемъ народомъ ея брата Аристовула въ храмѣ на праздникъ «кущей». Пусть ея смерть будетъ лучше тайною для всѣхъ. А когда народъ узнаетъ о ея кончинѣ, тогда объявить ему, что она умерла скоропостижно отъ посѣтившей городъ эпидеміи.

Въ то время, дѣйствительно, въ Іерусалимъ изъ Аравіи проникла чума вслѣдствіе гніенія двѣнадцати тысячъ труповъ, оставленныхъ арабами въ битвѣ съ іудеями при Филадельфіи.

Иродъ никому не соглашался поручить казнь своей жены:—онъ рѣшилъ убить ее собственноручно.

— Она моя, и я долженъ самъ послать ее на лоно Авраама,—сказалъ онъ въ заключеніе.

Въ ту-же ночь, когда во дворцѣ всѣ уже спали, Иродъ тихо прошелъ на половину жены. Войдя въ ея опочивальню, онъ увидѣлъ, что Маріамма молится. Жалость и любовь снова шевельнулись въ его сердцѣ.

Она стояла такая стройная, нѣжная, въ легкой бѣлой туникѣ, съ распущенными золотистыми волосами, которые шелковой волной ниспадали на ея плечи и спину.

— Маріамма! — тихо окликнулъ онъ молящуюся.

Маріамма даже не оглянулась, а только молитвенно подняла руки.

— Маріамма! — повторился окликъ.

То-же молчаніе, только оголенныя отъ туники руки поднялись еще выше.

— Маріамма!

Нѣтъ отвѣта!.. Мечъ блеснулъ въ рукѣ Ирода и вонзился въ спину несчастной женщины ниже лѣвой лопатки.

Маріамма пошатнулась назадъ и мертвая упала въ объятія Ирода.

— Теперь ты моя! — безумно прошепталъ убійца, опрокидывая къ себѣ прекрасную головку своей жертвы и страстно цѣлуя ее въ мертвыя уста. — Теперь ты дала мнѣ поцѣлуй, упрямица!

Онъ буквально обезумѣлъ. Поднялъ мертвое, горячее тѣло убитой, кровь которой обагрила всю грудь убійцы, онъ положилъ ее на низкое ложе изъ слоновой кости и золота, и, бормоча несвязныя ласки и проклятія, продолжалъ осыпать поцѣлуями лицо, голову, волосы, грудь и все нѣжное, прекрасное тѣло несчастной мученицы, пока оно совсѣмъ не похолодѣло.

Потомъ, къ утру уже, онъ самъ обмылъ мертвое тѣло, надѣлъ на усопшую чистую бѣлую тунику и положилъ на постель, словно-бы Маріамма спокойно спала на ней. Потомъ позвалъ Рамзеса и, при помощи его,

одѣвшись во все чистое, приказалъ окровавленныя одежды немедленно сжечь, чтобы никто этого не видалъ, а равно велѣлъ уничтожить въ опочивальнѣ царицы всѣ слѣды злодѣянія на полу и на ложѣ слоновой кости.

— Царица скончалась скоропостижно, — сказалъ онъ Рамзесу, уходя вмѣстѣ съ нимъ изъ опочивальни Маріаммы. — Никому не говори, что видѣлъ здѣсь...

XX.

На утро Иродовъ дворецъ на половинѣ царицы огласился душу раздирающими воплями женщинъ. Встревоженные, перепуганные обитатели обширнаго дворца съ недоумѣвающими лицами стремились по направленію раздававшихся воплей. Въ числѣ ихъ можно было видѣть старую Кипру, Саломею и маленькихъ царевичей, Александра и Аристовула, окруженныхъ евнухами и рабынями.

Въ опочивальнѣ царицы вокругъ ложа, на которомъ словно уснувшая лежала мертвая Маріамма, съ воплями толпились рабыни, а на полу, около ложа, на рукахъ другихъ рабынь въ истерическихъ конвульсіяхъ билась Александра, мать молодой царицы. Тутъ-же, расталкивая толпу, протянувъ впередъ руки и, казалось, ничего не видя, шелъ страшный, совсѣмъ безумный Иродъ.

— Прочь! прочь! — беззвучно говорилъ онъ: — она моя! я никому ея не отдамъ!.. Прочь! прочь!

И онъ со стономъ упалъ на трупъ Маріаммы. Всѣ въ ужасѣ отступили при видѣ этой ужасной сцены.

— Маріамма! — шепталъ безумецъ: — моя Томирисса... Я Киръ... ты не убила меня... я живъ... Маріамма

моя! ты спишь... Взгляни на меня!.. Какая холодная... точно въ послѣднее время... Заговори со мной... Поблагодари меня за твой народъ, какъ тогда благодарила... Я спасъ его отъ арабовъ, спасъ отъ римлянъ... Маріамма! Маріамма!

Опомнившись немного и слыша вопли женщинъ, онъ обернулся и закричалъ: — «Прочь! прочь всѣ!.. Унесите ее!» — указалъ онъ на безчувственно лежавшую Александру: — «Унесите ее!.. Она мать!..» — «А! и ты здѣсь, ехидна пустыни!» — крикнулъ онъ, увидавъ Саломею: — «прочь отсюда, ехидна!... Всѣ прочь! — вы не любили ея... одинъ я любилъ... Черный Кушъ любилъ ее... Гдѣ черный Кушъ?... Рамзесъ! — приведи сюда чернаго Куша... Онъ любилъ ее»...

Александру унесли рабыни. Саломея и старая Кипра куда-то исчезли. Маленькихъ царевичей также увели. Увидѣвъ оставшихся въ опочивальнѣ плачущихъ рабынь, Иродъ обнажилъ мечъ.

— Прочь отсюда, негодныя! — закричалъ онъ: — вы не уберегли своей царицы!

Въ это время, поддерживаемый Рамзесомъ, въ опочивальню со стономъ вошелъ черный Кушъ.

— Черный Кушъ! — гляди — она умерла! — бросился къ нему Иродъ. — Скажи еще, какъ она любила меня, какъ ждала, какъ ласкала... Говори, а я буду слушать... Это маленькая Маріамма — это Томирисса, а я Киръ... Посмотри на нее — она совсѣмъ живая...

Около откинутой на подушки головки Маріаммы кружились мухи. Иныя садились на лицо усопшей.

— Прочь, мухи! — не скверните чистой! — крикнулъ

Иродъ, замѣтивъ мухъ, и самъ сталъ отгонять ихъ.— Рамзесъ! — иди сейчасъ къ Ферору — скажи, что я приказалъ принести сюда серебряную раку, въ которой покоилось въ меду тѣло нашего отца Антипатра до погребенія... Надо положить въ нее, въ чистый бѣлый медъ, тѣло царицы... а то мухи... Иди, а насъ запри, чтобы никто не смѣлъ войти сюда... Не надо женщинъ, не надо рабынь — мы сами...

Рамзесъ ушелъ. Иродъ и черный Кушъ остались вдвоемъ около усопшей. Старый евнухъ тихо плакалъ, склонившись надъ изголовьемъ своей любимицы, которую онъ когда-то носилъ на рукахъ и которая своими нѣжными рученками обнимала его черную, какъ уголь, шею.

Иродъ, какъ-будто, нѣсколько успокоился и долго молча глядѣлъ въ лицо своей жертвы.

— Такъ ты помнишь ее маленькую, черный Кушъ?— говорилъ онъ какъ-бы самъ съ собой. — Помнишь, какъ и родилась она? Такіе-же у нея были золотистыя волосы? А какъ росла она, какъ рѣзвилась?... Часто она спрашивала: — скоро-ли придетъ мой Иродъ? — Мой!

Онъ тихо сталъ гладить ея волосы, оправлять на ней тунику, прикрывать маленькія босыя ножки.

— А помнишь, черный Кушъ, что говорилъ мнѣ мой маленькій Александръ, когда я воротился изъ Египта? Онъ говорилъ, что Маріамма часто плакала тогда и велѣла дѣтямъ молиться: — «Богъ отцовъ нашихъ! помилуй нашего отца».—Такъ она учила ихъ молиться?— Говори — такъ?

— Такъ, великій царь: — я это помню хорошо.

— Такъ она любила меня? — тебѣ было это извѣстно?

— Да, великій царь, я зналъ, что только тебя одного она любила.

— А разскажи еще, добрый черный Кушъ, какъ она плакала, когда думала, что Томирисса убила Кира, что я умеръ.

— Очень плакала, бѣдненькая; а потомъ такъ обрадовалась, крошка, такъ обнимала и цѣловала тебя и меня на радостяхъ обнимала.

— И тебя обнимала! — Иродъ схватился было за мечъ.

— Да, вѣдь, я былъ ея конемъ...

Въ это время рабы принесли серебряную раку и медъ въ большихъ глиняныхъ кувшинахъ и поставили на полъ у порога опочивальни.

— Выйдите отсюда!—повелительно сказалъ Иродъ:— и ты, Рамзесъ и ты, черный Кушъ... Я позову васъ послѣ.

Когда всѣ вышли, Иродъ осторожно приподнялъ съ ложа тѣло Маріаммы и долго цѣловалъ ее. Потомъ снялъ съ мертвой тунику, взглянулъ на рану, нанесенную ей ночью... Рана затянулась запекшеюся кровью... Какъ-бы боясь причинить боль усопшей, онъ нѣжно опустилъ ее въ раку, расправилъ на плечахъ и на груди покойницы ея пышные волосы, постоялъ надъ ней, какъ-бы прощаясь, потомъ перенесъ раку съ тѣломъ на мраморный столъ у оконной ниши и сталъ наполнять раку медомъ, чистымъ какъ ключевая вода. Густая влага скоро покрыла все тѣло и лицо покойной,

которое казалось еще нѣжнѣе и миловиднѣе подъ прозрачной влагой. Покрывъ раку стеклянною крышкой съ изображеніемъ на ней, по угламъ, серебряныхъ крылатыхъ херувимовъ, Иродъ позвалъ евнуха и рабовъ и велѣлъ послѣднимъ вынести пустыя амафоры и чисто-начисто замыть всѣ слѣды меду на полу и на ракѣ. Теперь онъ распоряжался, повидимому, совсѣмъ спокойно. Постоявъ нѣсколько времени надъ ракой, онъ приказалъ Рамзесу взять у главной рабыни царицы дорогой покровъ изъ пурпурнаго виссона съ золотыми кистями и самъ покрылъ имъ раку. Затѣмъ, совершенно разбитый безсонною ночью, обезсиленный отъ душевныхъ мукъ, отъ горя и раскаянія, онъ опустился на ложе, на которомъ еще такъ недавно покоилась Маріамма, и погрузился въ глубокій сонъ. Рамзесъ, оставшійся тутъ-же, долго смотрѣлъ на своего спящаго господина, лицо котораго по временамъ подергивалось судорогами, а потомъ и самъ забылся сномъ, расположившись у порога опочивальни, на полу, такъ, чтобы никто ни могъ войти туда, гдѣ спалъ Иродъ.

Услыхавъ, что кто-то говоритъ, старый рабъ проснулся. То говорилъ Иродъ, но, казалось, онъ говорилъ во снѣ и голосъ его былъ такой глухой.

— А! вы всѣ тутъ, всѣ... Что стоите?.. Малихъ! — ты пришелъ сказать, что отравилъ моего отца? Я самъ это знаю и за это убилъ тебя въ Тирѣ... И ты тутъ Антигонъ? — Не долго твоя голова носила пароянскую корону... На мнѣ іудейская... самъ сфинксъ въ Радосѣ надѣлъ мнѣ ее на голову... Ха-ха-ха! — старикъ безъ ушей! бѣдный старикъ Гирканъ! — не я откусилъ тебѣ

уши, а твой племянникъ, Антигонъ... А ты что пришелъ, Аристовулъ? Ты уронилъ свою душу въ воду, въ Іерихонѣ, и теперь ищешь ее? Спроси ее у аскалонскаго водолаза... А вотъ и Іосифъ, и Соемъ... Вы пришли къ Маріаммѣ?—Она спитъ... Маріамма! Маріамма!—вдругъ дико закричалъ онъ и вскочилъ съ ложа.

Увидѣвъ Рамзеса, Иродъ нѣсколько пришелъ въ себя.

— Ты видѣлъ ихъ? — спросилъ онъ.

— Кого, господинъ?

— Малиха, Антигона, Аристовула, Гиркана, Соема... Они приходили сюда...

— То ихъ тѣни, господинъ, приходили:—ко мнѣ старая мать часто приходитъ изъ Нубіи, а ее левъ растерзалъ, — я самъ это видѣлъ тамъ, у насъ, въ далекой Нубіи.

— А Маріамма не приходила? — сказалъ Иродъ и, подойдя къ ракѣ, приподнялъ покровъ и сталъ глядѣть на мертвую.

— Господинъ! ты-бы подкрѣпилъ себя пищею,— нерѣшительно заговорилъ старый рабъ. — Ты самъ заболѣешь.

Но Иродъ ничего не отвѣчалъ и продолжалъ смотрѣть на мертвую.

Наступила ночь. Иродъ опять велѣлъ привести стараго евнуха и снова сталъ разспрашивать его о маленькой Маріаммѣ, о томъ, какъ она любила его, какъ называла «мой Иродъ», «мой Давидъ»... Потомъ начиналъ плакать, проклиналъ себя, свою жизнь...

Такъ прошло нѣсколько дней; тѣло Маріаммы все оставалось во дворцѣ безъ погребенія. Ночи особенно

были ужасны, когда въ сонномъ дворцѣ раздавались рыданія безумнаго царя.

Наконецъ, однажды утромъ въ опочивальню вошла его мать, старая Кипра. Она не узнала своего сына, такъ онъ былъ страшенъ и худъ. Онъ сидѣлъ на ложѣ, опустивъ голову, теперь уже совсѣмъ сѣдую.

— Сынъ мой! — сказала Кипра, положивъ руку на голову сына: — ко мнѣ приходила Маріамма.

Иродъ встрепенулся и дико посмотрѣлъ на мать.

— Да, сынъ мой, она приходила ко мнѣ, — продолжала старуха. — Она говорила мнѣ: — зачѣмъ твой сынъ предаетъ мученіямъ мою душу? Зачѣмъ онъ не отдаетъ землѣ того, что землѣ принадлежитъ? Я его любила...

— Она это сказала? — радостно схватилъ мать за руку безумецъ.

— Сказала, сынъ мой... Зачѣмъ-же ты держишь на землѣ душу ея? Зачѣмъ она не на лонѣ Авраама?

— Такъ она сказала, что любила меня?

— Сказала — и теперь любитъ.

— Любитъ! о, Маріамма!.. Зачѣмъ-же я...

Мать зажала ему ротъ рукою. — Она любитъ тебя — и требуетъ погребенія. Исполни ея волю, и покой снизойдетъ на твою истерзанную душу, — закончила старая Кипра.

Только послѣ этого Иродъ согласился на преданіе землѣ тѣла несчастной жертвы своей безумной ревности*).

---

*) Іосифъ Флавій въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Іудейскія древности» говоритъ: — «Любовь Ирода къ Маріаммѣ была бурная, самая необыкновенная, доводившая его почти до бѣшен-

Фероръ, чтобы утѣшить брата, постарался сдѣлать все отъ него зависѣвшее, чтобы придать похоронамъ царицы небывалый блескъ и внушительность. Вплоть отъ дворца и храма до Дамасскихъ воротъ и оттуда до царскихъ гробницъ разставлены были войска съ опущенными въ знакъ траура знаменами. Впереди печальной процессіи шествовалъ весь синедріонъ въ печальныхъ ризахъ и священники съ зажженными свѣтильниками, блѣдный свѣтъ которыхъ при яркомъ сіяніи солнца налагалъ какой-то особенно печальный колоритъ на все шествіе. Массивный саркофагъ изъ бѣлаго мрамора, покрытый золотыми тканями, несли на своихъ плечахъ самые отборные изъ галатовъ. Самъ Иродъ, Фероръ и маленькіе царевичи слѣдовали тотчасъ за саркофагомъ верхомъ на коняхъ, покрытыхъ до самыхъ глазъ траурными попонами. За ними рабы несли на носилкахъ Кипру и Саломею. Сама Александра не участвовала въ печальной процессіи, потому что все еще находилась между жизнью и смертью. Женщины, толпившіяся на всемъ пути, оглашали воздухъ воплями, оплакивая и царицу, и своихъ близкихъ, которыхъ уносила свирѣпствовавшая въ городѣ черная эпидемія.

ства; послѣ-же смерти ея, какъ будто въ наказаніе за казнь, совершенную надъ ней, — страсть эта еще больше усилилась въ немъ. Тѣло Маріаммы, бальзамированное въ меду, долгое время оставалось во дворцѣ и не предавалось землѣ. Иродъ то бесѣдовалъ съ ней, стараясь увѣрить себя, что она жива, то горько оплакивалъ ее... Онъ отстранился даже отъ государственныхъ дѣлъ и всецѣло отдался своему горю; окружавшимъ его слугамъ онъ приказывалъ произносить имя Маріаммы» и т. д.

По возвращеніи съ похоронъ Иродъ получилъ посланіе отъ Агриппы, которымъ другъ Октавіана извѣщалъ, что они уже прибыли съ войскомъ въ Тиръ, чтобы берегомъ моря чрезъ Іудею слѣдовать въ Египетъ, и просилъ Ирода о встрѣчѣ ихъ и о заготовленіи на пути продовольствія для войскъ.

Это извѣстіе оживило угнетенный духъ Ирода. Въ немъ проснулся его военный геній, и Иродъ тотчасъ же сталъ готовиться къ походу; Ферору-же приказалъ особенно озаботиться тѣмъ, чтобы римское войско по всему пути слѣдованія, вплоть до Пелузія, въ безводной пустынѣ было въ изобиліи снабжено водою и съѣстными припасами. Вся Идумея и Іудея должны были подвозить къ опредѣленнымъ ночлежнымъ и остановочнымъ пунктамъ продовольствіе и воду.

— Пусть всѣ іудейскіе и идумейскіе мѣха-водоносы идутъ на службу Риму и величію Іудеи; а жены іудеевъ и идумеевъ — выразился при этомъ Иродъ — пусть носятъ своимъ мужьямъ и дѣтямъ воду, у кого нѣтъ глиняныхъ водоносовъ, — хотя во рту подобно голубямъ и горленкамъ.

Октавіана Иродъ настигъ уже около Птоломаиды. Юный сфинксъ и Агриппа встрѣтили его вполнѣ дружески, какъ равнаго себѣ союзника.

— Ты такъ измѣнился, — съ участіемъ замѣтилъ Октавіанъ, вглядываясь въ осунувшееся и постарѣвшее лицо Ирода и поражаясь его сѣдиной.

— Я потерялъ мать моихъ дѣтей, — коротко отвѣчалъ Иродъ.

Всѣ они трое сдѣлали смотръ войскамъ, причемъ

Иродъ ѣхалъ рядомъ съ Октавіаномъ, а послѣ смотра Иродъ уготовилъ блестящій пиръ Октавіану, Агриппѣ и всѣмъ римскимъ военачальникамъ, а также задалъ обѣдъ и всему войску.

Антонія и Клеопатры они уже не застали въ живыхъ. Первый самъ закололь себя мечемъ, узнавъ, что Клеопатра измѣнила ему, сдавъ Октавіану Пелузій, въ надеждѣ опутать своими чарами и юнаго сфинкса, какъ она когда-то опутала ими его дѣда, великаго Цезаря, а потомъ и Антонія. Но, узнавъ, что Октавіанъ намѣренъ увести ее плѣнницей въ Римъ и красотой ея украсить свой тріумфъ, послѣдній фараонъ-женщина бѣжала-было со всѣми своими сокровищами въ склепъ своей, еще не достроенной, пирамиды *), къ западу отъ храма Озириса, въ которомъ она въ присутствіи Цезаря и Ирода вѣнчалась на царство, но потомъ припустила къ своей груди ехидну и закончила собою всѣ тридцать три династіи фараоновъ, царствовавшія надъ этою удивительною страной около 4,500 лѣтъ!..

Царство фараоновъ было погребено навѣки... Погребали его первый римскій императоръ Октавіанъ-Августъ и послѣдній царь независимой Іудеи — Иродъ Великій, которому исторія забыла придать болѣе полный эпитетъ — Великій злодѣй.

---

*) Каждый фараонъ, вступая на престолъ, тотчасъ-же приказывалъ сооружать себѣ пирамиду — будущую гробницу, которая и строилась всю жизнь, а кончалась съ его смертью. Чѣмъ продолжительнѣе царствованіе, тѣмъ огромнѣе пирамида (самая большая изъ уцѣлѣвшихъ — пирамида Хеопса). Пирамида Клеопатры была не кончена и время стерло ее съ лица земли.

XXI.

Простившись съ Октавіаномъ и Агриппой, Иродъ возвратился въ Іерусалимъ въ апогеѣ величія и славы. Для Іудеи онъ пріобрѣлъ цѣлую приморскую полосу съ городами Газой, Іоппіей и Стратоновой Башней — было чѣмъ гордиться! Вѣдь, такимъ образомъ, онъ возстановилъ Іудею въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она существовала въ періодъ величайшей своей славы — при Маккавеяхъ, до начала братоубійственной войны! Кромѣ своего войска и своей свиты изъ галатовъ, его сопровождала теперь египетская свита — свита погребенныхъ имъ фараоновъ: это — придворная стража Клеопатры, состоявшая изъ 400 галатовъ, которую подарилъ ему Октавіанъ.

Но въ Іерусалимѣ его уже не ожидалъ поцѣлуй Маріаммы, ни даже ея чудный, хотя холодный взглядъ. Имъ опять овладѣло мрачное расположеніе духа. Тоска день и ночь не покидала его, только ночная безсонница нарушалась появленіемъ призраковъ — Малиха, Антигона, Гиркана, Аристовула, Іосифа, Соема и — въ довершеніе мученій — призракъ Маріаммы, которая шептала въ ночной тишинѣ: — «Иродъ! за что ты убилъ меня?»

Дѣтей онъ не могъ видѣть, — и скоро отправилъ ихъ въ Римъ въ сопровожденіи особой свиты и рабовъ — для изученія римской и греческой мудрости, краснорѣчія и военнаго искусства... только-бы не видѣть въ малюткахъ укоровъ совѣсти.

И дворецъ съ ночными видѣніями, и самый Іерусалимъ стали ему невыносимы! И какъ травленный звѣрь онъ удалился въ пустыню.

Но злодѣянія не оставляютъ безъ наказанія и самихъ злодѣевъ: — въ пустынѣ Иродъ впалъ въ мучительную болѣзнь. Искусство всѣхъ врачей — и іудейскихъ, и греческихъ, и римскихъ — оказалось безсильно противъ страшнаго недуга — и физическаго, и душевнаго. Онъ бредилъ дѣтьми, погибающими далеко отъ родины въ бурномъ морѣ, бредилъ Маріаммой, которая звала его къ себѣ въ гробницу, бредилъ тѣнями убитыхъ...

— Кровь, кровь, кровь! — и все это изъ-за короны!.. О, проклятіе этому золотому обручу!.. Онъ давитъ мнѣ мозгъ... Снимите его!

И врачи оставили его на произволъ судьбы. Но сильный организмъ осилилъ пожиравшій его недугъ. Иродъ выздоровѣлъ.

Боясь снова впасть въ тоску и убѣдившись, что бурный періодъ войнъ и кровопролитій, которыми питался его мятежный духъ, кончился, Иродъ со всею пылкостью своего идумейскаго знойнаго темперамента бросился въ другую крайность — въ пересозданіе Іудеи, въ ломку всего стараго, традиціоннаго.

Прежде всего онъ приступилъ къ разрушенію іеру-

салимскаго храма. Іудеи пришли въ ужасъ!—разрушать ихъ вѣковую святыню.

— Я разрушу храмъ и на мѣстѣ его воздвигну новый, который затмитъ славу храмовъ Зоровавеля и Соломона,—говорилъ онъ престарѣлому Семаіѣ, президенту синедріона.

И онъ исполнилъ, что обѣщалъ. Тотчасъ-же согнано было болѣе тысячи подводъ для возки камня. Нанято было десять тысячъ мастеровъ и каменьщиковъ. Священники—и тѣ должны были сдѣлаться мастерами и строителями. Работа закипѣла. Возились каменныя плиты въ 5½ саженъ длины, 2½ ширины и полторы толщины! Такихъ страшныхъ камней нѣтъ даже въ плитахъ пирамидъ Хеопса и Хефрена!—Это работа гигантовъ!.. Стѣны, башни, галлереи, колоннады—все это гигантское. Однѣхъ колоннъ — 162. Высота каждой — четыре сажени, а толщина — три обхвата.

Въ восемь лѣтъ удивительный храмъ былъ готовъ. Окружность его — 352 сажени, а высота святилища — 27.

Вмѣстѣ съ храмомъ Иродъ перестроилъ и Стратонову Башню, гдѣ онъ, въ темномъ проходѣ, убилъ аскалонскаго водолаза. Теперь эта башня превратилась въ цѣлый дворецъ съ цитаделью, соединенною посредствомъ тайнаго подземнаго хода съ восточными воротами храма:—тайный ходъ—это для бѣгства на случай возстанія. Башню эту Иродъ назвалъ Антоніей—въ память недавно погибшаго друга Клеопатры, бывшаго дуумвира Марка Антонія, которому Иродъ все-таки былъ не мало обязанъ:—онъ не забылъ ни

добраго слова Антонія въ сенатѣ послѣ рѣчи Мессалы, ни великодушнаго пріема въ Тарсѣ.

Въ верхнемъ городѣ Иродъ воздвигъ себѣ новый великолѣпный дворецъ, лишь-бы не жить въ старомъ, гдѣ по ночамъ навѣщали его призраки.

Въ честь могущественныхъ друзей своихъ — Цезаря, Октавіана Августа и Агриппы — онъ соорудилъ дивныя зданія, превышавшія великолѣпіемъ самый храмъ и называлъ ихъ Цезаріономъ и Агриппіономъ.

Но не одними только единичными зданіями, по словамъ Іосифа Флавія, онъ запечатлѣлъ ихъ память и имена: — онъ шелъ еще дальше и строилъ въ честь ихъ цѣлые города. Въ странѣ самарянъ онъ построилъ городъ, который обвелъ очень красивой стѣной, имѣвшей до двадцати стадій въ окружности, поселилъ въ немъ 6,000 жителей, надѣлилъ послѣднихъ самой плодородной землей, выстроилъ въ центрѣ новаго города храмъ въ честь Октавіана, обсадилъ его рощей на протяженіи трехъ съ половиною стадій и назвалъ этотъ городъ Севастой — то-же, что Августа, только по гречески. И все это дѣлалось съ лукавымъ умысломъ: льстя этимъ Августу Октавіану, онъ сооружаетъ для себя убѣжище отъ гнѣва іудеевъ, ибо Севасту онъ воздвигъ на мѣстѣ бывшей Самаріи, которая искони была гнѣздомъ злыхъ шершней Іудеи — ненавистныхъ ей мамарянъ или хуттеянъ — и которую разрушилъ и срылъ до основанія Гирканъ I.

Но и на этомъ не остановилась лесть Ирода своему римскому идолу съ глазами сфинкса, ставшему для него божествомъ вмѣсто Іеговы: — у истоковъ Іордана,

гдѣ изъ глубочайшей пещеры ниспадаютъ каскадами ключи, онъ выстроилъ Августу храмъ изъ бѣлаго мрамора, въ подражаніе храмамъ боговъ въ Римѣ, которыми бывало Иродъ еще юношей восхищался, когда учился у Цицерона краснорѣчію.

И въ Іерихонѣ онъ воздвигъ новое величественное зданіе недалеко отъ дворца, гдѣ онъ утопилъ Аристовула, и зданіе это также назвалъ Цезареей—въ честь Цезаря Августа. Словомъ — говоритъ Іосифъ Флавій — не было во всемъ государствѣ ни одного подходящаго мѣста, которое-бы онъ оставилъ безъ памятника и храма все въ честь такого-же своего сфинксоподобнаго божества.

Но монументальнѣе всего было сооруженіе приморской Цезареи—гавани и порта, превышавшихъ своею капитальностью и удобствами всѣ порты и гавани древняго міра.

Замѣтивъ, говоритъ Іосифъ Флавій, что Стратонова Башня, городъ въ прибрежной полосѣ, клонится къ упадку, Иродъ, въ виду плодородной мѣстности, въ которой она была расположена, удѣлилъ ей особенное свое вниманіе. Онъ заново построилъ этотъ городъ изъ бѣлаго камня и украсилъ его пышными дворцами. Здѣсь въ особенности онъ проявилъ свою врожденную склонность къ великимъ предпріятіямъ. Между Дорой и Іоппіей, на одинаковомъ разстояніи отъ которыхъ лежалъ въ серединѣ названный городъ, на всемъ протяженіи этого берега не было гавани. Плаваніе вдоль Финикійскаго берега въ Египетъ совершалось, по необходимости, въ открытомъ морѣ въ виду опасности, грозившей кораблямъ со стороны си-

рійско-палестинскаго побережья:—самый легкій вѣтеръ подымалъ въ прибрежныхъ скалахъ сильнѣйшее волненіе, которое распространялось на далекое разстояніе отъ берега. Но честолюбіе Ирода не знало препятствій: — онъ побѣдилъ природу — создалъ гавань большую, чѣмъ аѳинскій Пирей и превосходившую его многочисленностью и обширностью якорныхъ мѣстъ. Мѣстность ни въ какомъ случаѣ не благопріятствовала задуманному грандіозному замыслу; но именно препятствія и возбуждали рвеніе Ирода: — это былъ духъ мятежный, искавшій борьбы съ природой, какъ онъ боролся съ ночными призраками загубленныхъ имъ жертвъ, начиная отъ Малиха и кончая Маріаммой и Клеопатрой. Онъ рѣшилъ воздвигнуть сооруженіе, которое по своему могуществу могло противостоять свирѣпости моря и которое своей красотой (о, красота!) не давало бы возможности даже подозрѣвать перенесенныхъ для нея трудностей. Прежде всего Иродъ приказалъ измѣрить пространство, назначенное для гавани. Затѣмъ онъ велѣлъ погружать въ море, на глубину двадцати саженъ, камни, большая часть которыхъ имѣла пятьдесятъ футовъ длины, девять футовъ высоты и десять — ширины, а другіе достигали еще большихъ размѣровъ. Послѣ того какъ глубина была заполнена, выведена была надводная часть мола шириною въ двѣсти футовъ: — на сто футовъ ширины молъ былъ выдвинутъ въ море для сопротивленія волнамъ — это и былъ волноломъ; другая-же часть въ сто футовъ ширины служила основаніемъ для каменной стѣны, окружавшей самую гавань. На этой стѣнѣ выведены были

высочайшія башни и свѣтоносный маякъ, названный Друзіономъ, въ честь пасынка императора — Друза... Лесть и лесть безъ конца!

Тутъ-же онъ построилъ массу помѣщеній для складки прибывавшихъ на корабляхъ грузовъ. Кругообразная противъ нихъ обширная площадь доставляла просторъ для гулянья прибывавшимъ въ городъ мореплавателямъ. У входа въ гавань Иродъ поставилъ три колоссальныя статуи, подпираемыя колоннами. Всѣ зданія — изъ бѣлаго камня, издали казавшіяся чѣмъ-то волшебнымъ. Подъ всѣми городскими улицами были проведены продольные и поперечные подземные каналы до самаго моря такъ, что по однимъ дождевая вода выгонялась-бы въ море, а по другимъ — напирала-бы морская вода и очищала каналы. Противъ гавани, на возвышеніи — дивный по величинѣ и красотѣ храмъ Иродова божества — живого сфинкса — Августа, а въ храмѣ — его колоссальная статуя, не уступавшая Юпитеру олимпійскому, а другая — статуя Рима — образецъ Аргосской Юноны... Въ Юнонѣ Иродъ возсоздалъ свою Маріамму — свою любовь и Немезиду.

Затѣмъ — театръ, амфитеатръ — великолѣпныя зданія, напоминавшія Римъ, его величіе, его сфинкса! Въ честь этого сфинкса-бога — пятилѣтнія состязанія въ циркѣ... Какая роскошь! какіе богатые призы, отъ которыхъ стонала Іудея: — Иродъ, какъ вампиръ, высасывалъ ея кровь, которая вытекала изъ Іудеи золотыми рѣками.

Иродъ не забылъ и Агриппы. Онъ возобновилъ разрушенный во время войнъ приморскій городъ Анѳе-

динъ и назвалъ его Агриппіадой, а на воротахъ возведеннаго имъ въ Іерусалимѣ храма вырѣзалъ имя Агриппы.

Не забылъ Иродъ и своихъ родныхъ. Въ прелестной долинѣ Сарона онъ воздвигъ новый городъ въ память своего отца, Антипатра, и назвалъ его Антипатридой. Матери своей Кипрѣ онъ возвелъ надъ Іерихономъ сильную крѣпость и назвалъ ее Кипрой. Брату Фазаелю, разбившему свой черепъ о скалу, онъ построилъ городъ Фазаелиду.

Не забылъ и себя честолюбивый Иродъ. На горѣ, противъ Аравіи, онъ построилъ крѣпость Иродіонъ. Соорудилъ онъ и другой Иродіонъ — чудо красоты и искусства. На томъ мѣстѣ, гдѣ когда то, убѣгая отъ Антигона и парѳянъ, онъ разбилъ преслѣдовавшихъ его іудеевъ, Иродъ велѣлъ насыпать исполинскій холмъ, верхнюю часть котораго обвелъ высокими круглыми башнями, а образуемую ими площадь застроилъ дворцами рѣдкаго великолѣпія. Къ нимъ вели отъ подошвы холма двѣсти ослѣпительно-бѣлыхъ мраморныхъ ступеней, а вода поднималасъ акведуками изъ отдаленныхъ мѣстъ.

И чего все это стоило!.. Только іудеи, которымъ Іегова обѣщалъ, что они «съѣдятъ богатства всего міра», могли затопить своимъ золотомъ всѣ эти затѣи тирана Обѣтованной земли...

«Послѣ всѣхъ этихъ многочисленныхъ сооруженій — говоритъ тотъ-же іудейскій историкъ, почти современникъ Ирода — Иродъ началъ простирать свою царскую щедрость также и на города, не принадлежавшіе его

царству. Въ Триполисѣ, Дамаскѣ и Птоломаидѣ онъ устроилъ гимназіи для ристалищъ; Библосъ получилъ отъ него свои стѣны; Беритъ и Тиръ — колоннады, галлереи, храмы и рынки; Сидонъ и Дамаскъ — театры, морской городъ Лаодикея — водопроводъ, Аскалонъ — прекрасныя купальни, колодцы и колоннады, возбуждавшіе удивленіе своей громадностью и отдѣлкой; другимъ онъ дарилъ священныя рощи и луга. Многіе города получили отъ него даже поля и нивы, какъ будто они принадлежали къ его царству. Въ пользу гимназій иныхъ городовъ онъ отпускалъ годовыя или постоянныя суммы — для состязаній и призовъ — на вѣчныя времена. Нуждающимся онъ раздавалъ хлѣбъ. Родосцамъ онъ неоднократно и при различныхъ обстоятельствахъ давалъ деньги на вооруженіе ихъ флота. Сгорѣвшій храмъ Пиѳіи онъ еще роскошнѣе отстроилъ на собственныя средства. Должно-ли еще упоминать о подаркахъ, сдѣланныхъ имъ ликійцамъ и самосцамъ, или о той расточительной щедрости, съ которой онъ удовлетворялъ самыя разнообразныя нужды всей Іоніи? Развѣ Аѳины и Лакедемонія, Никополисъ и мизійскій Пергамъ не переполнены дарами Ирода? Не онъ-ли вымостилъ въ сирійской Антіохіи болотистую улицу, длиной въ 20 стадій, гладкимъ мраморомъ, украсивъ ее для защиты отъ дождей столь-же длинной колоннадой»?

«Можно, однако, возразить, — продолжаетъ тотъ-же историкъ, — что всѣ эти дары имѣли значеніе лишь для тѣхъ народовъ, которые ими воспользовались. Но то, что онъ сдѣлалъ для жителей Эллады, было благо-

дѣяніемъ не для одной Греціи, а для всего міра, куда только проникала слава олимпійскихъ игръ. Когда онъ увидѣлъ, что эти игры, вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ, пришли въ упадокъ и вмѣстѣ съ ними исчезалъ послѣдній памятникъ древней Эллады, Иродъ въ годъ олимпіады, съ которымъ совпала его вторичная поѣздка въ Римъ, самъ выступилъ судьей на играхъ и указалъ для нихъ источники дохода на будущія времена, чѣмъ и увѣковѣчилъ свою память какъ судьи на состязаніяхъ. Я никогда не приду къ концу, если захочу разсказать о всѣхъ случаяхъ сложенія имъ долговъ и податей.— Въ большинствѣ случаевъ его щедрость не допускала даже подозрѣнія въ томъ, что, оказывая чужимъ городамъ больше благодѣяній, чѣмъ ихъ собственные властители, онъ преслѣдуетъ этимъ какія-либо заднія цѣли»...

Ихъ-то онъ и преслѣдовалъ: — цѣли эти — необузданное тщеславіе, какъ все въ этомъ выродкѣ человѣчества было необузданно... Любовь, ревность, злоба, мстительность, кровожадность, властолюбіе, темпераментъ, кровь, духъ, воображеніе — все необузданно и чудовищно.

— Не царя мы имѣли въ Иродѣ, а лютѣйшаго тирана, — говорили послѣ его смерти іудейскіе делегаты тому-же самому божеству его, Августу — какой когда-либо сидѣлъ на тронѣ. Онъ убилъ безчисленное множество гражданъ; но участь тѣхъ, которыхъ онъ щадилъ, была такова, что они завидовали умершимъ, такъ какъ онъ подвергалъ пыткамъ своихъ подданныхъ не только по одиночкѣ, но мучилъ цѣлые города. Ино-

странные города онъ разукрашивалъ, а свои собственные — разорялъ. Чужимъ народамъ онъ расточалъ дары, къ которымъ прилипла кровь іудеевъ... Вообще, мы терпѣли отъ Ирода больше гнета, чѣмъ наши предки за всѣ вѣка, начиная отъ египетскаго ига и кончая вавилонскимъ плѣненіемъ.

XXII.

Немезида, однако, не дремала.

Въ то время когда Иродъ, высасывая кровь іудеевъ сооружалъ новые города, храмы, дворцы, театры, амфитеатры, гимназіи, воздвигалъ статуи чуждымъ богамъ и людямъ, осыпалъ благодѣяніями чужія страны, забывая Іудею, — въ это время сыновья его отъ Маріаммы — Александръ и Аристовулъ — учились въ Римѣ, рѣдко получая вѣсти съ далекой родины. Но они знали, что послѣ погребенія ихъ матери, тѣло которой они сами сопровождали къ царскимъ усыпальницамъ, Иродъ снова приблизилъ къ себѣ свою первую жену, Дориду, бывшую въ изгнаніи послѣ женитьбы его на Маріаммѣ, и сына Дориды, Антипатра, который также находился въ ссылкѣ и только въ большіе праздники могъ являться въ Іерусалимъ. Юноши, подростая и развиваясь, крѣпли въ убѣжденіи, что ихъ кроткая мать погибла отъ руки ихъ отца. Въ Римѣ-же они получили извѣстіе, что обожавшая ихъ бабушка, дочь первосвященника Гиркана, также была вскорѣ убита по повелѣнію Ирода. Недоброе чувство по отношенію къ отцу зрѣло въ душѣ юношей. Недоброму чувству

этому помогала развиваться и тоска по родинѣ. Болѣе десяти лѣтъ уже они томились въ Римѣ какъ заложники, и хотя Августъ, уже императоръ, и Агриппа ласкали молодыхъ людей, слѣдили за ихъ успѣхами въ наукахъ, за развитіемъ ихъ крупнаго ораторскаго дарованія, однако, юноши не могли не чувствовать, что они какъ будто брошены и забыты отцомъ, безумно гонявшимся только за эфемерной славой.

— Брошенныя Иродомъ дѣти — послѣдняя отрасль Маккавеевъ! — слышали они иногда, какъ шептались между собою ихъ соотечественники - іудеи, поселившіеся въ Римѣ еще со времени Помпея, и горестно покачивали головами, тихонько указывая на прекрасныхъ юношей.

Нерѣдко, любуясь съ высотъ Капитолія величественною картиною разстилавшагося передъ ихъ глазами Рима съ его шумнымъ форумомъ, храмами, колоннадами, статуями, цирками, они вспоминали свой далекій Іерусалимъ съ его храмомъ, съ скромнымъ Кедронскимъ потокомъ, не похожимъ на мутный и бурливый Тибръ, съ милою Елеонскою горою, съ его пальмами и сѣдыми оливковыми деревьями Геѳсиманскаго сада. На душѣ у нихъ становилось холодно при этомъ невольномъ сравненіи, и имъ вспоминался Югурта, послѣ своей знойной Нумидіи, томившійся въ холодномъ Римѣ.

— Когда же мы снова увидимъ наше родное небо, наше знойное солнце, пальмы Іерихона, веселыя струи Іордана, мрачныя воды Мертваго моря? — говорили они нерѣдко.

Но наконецъ, Иродъ вспомнилъ и о нихъ. Однако, не отцовская нѣжность заставила его вспомнить о дѣтяхъ, а только ненасытное честолюбіе. Ему хотѣлось породниться съ древнимъ царскимъ родомъ, — и родство съ царями Каппадокіи казалось ему очень лестнымъ. Онъ зналъ, что у Архелая, каппадокійскаго царя, есть молоденькая дочь замѣчательной красоты, пятнадцатилѣтняя Глафира, которую Иродъ видѣлъ еще совсѣмъ маленькой дѣвочкой и былъ пораженъ ея бойкостью. Семи лѣтъ Глафирѣ случилось быть въ Іерусалимѣ съ отцомъ, куда Архелай пріѣзжалъ, чтобы взглянуть на новое «чудо свѣта» — на іерусалимскій храмъ Ирода — храмъ, о которомъ молва облетѣла весь міръ.

— Когда я буду большая, то выстрою еще лучшій храмъ Юпитеру, — сказала дѣвочка по осмотрѣ іерусалимскаго храма.

— Вотъ какъ! — улыбнулся Иродъ. — Гдѣ-жъ ты его построишь?

— На Элеузѣ, гдѣ мой прадѣдъ приносилъ жертву Аресу послѣ побѣды надъ другимъ моимъ прадѣдомъ, — бойко отвѣчала дѣвочка.

— Твой прадѣдъ побѣдилъ твоего-же прадѣда? — Вотъ чудеса! — засмѣялся Иродъ. — Какъ-же это случилось.

— А ты развѣ не знаешь, кто были мои прадѣды? — гордо спросила дѣвочка.

— Не знаю, милая: — твой отецъ, я знаю, ведетъ свой родъ отъ Темена, родоначальника македонскихъ царей; но кто былъ твой прадѣдъ, побѣдившій самого себя, мнѣ неизвѣстно.

— Самого себя! — обидчиво, надувъ губки, проговорила дѣвочка: — не самого себя, а Дарія Кодомана, персидскаго царя.

— А! — виноватъ, виноватъ! — я не сообразилъ, — сказалъ Иродъ, стараясь скрыть улыбку. — Твой прадѣдъ... Александръ Великій, побѣдившій Дарія Кодомана при Иссѣ. А гдѣ-же другой прадѣдъ?

— Дарій! — гордо отвѣчала дѣвочка: — Александръ Великій — мой прадѣдъ по отцу, а Дарій — по матери.

Теперь этой бойкой дѣвочкѣ уже было пятнадцать лѣтъ, и Иродъ вздумалъ женить на ней своего сына, Александра. Для того теперь, снесшись предварительно съ Архелаемъ, онъ велѣлъ своимъ сыновьямъ на возвратномъ пути изъ Рима въ Іерусалимъ заѣхать непремѣнно на островъ Элеузу, вблизи береговъ Киликіи, и посѣтить тамъ его друга, царя Архелая. Молодые люди такъ и сдѣлали. Лоскъ римскаго образованія, изящество столичнаго обращенія... «urbanitas», красота и краснорѣчіе сыновей Ирода не только очаровали Архелая и его дворъ, но вскружили и своевольную головку хорошенькой Глафиры, которая, однажды, любуясь съ берега моря заходящимъ солнцемъ, нечаянно очутилась въ объятіяхъ Александра. Скоро Гименей соединилъ ихъ узами брака, и Глафира увидала себя вновь въ Іерусалимѣ, во дворцѣ Ирода.

Но женщины — всегда женщины, особенно неразвитыя. Хорошенькая Глафира, едва вступила во дворецъ, тотчасъ-же повела себя высокомѣрно, какъ дочь царя и правнучка двухъ знаменитыхъ царей. Другія женщины были этимъ задѣты за живое, особенно-же

старая интриганка Саломея, которая окончательно изозлилась еще и потому, что осталась вдовой, а таинственный «сынъ Петры» не являлся. Чтобы усмирить Саломею, Иродъ и женилъ своего младшаго сына Аристовула на дочери Саломеи — Вероникѣ. Но и это не умиротворило женщинъ, тѣмъ болѣе, что въ распри вмѣшалась третья женщина — Дорида, сама царица, самолюбіе которой было жестоко оскорблено.

— Я не знала, — говорила тщеславная Глафира, — что правнучка Александра Великаго попадетъ въ такую семью.

— Въ какую? — спросилъ ея мужъ.

— Какъ! — я думала, выходя за тебя замужъ, что буду окружена равными мнѣ женщинами, — и вдругъ! — одна простая арабка, другая дочь арабки, третья — внучка арабки! — высокомѣрно отвѣчала Глафира.

Намеки тщеславной Глафиры были ясны: — арабка — это мать Ирода и бабушка ея мужа; дочь арабки — это Саломея, а внучка арабки — Вероника, дочь Саломеи, жена Аристовула.

Но такъ какъ у Ирода, въ его дворцѣ, и стѣны имѣли уши, то шпіоны все это переносили или самому царю, или Антипатру, или, наконецъ, Доридѣ, которая заняла во дворцѣ бывшіе покои Маріаммы.

Съ другой стороны, и Александръ, и Аристовулъ, видя, что Антипатръ лестью и наушничествомъ совершенно забралъ въ руки отца, негодовали на все, неосторожно высказываясь объ отцѣ, какъ объ убійцѣ ихъ матери.

— Женщинѣ, которой приличнѣе было-бы козъ

пасти на Елеонской горѣ, отдали покои твоей матери, — говорила между тѣмъ Глафира своему мужу.

Александръ, конечно, негодовалъ; но что онъ могъ сдѣлать, когда Антипатръ день ото дня становился все сильнѣе? Иродъ не могъ не догадываться, что дѣти Маріаммы разгадали его кровавую тайну. Это онъ видѣлъ въ ихъ глазахъ, которые говорили лучше словъ. Это-же говорили ему частыя посѣщенія ими гробницъ матери и бабушки. Самъ по природѣ лукавый и мстительный, онъ боялся, что и дѣти будутъ мстить ему за смерть матери. Онъ самъ такъ поступилъ-бы на ихъ мѣстѣ. Опасеніе это перешло въ увѣренность, когда клевреты Антипатра намекнули ему, что Александръ, подстрекаемый «правнучкою Дарія» и при содѣйствіи ея отца, готовится тайно бѣжать въ Римъ и обвинить отца въ злодѣяніяхъ, въ убійствѣ ихъ матери, бабушки и всѣхъ родныхъ, начиная отъ Антигона и Гиркана и кончая юнымъ первосвященникомъ Аристовуломъ, утопленнымъ въ Іерихонскомъ бассейнѣ.

Тутъ уже въ Иродѣ проснулся его злой духъ. Прежде онъ могъ-бы, не задумываясь, казнить или лично убить Александра; но теперь онъ зналъ, что этотъ Александръ — любимецъ Августа и Агриппы. Пусть онъ его судитъ и казнитъ.

И Иродъ немедленно рѣшился отправиться въ Римъ и вести съ собою на судъ преступнаго сына.

И вотъ они переплыли бурныя моря и явились въ Римъ, гдѣ и того и другого ждали такія разнородныя воспоминанія. Иродъ вспомнилъ свою далекую молодость, своего давно погибшаго учителя, Цицерона...

Давно уже вѣтеръ разнесъ пепелъ отъ его умной головы, отъ его краснорѣчиваго языка, такъ постыдно исколотаго булавками злобной Фульвіи... А послѣднее его пребываніе въ Римѣ, когда онъ чуть не въ рубищѣ нищаго стоялъ въ сенатѣ, у трибуны Мессалы и ждалъ своей судьбы... Теперь судьба—его союзница—союзница его злодѣяній... Но тутъ-же и Немезида—его сынъ...

А сынъ вспомнилъ свое недалекое прошлое... Но и вспоминать некогда... Онъ долженъ предстать на судъ сената и императора. И онъ предсталъ...

Онъ видитъ полное собраніе сенаторовъ. Онъ видитъ статую Помпея, къ подножью которой упалъ когда-то мертвый Цезарь, пораженный Брутомъ.. Голова его точно въ туманѣ... Онъ слышитъ страстную рѣчь отца, который обвиняетъ его въ несовершенныхъ имъ преступленіяхъ, слышитъ ненавистное имя Антипатра...

Въ сенатѣ мертвая тишина. Это говоритъ уже онъ, Александръ. Онъ, кажется, самъ не помнитъ, что говоритъ, но точно сквозь туманъ видитъ, какъ холодныя лица сенаторовъ проясняются, какъ одобрительно ласково смотритъ на него самъ императоръ...

— Какое дивное краснорѣчіе!—доносится до него чей-то сдержанный шепотъ изъ рядовъ сенаторовъ.

— Это юный Цицеронъ,—подтверждаетъ кто-то.—Жаль, что онъ потерянъ для Рима.

Голосъ молодого оратора обрывается отъ накипѣвшихъ слезъ... Онъ вспоминаетъ мать... Ужь лучше умереть!..

— Пусть отецъ — съ рыданіемъ заключилъ онъ — казнитъ своихъ дѣтей, если онъ того желаетъ, но пусть не взводитъ на нихъ тяжкихъ обвиненій... Мы готовы умереть!

Что это? — Онъ видитъ, что на глазахъ нѣкоторыхъ сенаторовъ слезы... Императоръ, взволнованный и блѣдный, встаетъ и какъ-бы протягиваетъ руки къ молодому оратору...

— Потерять такого сына! — гордость отца! — взволнованно говоритъ онъ и обнимаетъ Александра.

— Отецъ! — обращается онъ затѣмъ къ Ироду: — ты хочешь лишиться такого сына!

— О, императоръ! — я самъ не зналъ его! — могъ только проговорить Иродъ.

И Александръ въ его объятіяхъ... Они оба плачутъ... Вѣдь, это сынъ Маріаммы! — о, незабвенная тѣнь!

Отецъ и сынъ, примиренные, возвращаются въ Іерусалимъ, и Иродъ тотчасъ-же созываетъ народное собраніе. Когда ему доложили, что синедріонъ и народъ ждутъ его, онъ вышелъ, облаченный въ порфиру, и вывелъ всѣхъ своихъ сыновей — Антипатра, Александра и Аристовула. За ними выступили жены царской семьи — мать Ирода, дряхлая уже Кипра, которую поддерживала Саломея, за ними хорошенькая Глафира, жена Александра, Дорида, жена Ирода, выступившая нѣсколько въ сторонѣ, и, наконецъ, совсѣмъ почти ребенокъ — Вероника, дочь Саломеи и жена Аристовула.

Народъ угрюмо ждалъ слова. Иродъ началъ. Онъ сказалъ о своей поѣздкѣ въ Римъ, и, поблагодаривъ

Бога и императора за возстановленіе согласія въ его семьѣ, продолжалъ:

— Это согласіе я желаю укрѣпить еще больше. Императоръ предоставилъ мнѣ полную власть въ государствѣ и выборъ преемника. Стремясь теперь, безъ ущерба для моихъ интересовъ, дѣйствовать въ духѣ его начертаній, я назначаю царями этихъ трехъ сыновей моихъ (онъ указалъ на нихъ) и молю прежде Бога, а затѣмъ васъ — присоединиться къ этому рѣшенію. Одному старшинство, другимъ — высокое происхожденіе даютъ право на престолонаслѣдіе.

При словахъ — «высокое происхожденіе» — Глафира съ ужимкою хорошенькаго котенка взглянула на Саломею, которая злобно сверкнула глазами.

— Императоръ помирилъ ихъ — продолжалъ Иродъ — отецъ вводитъ ихъ во власть. Примите-же этихъ моихъ сыновей, даруйте каждому изъ нихъ, какъ повелѣваетъ долгъ и обычай, должное уваженіе по старшинству, такъ какъ торжество того, который почитается выше своихъ лѣтъ, не можетъ быть такъ велико, какъ скорбь другого, возрастомъ котораго пренебрегаютъ.

Глафира и Саломея опять переглянулись — послѣдняя торжествующе злорадно.

— Кто-бы изъ родственниковъ и друзей ни состоялъ въ свитѣ каждаго изъ нихъ — продолжалъ Иродъ — я обѣщаю всѣхъ утвердить въ ихъ должностяхъ, но они должны ручаться мнѣ за сохраненіе солидарности между ними, такъ какъ я слишкомъ хорошо знаю, что ссоры и дрязги происходятъ отъ злонамѣренности

окружающихъ; когда-же послѣдніе дѣйствуютъ честно, тогда они сохраняютъ любовь. При этомъ я объявляю мою волю, чтобы не только мои сыновья, но и начальники моего войска пока еще повиновались исключительно мнѣ, потому что не царство, а только честь царства передаю моимъ сыновьямъ:—они будутъ наслаждаться положеніемъ царей, но тяжесть государственныхъ дѣлъ будетъ лежать на мнѣ, хотя я и не охотно ношу ее. Пусть каждый подумаетъ о моихъ годахъ, моемъ образѣ жизни и благочестіи. Я еще не такъ старъ, чтобы на меня уже можно было махнуть рукой, не предаюсь я роскоши, которая губитъ и молодыхъ людей, а божество я всегда такъ чтилъ, что могу надѣяться на самую долговѣчную жизнь. Кто съ мыслію о моей смерти будетъ льстить моимъ сыновьямъ, тотъ въ интересахъ послѣднихъ-же будетъ наказанъ мною. Вѣдь, не изъ зависти къ нимъ, выхоленнымъ мною, я урѣзываю у нихъ излишнія почести, а потому, что я знаю, что лесть дѣлаетъ молодыхъ людей надменными и самоувѣренными. Если, поэтому, каждый изъ ихъ окружающихъ будетъ знать, что за честное служеніе онъ получитъ мою личную благодарность, а за сѣяніе раздора онъ не будетъ вознагражденъ даже тѣмъ, къ кому будетъ отнесена его лесть, тогда, я надѣюсь, всѣ будутъ стремиться къ одной цѣли со мной, которая вмѣстѣ съ тѣмъ и есть цѣль моихъ сыновей. И для нихъ самихъ полезно, чтобы я остался ихъ владыкой и въ добромъ согласіи съ ними. Вы-же, мои добрыя дѣти (Иродъ обратился къ сыновьямъ), помните прежде всего священный союзъ природы, сохраняющій любовь

даже у животныхъ. Помните затѣмъ императора, зиждителя нашего мира, и, наконецъ, меня, вашего родителя, который проситъ васъ: тамъ, гдѣ онъ можетъ приказывать, — оставайтесь братьями! Я даю вамъ царскія порфиры и царское содержаніе и взываю къ Богу, чтобы онъ охранялъ мое рѣшеніе до тѣхъ поръ, пока вы сохраните согласіе между собою.

Слушая сына, старая Кипра плакала слезами умиленія; младшія-же женщины недовѣрчиво улыбались, и только юная Вероника, совсѣмъ еще ребенокъ, хотя уже мать, въ невинности души вѣрила искренности дядюшки.

Кончивъ рѣчь, Иродъ обнялъ сыновей и распустилъ собраніе.

XXIII.

Но примиреніе семейства Ирода было только кажущееся. Женщины продолжали вести между собою словесную войну: — уколы, намеки, презрительныя движенія, многозначущіе взгляды, пожиманье плечами, улыбки, — все пускалось въ ходъ, и, доходя до мужей, озлобляло и ихъ. Рабыни усердно помогали госпожамъ и раздували огонь своими сплетнями.

— Вонъ царь даритъ своей старухѣ Доридѣ и молоденькимъ наложницамъ царскія одежды Маріаммы, — говорила рабыня Глафиры рабынѣ Саломеи: — а вотъ скоро надѣнутъ на нихъ власяницы и заставятъ ткать верблюжью шерсть.

— Не дождетесь вы этого! — сердилась рабыня Саломеи: — скорѣй вашу гречанку Глафиру пошлютъ мыть овецъ въ Овчей купели или полоскать бѣлье въ Кедронскомъ потокѣ.

Юная Вероника часто плакала оттого, что мужъ ея, Аристовулъ, женатый на ней не по своей охотѣ, часто упрекалъ ее низкимъ происхожденіемъ ея матери, Саломеи.

— Да какъ-же, — плакала Вероника, — вѣдь, моя мать — сестра царя и твоя тетка... Какъ-же я низкаго происхожденія?.. Тогда и ты низкаго.

— Нѣтъ, моя мать была царица, — возражалъ Аристовулъ, который тоже еще былъ почти мальчишка. — И отецъ мой — царь. А твой кто? — простой военачальникъ!

Все это усердными рабынями да евнухами переносилось въ уши Дориды и Антипатра, а отъ нихъ доходило до самого Ирода, — и онъ злобствовалъ. Попрекъ низкимъ происхожденіемъ относился прямо къ нему — онъ самъ былъ не изъ царскаго рода.

А между тѣмъ шушуканья рабынь становились все ядовитѣе.

— Ахъ, что тутъ дѣлается! и уму непостижимо. У насъ въ Каппадокіи ничего такого и не слыхано! — говорила рабыня Глафиры другой рабынѣ. — Сегодня, говорятъ, чуть свѣтъ отрубили головы всѣмъ Бне-Бабамъ и даже мужу Саломеи, Костобару.

— Это все по навѣтамъ самой-же змѣи Саломеи — укоризненно качая головой, проговорила старая рабыня, которая когда-то служила Александрѣ, матери Маріаммы, и самой Маріаммѣ.

— Это на своего-то мужа! — изумилась молодая рабыня Глафиры.

— Да, это старая исторія: тутъ замѣшанъ и Ферорь, братъ царя, и его голова чуть не слетѣла, — говорила старая рабыня. — Еще когда Саломея была совсѣмъ малоденькая и мы всѣ сидѣли запершись въ крѣпости Масадѣ, а царь, — тогда еще не царь, а тетрахъ, — бѣжалъ отъ парѳянъ и отъ царя Антигона, брата Александры и дяди покойной Маріаммы — да возрадуется ея душенька на лонѣ Авраама! — и когда у

насъ не хватило воды и мы собирались ужъ помирать, такъ какой-то добрый человѣкъ тайно отъ парѳянъ и Антигона доставлялъ намъ воду ради этой самой Саломеи и называлъ себя «сыномъ Петры»; а кто онъ такой былъ — никто не зналъ. Такъ съ той поры онъ и сидѣлъ въ душѣ Саломеи. Хоть ее потомъ царь и выдалъ замужъ за своего любимца, Іосифа, только она не любила его, а все думала о «сынѣ Петры». Потомъ Іосифъ вдругъ пропалъ безъ вѣсти. По секрету во дворцѣ говорили евнухи, что это было дѣло самого царя, который, будто-бы, приревновалъ его къ царицѣ Маріаммѣ, — только она, голубушка, была тутъ неповинна. Потомъ царь выдалъ Саломею за Костобара, что сегодня казнили. А Костобаръ этотъ тоже былъ любимецъ царя и тоже идумей. Въ то время, когда царь воротился изъ Рима и высвободилъ насъ изъ Масады, а потомъ силою взялъ Іерусалимъ, то поручилъ этому Костобару охрану города, чтобы никто изъ его враговъ не ушелъ отъ его кары. И поработалъ тогда Костобаръ! Всѣхъ знатныхъ и богатыхъ іудеевъ — кого казнилъ мечомъ, кого распялъ на крестѣ, а богатства ихъ отобралъ на царя, да и себя не забылъ. Пощадилъ онъ только знатнѣйшій родъ Бне-Бабы, что были сродни Маккавеямъ, и укрылъ въ потайномъ мѣстѣ, гдѣ они и оставались до-сегодня. Объ ихъ укрывательствѣ провѣдала отъ мужа Саломея, но молчала до тѣхъ поръ, пока не проявился тотъ, о комъ она день и ночь думала съ самой Масады...

— Кто-жъ онъ такой? — перебила разсказчицу молодая рабыня Глафиры, большая охотница до сплетень.

— А оказался онъ знатнымъ арабомъ по имени Силлай; онъ намѣстникъ аравійскаго царя Обода и давно искалъ случая увести въ Петру Саломею, которую полюбилъ еще дѣвочкой, бывая въ домѣ Антипатра, отца нашего царя. А взять ее замужъ ему нельзя было потому, что царь нашъ давно во враждѣ съ арабами и ненавидитъ этого Силлая, который наговорилъ римскому императору про нашего царя такого, что Августъ пересталъ даже принимать пословъ Ирода. Ну, такъ когда Саломея узнала, кто такой этотъ «сынъ Петры», и увидала его, то воспылала къ нему такой страстью, что рѣшилась погубить ненавистнаго мужа и бѣжать къ Силлаю, если царь не отдастъ ея за него.

— А гдѣ-жъ она его увидала? — спросила, горя отъ любопытства, молоденькая рабыня.

— А въ Масадѣ, когда царь ѣздилъ въ прошломъ году къ императору, а насъ отослалъ въ Масаду. Такъ вотъ, чтобы избавиться отъ мужа, она и донесла на него, а сегодня, вотъ, и слетѣла его голова вмѣстѣ съ Бне-Бабами... Охъ, чего я не видѣла на своемъ вѣку...

— А какъ-же братъ-то царя, Ферорь, замѣшанъ тутъ?..

— Онъ по другому... За него царь хотѣлъ отдать свою дочь, такъ Ферорь не захотѣлъ, потому что у него есть молоденькая рабыня, бѣленькая такая, изъ Скиѳіи — такъ онъ на нее не надышется... Только царь его простилъ. А теперь вотъ Саломея и на него донесла, чтобы только самой избавиться отъ Костобара: — она сказала царю, что Костобаръ хотѣлъ по-

мочь Ферору бѣжать съ своею возлюбленною рабыней къ пареянамъ, а потомъ вмѣстѣ съ ними ссадить Ирода съ престола и самому сѣсть на него. Ну, понятно, начались пытки сначала съ нашего брата, со слугъ... Только Фероръ вывернулся, а сестру выдалъ.

— Вотъ злодѣи! — невольно вырвалось у молоденькой рабыни. — А особенно эта змѣя Саломея: — вѣдь, сама ужь бабушка! Вонъ у Вероники одинъ сынишка, тоже Иродъ, по дѣдушкѣ, ужь ползаетъ, да и другимъ ребенкомъ беременна, а бабушка бѣсится — шашни у нея съ арабомъ.

— Ужь и ваши господа хороши! — прошипѣла вдругъ рабыня Саломеи, нечаянно подслушавшая ихъ разговоръ. — Вотъ вашъ хваленый царевичъ Александръ, мужъ твоей гордячки, что продѣлываетъ съ любимыми евнухами царя... Спроси-ка свою гордячку — знаетъ она объ этомъ?

— О чемъ это? — задорно спросила рабыня Глафиры.

— А объ томъ, о чемъ стыдно и говорить... Тьфу, какая мерзость!.. Вотъ только провѣдаетъ царь.

Иродъ, дѣйствительно, провѣдалъ — все чрезъ ту же свою сестрицу, Саломею.

Три евнуха, самые младшіе и самые любимые его, о которыхъ ему донесли, были: — одинъ — виночерпій, другой — хлѣбодаръ и третій, который приготовлялъ ложе царю и самъ спалъ въ его близости. Ихъ тотчасъ-же подвергли пыткамъ. Имѣлъ-ли основаніе доносъ — неизвѣстно и даже сомнительно, такъ-какъ доносомъ отличилась сама Саломея; но пытки кого не

вынудятъ сказать то, чего отъ нихъ пытающіе добиваются! Пыталъ-же притомъ старый Рамзесъ, самый злой аргусъ Ирода, ненавидѣвшій, изъ ревности, молоденькихъ любимчиковъ царя.

Не вытерпѣвъ мученій, хлѣбодаръ обѣщалъ все разсказать, если прекратятъ пытку. Пытку прекратили.

— Царевичъ Александръ говорилъ намъ — лепеталъ насчастный заплетавшимся отъ боли языкомъ: — отъ Ирода вамъ нечего ожидать... онъ старый повѣса... краситъ себѣ волосы... но все-жъ и черезъ это онъ не можетъ казаться вамъ молодымъ... Вы — говоритъ — только слушайтесь меня... Скоро я силой отниму власть у Ирода... Отомщу своимъ врагамъ... а друзей сдѣлаю богатыми и счастливыми... васъ — говоритъ — прежде всѣхъ... Знатнѣйшіе люди — говоритъ — уже присягнули мнѣ втихомолку... и обѣщали помогать... а военачальники и центуріоны арміи находятся со мною въ тайныхъ сношеніяхъ...

Дальше несчастный говорить не могъ — онъ лишился сознанія.

Эти показанія, — говоритъ іудейскій историкъ, — до того устрашили Ирода, что въ первое время онъ даже не осмѣливался дѣйствовать открыто. Онъ разослалъ тайныхъ развѣдчиковъ, которые день и ночь шныряли по городу и должны были докладывать ему обо всемъ, что они замѣчали, видѣли и слышали: — кто только навлекалъ на себя подозрѣніе, немедленно былъ предаваемъ смерти. Дворъ переполнился ужаснѣйшими преступленіями, злодѣяніями. Каждый измышлялъ обвиненія, каждый клеветалъ, руководствуясь личной или

партійной враждой, и многіе злоупотребляли кровожаднымъ гнѣвомъ царя, обращая его противъ своихъ противниковъ. Ложь мгновенно находила себѣ вѣру, и едва только произносилось обвиненіе, какъ уже совершалась и казнь. Случалось часто, что только-что обвинявшій самъ былъ обвиняемъ и вмѣстѣ съ своей жертвой шелъ на казнь, ибо Иродъ, изъ опасенія за свою собственную жизнь, осуждалъ на смерть безъ слѣдствія и суда. Его духъ до того былъ помраченъ, что онъ не могъ спокойно глядѣть на людей, даже совершенно невинныхъ, и даже къ друзьямъ своимъ относился въ высшей степени враждебно. Антипатръ-же ловко пользовался несчастіемъ Александра. Онъ тѣснѣе сплотилъ вокругъ себя всю ораву своихъ родственниковъ, и вмѣстѣ съ ними пускалъ въ ходъ всевозможныя клеветы. Ложными доносами и извѣтами онъ вмѣстѣ съ своими друзьями нагналъ на Ирода такой страхъ, что ему постоянно мерещился Александръ, и не иначе, какъ съ поднятымъ надъ нимъ мечомъ. Онъ, наконецъ, приказалъ внезапно схватить сына и заковать въ кандалы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ началъ подвергать пыткамъ его друзей. Большинство изъ нихъ умирало молча и не выдавая болѣе того, что они, въ дѣйствительности знали, но тѣ, которые были доведены до лжесвидѣтельства, показали, что Александръ и братъ его Аристовулъ посягали на жизнь отца: — они, будто-бы, выжидали только случая, чтобы убить его на охотѣ и тогда бѣжать въ Римъ.

Все это говорено было подъ жесточайшими пытками, а Ироду этого только и хотѣлось...

И такъ Александръ — въ тюрьмѣ, въ оковахъ. Но голова и руки его свободны... Не даромъ онъ учился въ Римѣ и былъ отмѣченъ самимъ Августомъ...

Погибать — такъ погибать всѣмъ! Пусть весь корабль идетъ ко дну!.. Онъ требуетъ себѣ матеріалы для письма!.. Онъ пишетъ отцу... Да, онъ — заговорщикъ, онъ — злодѣй. Но онъ не одинъ: — заговоръ — неизмѣримаго объема! Весь дворъ въ заговорѣ. Всѣ жаждутъ смерти царя. Ферορъ, Саломея, Антипатръ — всѣ въ заговорѣ. Саломея даже ворвалась къ нему въ домъ и ночь провела на его ложѣ... Военачальники, министры, синедріонъ — заговорщики — всѣ куютъ орудія смерти для ненавистнаго тирана... смерть надъ его головой!

Иродъ осатанѣлъ, когда прочиталъ эти «признанія» сына! – Полилась вновь кровь... Иродъ проклинаетъ судьбу, день своего рожденія, свою корону...

Вдругъ Рамзесъ вводитъ къ нему Архелая, примчавшагося изъ Каппадокіи вслѣдствіе письма дочери.

— Гдѣ это мой преступный зять! — кричитъ онъ въ неистовствѣ. — Гдѣ мнѣ найти голову этого отцеубійцы, чтобы собственными руками размозжить ее!

Иродъ ошеломленъ. Онъ не знаетъ, что думать... Архелай страшенъ.

— Гдѣ дочь моя, жена этого изверга! — неистовствуетъ Архелай: — я и ее задушу, если она даже и непричастна этому адскому заговору... Задушу! — ужъ однимъ союзомъ съ такимъ чудовищемъ она обезчещена...

Иродъ ушамъ своимъ не вѣритъ; но ему становится какъ будто свѣтлѣе...

— И ты, ты! — о, долготерпѣніе! — укоряетъ его Архелай. — О, Иродъ! и чудовище-сынъ еще живъ! — и ты позволяешь ему еще дышать? А я спѣшилъ изъ Каппадокіи въ полной увѣренности, что ты уже казнилъ изверга. Я торопился сюда, чтобы вмѣстѣ съ тобою судить мою дочь, которую я отдалъ за злодѣя изъ уваженія къ тебѣ и къ твоему высокому сану.

Иродъ все молчитъ: — онъ не находитъ, что ему отвѣчать.

— Что-же ты молчишь, царь? — уже спокойнѣе заговорилъ Архелай. — Давай вмѣстѣ рѣшать ихъ участь... Если ужъ ты такъ подчиняешься родительскому чувству и слишкомъ мягкосердеченъ для того, чтобъ карать преступнаго сына, возставшаго на твою жизнь, такъ помѣняемся судейскими обязанностями, и пусть каждый изъ насъ проникнется гнѣвомъ другого! Суди мою дочь, а я буду судьей твоего сына.

Архелай, — наполовину грекъ, наполовину персъ — соединялъ въ себѣ качества обѣихъ этихъ народностей: вкрадчивость, проникавшую въ душу, хитрость подъ маской угодливости и лукавство азіята, отполированное въ Аѳинахъ, въ школѣ риторовъ. Подвижной, юркій — онъ не зналъ себѣ равнаго въ искусствѣ обвести самаго осторожнаго, самаго недовѣрчиваго человѣка. И онъ обвелъ именно такого — Ирода.

Иродъ показалъ ему «признанія» Александра: — «Вотъ, прочти». — И они начали читать вмѣстѣ.

— Такъ... такъ... понимаю... догадываюсь, — покачивалъ лукавою головою Архелай. — О злодѣи!.. каковы!.. проклятіе!.. А все, кажется, этотъ братецъ,

заіорданскій шакалъ въ образѣ лисы... все Ферорь... О, вижу, вижу!.. О, изверги!

— А знаешь, что, царь? — обратился онъ къ Ироду: — мы должны тщательно разслѣдовать, не замышляли-ли чего злодѣи противъ юноши вмѣсто того, чтобы замышлять противъ тебя. У насъ нѣтъ пока никакого объясненія тому, что могло побудить юношу къ такому возмутительному преступленію въ то время, когда онъ уже пользовался царскими почестями и имѣлъ всѣ виды на престолонаслѣдіе. Здѣсь должны быть обольстители, которые стремятся направить легкомысліе молодости на путь преступленія. Такими людьми бываютъ обмануты не только юноши, но и старики... Благодаря имъ, часто потрясаются знатнѣйшія фамиліи и даже цѣлыя царства... Подозрителенъ мнѣ этотъ Ферорь... Онъ считаетъ себя обойденнымъ...

— Да, онъ недоволенъ мною изъ-за рабыни скиѳской, которая околдовала его, — говорилъ какъ-бы про себя Иродъ... Мнѣ даже доносили, что онъ хотѣлъ бѣжать съ нею къ пареянамъ.

— Вотъ-вотъ! — видишь? — ухватился за это ловкій грекъ.

Тотчасъ-же, съ «признаніями» Александра въ рукахъ, Архелай отправился къ Ферору, который уже находился подъ негласнымъ надзоромъ или даже арестомъ, и объявилъ ему, что въ «признаніяхъ» Александра такая масса уликъ противъ него, что, при всемъ своемъ вліяніи на царя, онъ не можетъ вымолить ему помилованія.

— Одно остается тебѣ — умереть съ покаяніемъ, — заключилъ Архелай: — а покаяніе иногда спасаетъ

жизнь... Прибѣгни къ любящему сердцу брата — и я помогу тебѣ.

Оплести Ирода было труднѣе, но и его Архелай оплелъ; а арестованный Ферορъ сразу сдался. И они вмѣстѣ явились къ Ироду. Ферορъ — въ черномъ, убитый, трепещущій. Онъ съ плачемъ падаетъ къ ногамъ брата...

— Все изъ-за рабыни... она съ ума меня свела... Я не могу безъ нея жить... а ты хотѣлъ женить меня второй разъ на своей дочери... я не могу... моя Ира... не разлучай насъ, — бормоталъ онъ безсвязно.

Иродъ вспомнилъ Маріамму. — «Вотъ она... вотъ она, страсть... безуміе... и я былъ такой... безуміе», — бушевали въ немъ воспоминанія, раскрылись старыя раны.

— Встань! — сказалъ онъ сурово. — Но Ферορъ не вставалъ.

— Прости его, милосердный царь! — заговорилъ тутъ Иродовъ искуситель. — Покорись голосу природы, — умолялъ Архелай: — и я также претерпѣлъ отъ моего брата еще больше кровныхъ обидъ, но все-же внялъ голосу природы, заглушающему въ насъ призывы къ мести... Въ государствахъ, какъ и на тѣлахъ, образуются вредные наросты: — ихъ надо лечить, а не срѣзывать.

— Встань, Ферορъ! — повторилъ Иродъ. — Уходи пока — я подумаю... Ферορъ ушелъ.

— Но Александра я не прощу, если ты даже простишь! — съ напускнымъ негодованіемъ снова заговорилъ каппадокійскій плутъ. — Я не оставлю моей дочери у такого злодѣя — я увожу ее домой, къ матери.

Тутъ уже Иродъ сталъ защищать своего сына; но негодующій плутъ не сдавался.

— Нѣтъ, добрый царь, — не защищай злодѣя! — продолжалъ настаивать Архелай. — Ужъ если такъ, то самъ выдай мою дорогую дурочку за кого пожелаешь, только не за Александра... Мнѣ важнѣе всего сохранить фамильный союзъ съ тобою.

— Ну, такъ и быть, — подался Иродъ, совсѣмъ оплетенный: — ты, царь Архелай, прими изъ моихъ рукъ моего сына какъ подарокъ, если не расторгнешь его брака съ твоей дочерью... Вѣдь, у нихъ ужь есть дѣти, и мой юноша такъ нѣжно любитъ свою жену... Если твоя дочь останется при немъ, то она удержитъ его отъ дальнѣйшихъ ошибокъ, а разъ она оторвана отъ него, то это можетъ повести его къ отчаяннымъ поступкамъ. Бурные порывы юности смягчаются, именно, подъ вліяніемъ семейныхъ чувствъ.

Архелай... неохотно... согласился!

— Радуйся, птичка моя! — съ лукавой улыбкой вошелъ онъ къ дочери, которая съ рыданіями бросилась ему на шею. — Я возвратилъ тебѣ твоего Александра... Утри-же глазки.

XXIV.

Ловкое посредничество Архелая утишило бурю, бушевавшую въ душѣ Ирода. Миротворецъ былъ осыпанъ подарками: онъ получилъ отъ Ирода золотой тронъ, осыпанный драгоцѣнными камнями, нѣсколько евнуховъ, красивую наложницу, по имени Паннихія, и семьдесятъ талантовъ золотомъ. Свита его была также щедро одарена, да и родственники Ирода не отстали отъ царя въ своей щедрости.

Въ заключеніе, чтобы дать своему гостю эстетическое наслажденіе въ римскомъ духѣ, Иродъ назначилъ гладіаторскія состязанія въ іерусалимскомъ циркѣ. Этотъ циркъ-амфитеатръ былъ сооруженъ Иродомъ вслѣдъ за возобновленіемъ храма и постройкою дворца съ замкомъ Антонія. Для гладіаторскихъ боевъ доставлены были изъ Аравіи и Нубіи великолѣпные львы, тигры и другіе дикіе звѣри. Изъ Греціи и Рима приглашены были за огромное вознагражденіе гладіаторы, наѣздники, музыканты. Самое зданіе было украшено воинскими трофеями и римскими легіонными орлами.

Въ назначенный для состязаній день амфитеатръ былъ весь занятъ зрителями, большею частью изъ при-

дворной знати, уцѣлѣвшей отъ послѣднихъ казней, друзьями и приближенными Ирода, знатными идумеями, самарянами и прибывшими изъ Галилеи, изъ Цезареи и другихъ городовъ. Но изъ природныхъ іудеевъ и жителей Іерусалима было очень не много: — истые іудеи ненавидѣли эти кровавыя языческія зрѣлища, на которыхъ людей бросали на растерзаніе дикимъ звѣрямъ.

Когда Иродъ и Архелай заняли свои мѣста въ царской ложѣ, распорядитель игръ, по знаку Ферора, приказалъ нубійцу-сторожу, на попеченіи котораго находился огромный африканскій левъ, отворить желѣзнымъ шестомъ дверь, за которою въ своемъ каменномъ логовѣ помѣщался страшный нубійскій звѣрь. Передъ предстоявшимъ состязаніемъ льва не кормили болѣе сутокъ и держали въ подвалѣ, лишенномъ на это время свѣта.

Увидѣвъ отворенную дверь своей тюрьмы, левъ съ громовымъ рычаніемъ радости выпрыгнулъ на арену. Но свѣтъ ослѣпилъ его, и онъ на минуту остановился, не двигаясь, а только ощетинивъ косматую гриву и колотя себя по бокамъ упругимъ хвостомъ.

— Какой красавецъ! — невольно воскликнулъ Архелай, любуясь звѣремъ. — Но найдется-ли для него противникъ?

— Найдется, — съ улыбкой отвѣчалъ Иродъ. — Мнѣ уже о немъ говорили, хотя я самъ еще не видалъ его.

Настала мертвая тишина. Весь амфитеатръ замеръ. Вдругъ послышался звонкій, отчетливый голосъ Ферора:

— Кто изъ гладіаторовъ, для открытія состязаній, желаетъ получить первый призъ изъ рукъ царя пустыни? — провозгласилъ онъ, обращаясь къ гладіаторамъ, которые находились за каменнымъ барьеромъ на скамьѣ гладіаторовъ.

— Я! — поднялся со скамьи черный великанъ съ курчавой головой.

Это былъ гигантъ негръ. Обнаженное черное тѣло его съ стальными мускулами отливало чернымъ полированнымъ мраморомъ. Онъ былъ весь голый, только отъ кожанаго пояса его, на которомъ висѣли два огромныхъ меча, ниспадалъ не бедра бѣлый льняной фартукъ, далеко не доходившій до колѣнъ.

Черный гладіаторъ вышелъ на арену, держа по мечу въ каждой рукѣ, и пошелъ прямо на льва.

— Мой братъ!.. мой маленькій братъ! — послышался крикъ ужаса изъ царской ложи.

Всѣ обратились по направленію крика. Въ углубленіи ложи Ирода, у колонны, стоялъ Рамзесъ, протягивая впередъ руки.

— Мой маленькій братъ! — простоналъ онъ.

Иродъ и Архелай вопросительно, а первый гнѣвно, оглянулись на него.

— Онъ былъ маленькій такой... евнухомъ въ свитѣ Клеопатры... это мой братъ.

Черный гладіаторъ при первомъ крикѣ вздрогнулъ было, быстро глянулъ на царскую ложу, и, протянувъ впередъ руки какъ-бы для объятій, еще рѣшительнѣе пошелъ на льва. Звѣрь увидѣлъ его, и, заревѣвъ въ неистовой радости, сдѣлалъ страшный прыжокъ впе-

редъ, разметая по аренѣ сухой песокъ. Потомъ онъ остановился и прилегъ какъ кошка, готовясь сдѣлать послѣднiй прыжокъ прямо на жертву. Присѣлъ и черный гладiаторъ. Левъ тихо поводилъ хвостомъ, видимо, соразмѣряя разстоянiе до своего врага. Онъ такъ мощно дышалъ своими ужасными легкими, что гналъ впереди себя песокъ арены словно вѣтромъ.

Амфитеатръ замеръ...

Страшный прыжокъ какъ разъ на гладiатора!.. Мечъ послѣдняго сверкнулъ и глубоко вонзился въ лѣвый глазъ звѣря, который съ ужасающимъ ревомъ опрокинулся на спину.

— Habet! — habet — раздались неистовыя восклицанiя радости: — прямо въ глазъ! — въ мозгъ!

— Non etiam habet — проговорилъ Фероръ.

Черный гладiаторъ самъ это зналъ хорошо, и, прыгнувъ къ опрокинутому льву, всадилъ въ него другой мечъ подъ лѣвую лопатку, въ сердце. Звѣрь захрипѣлъ и конвульсивно вытянулся.

— Habet! — нервно проговорилъ Фероръ.

— Habet! — habet! — повторили голоса по всему амфитеатру.

Вдругъ за царской ложей раздались тревожные голоса и послышался лязгъ оружiя. Иродъ, нащупавъ свой мечъ, быстро поднялся и вышелъ въ аванложу.

— Что здѣсь? — спросилъ онъ, видя какую-то возню.

— Вяжемъ твоихъ злодѣевъ, великiй царь! — отвѣчалъ начальникъ царскихъ галатовъ.

— Аа! — протянулъ Иродъ. — Отвести ихъ ко мнѣ, — я самъ допрошу злодѣевъ.

Не дождавшись конца состязаній, Иродъ оставилъ амфитеатръ и отправился во дворецъ. Тамъ уже ждали его арестованные заговорщики. Ихъ было десять человѣкъ. Они стояли въ линію, со связанными назади руками и перевязанные за шею однимъ длиннымъ канатомъ изъ верблюжьей шерсти. Впереди всѣхъ выдѣлялся своимъ внушительнымъ видомъ высокій старикъ съ бѣлою до пояса бородой. Лицо его показалось Ироду знакомымъ.

— Ты кто?—спросилъ его Иродъ, не рѣшаясь взглянуть въ глаза старику.

— А!—ты не узналъ меня?—отвѣчалъ послѣдній.— Я пришелъ къ тебѣ отъ имени Малиха, зарѣзаннаго тобою въ Тирѣ, отъ имени царя Антигона, обезглавленнаго тебя ради, отъ имени первосвященника Гиркана, тобою убитаго, отъ имени первосвященника Аристовула, утопленнаго тобою въ Іерихонѣ, отъ имени царицы Маріаммы...

— Замолчи, несчастный!—крикнулъ Иродъ, обнажая мечъ.—Говори—кто ты?

— Я Манассія бенъ-Іегуда,—отвѣчалъ старикъ;— а это—мои дѣти... За поруганіе обычаевъ Іудеи, за пролитую тобою кровь послѣднихъ потомковъ Маккавеевъ, за оскверненіе храма водруженіемъ на его воротахъ римскаго золотого орла, за разореніе іудеевъ поборами, за кровавыя языческія игры въ амфитеатрѣ— за все, за все мы поклялись убить тебя, пролить твою нечистую кровь... Говорите, дѣти!—обернулся онъ къ другимъ заговорщикамъ.

— Клялись и клянемся!—отвѣчали всѣ девять въ одинъ голосъ.

— Взять ихъ и бросить въ темницу!—въ запальчивости крикнулъ Иродъ, обращаясь къ стражѣ.—Я самъ буду судить ихъ всенародно.

Судъ, дѣйствительно, былъ назначенъ вскорѣ, такъ какъ приближался праздникъ пасхи.

Въ назначенный для суда день весь Іерусалимъ собрался къ дворцу Ирода. На лицахъ у всѣхъ было тревожное и угрюмое выраженіе. Въ толпѣ слышались иногда угрозы, возгласы негодованія, несмотря на присутствіе вооруженнаго отряда галатовъ.

Вскорѣ въ сопровожденіи сильнаго конвоя показались и заговорщики. За ними съ воплями слѣдовали мать девяти связанныхъ сыновей своихъ, семидесятилѣтняя жена Манассіи бенъ-Іегуды, поддерживаемая внуками, ихъ жены и дѣти, а также масса родственниковъ.

Заговорщиковъ поставили внизу дворцовой террасы между рядами плотно сомкнутаго конвоя.

Скоро на террасѣ показался Иродъ въ сопровожденіи своихъ трехъ сыновей и Ферора. Народъ встрѣтилъ его сумрачнымъ молчаніемъ — ни одного привѣтствія! Только галаты и отрядъ тяжело вооруженныхъ гоплитовъ привѣтствовали царя ударами въ щиты.

— Іудеи!—обратился Иродъ къ народу:—эти люди виновны предъ Богомъ и закономъ въ открытомъ покушеніи на жизнь царя. Они взяты въ амфитеатрѣ съ оружіемъ въ рукахъ и мнѣ лично повинились въ

своемъ преступномъ замыслѣ. — Само небо взываетъ о мщеніи! — Признаете-ли вы себя виновными, ты, Манассія бенъ-Іегуда, и твои девять сыновей? — закончилъ онъ обращеніемъ къ подсудимымъ.

— Признаемъ! — въ одинъ голосъ отвѣчали всѣ десять энтузіастовъ: — но только виновны мы въ томъ, что не умѣли убить тебя.

Ирода передернуло. Послышались сильнѣйшіе вопли. Но Иродъ скоро овладѣлъ собой.

— Іудеи! — слышали преступное признаніе злодѣевъ? — снова обратился онъ къ народу. — Я, божіею и сената и народа римскаго милостію Иродъ, царь іудейскій, осуждаю ихъ на крестную смерть! Но, іудеи, у васъ есть обычай отпускать на пасху одного изъ осужденныхъ на казнь. Кого вы хотите, чтобы я отпустилъ?

— Всѣхъ! всѣхъ! — въ одинъ голосъ закричалъ народъ.

— Такого обычая нѣтъ, — поблѣднѣвъ отъ гнѣва, возразилъ Иродъ. — Одного я отпущу... Кого?

— Всѣхъ! всѣхъ! — или пусть всѣ погибнутъ за Іудею!

— Да будетъ такъ! — сказалъ Иродъ: — всѣхъ на крестъ! — на Голгоѳу! — И онъ быстро удалился.

— Кровь ихъ на тебѣ и на дѣтяхъ твоихъ и на дѣтяхъ дѣтей твоихъ — вовѣки! — прогремѣлъ въ толпѣ чей-то одинокій голосъ.

Галаты бросились было ловить дерзкаго, но онъ исчезъ въ толпѣ.

Въ тотъ-же день страшная процессія двигалась мимо дворца Ирода къ Суднымъ воротамъ, а оттуда на Гол-

гоѳу. Всѣ десять осужденныхъ несли на себѣ огромные, тяжелые кресты. Впереди шелъ отецъ девяти народныхъ героевъ. Старикъ шелъ бодро, какъ-бы совсѣмъ не чувствуя тяжести креста. Шли осужденные одинъ за другимъ, а впереди ихъ и по бокамъ — вооруженные галаты, сдерживая напоръ толпы, среди которой слышались душу потрясающіе вопли и рыданія.

Изъ всѣхъ шествовавшихъ въ этой страшной процессіи на Голгоѳу никто не предвидѣлъ, что черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ по этому-же пути на Голгоѳу будетъ слѣдовать подобная-же страшная процессія — процессія, послѣдствія которой будутъ неисчислимы для всего человѣчества на многія тысячелѣтія — до самой кончины міра...

Но вотъ осужденные уже на Голгоѳѣ. На лобномъ мѣстѣ воины только что покончили свою работу — вырыли десять глубокихъ ямъ для крестовъ и стоятъ, опершись на лопаты.

Осужденные кладутъ свои кресты на землю. Къ нимъ подходятъ воины изъ иноземныхъ наемниковъ и срываютъ съ нихъ одежды, оставляя только прикрытіе для бедръ.

Вопли усиливаются...

Осужденные, безъ словъ, безъ стона, сами ложатся на кресты, каждый на свой крестъ, и распинаютъ руки...

Подходятъ воины съ молотками и гвоздями, и приколачиваютъ распятыя руки гвоздями къ дереву... Стукъ-стукъ-стукъ... ужасные звуки!.. Но опять — ни

стона, ни возгласа... только кругомъ вопли потрясаютъ воздухъ...

Руки и ноги прибиты гвоздями. Кресты съ распятыми поднимаются и нижними концами вставляются въ ямы, потомъ обсыпаются землею.

Распятые смотрятъ съ высоты крестовъ на несмѣтную толпу. Теперь имъ видно все — и плачущія жены, и дѣти, и дворецъ Ирода, и амфитеатръ, и храмъ, и покрытая оливковыми деревьями Елеонская гора... И ихъ всѣ видятъ...

Вопли, ужасающіе вопли!

XXV.

Съ отъѣздомъ Архелая, котораго Иродъ и вся семья его съ блестящей свитой провожали до Антіохіи, миръ и спокойствіе въ многочисленномъ семействѣ старѣющаго царя продолжались не долго. Да и какъ было не возникать интригамъ тамъ, гдѣ на жизнь человѣческую смотрѣли съ точки зрѣнія разбойниковъ, поджидающихъ свои жертвы, чтобы зарѣзать и — главное — ограбить ихъ. Тайный грабежъ, жизнь на счетъ смерти другого — вотъ идеалъ всего Иродова рода: — такова была его жизненная задача — такою она перешла и въ его постыдное потомство, зараженное его злокачественною кровью.

Кромѣ Дориды и Маріаммы, у него было еще нѣсколько женъ, какъ, напримѣръ, самарянка Малтака, отъ которой онъ имѣлъ сына Ирода-Антипу, будущаго убійцу Іоанна Предтечи, — и другихъ женъ, родившихъ ему Архелая и Филиппа, которые всѣ, какъ и ихъ матери, при жизни дѣтей Маріаммы, Александра и Аристовула, оставались пока на заднемъ планѣ. Между тѣмъ, первый изъ сыновей Маріаммы, Александръ, имѣлъ уже отъ каппадокійки Глафиры сыно-

вей Тиграна и Александра, а Аристовулъ отъ Вероники — сыновей Ирода, Агриппу и Аристовула и дочерей — Иродіаду, будущую преступную евангельскую «плясавицу», погубившую Іоанна Предтечу, и Маріамму.

Интригамъ — безграничный просторъ.

Въ это-то гнѣздо интригъ, въ эту кузницу ковъ явился вскорѣ такой ловкій кузнецъ, которому-бы и Архелай позавидовалъ. Это былъ нѣкто Эвриклъ, родомъ спартанецъ, новый хитроумный Одиссей, не обладавшій только честностью царя Итаки, но мечтавшій быть царемъ если не Лакедемона, то хоть Ахаіи. Въ Іерусалимъ онъ привлеченъ былъ слухами о безумной щедрости и безумномъ тщеславіи Ирода.

На этомъ тщеславіи Ирода онъ и построилъ свой будущій тронъ. Эвриклъ льстилъ ему, какъ только можетъ льстить такой ловкій интриганъ болѣзненному честолюбію. Онъ ковалъ для Ирода такую сѣть льстивости, какую когда-то Вулканъ сковалъ Марсу и Венерѣ. И Иродъ скоро запутался въ этой сѣти. Запутались въ ней и Антипатръ, и Александръ, и Аристовулъ, и даже лукавая Саломея.

Когда, наконецъ, всѣ очутились въ его сѣти, а самъ онъ былъ засыпанъ золотомъ со стороны Ирода и Антипатра, Иродъ услыхалъ отъ него такое признаніе:

— Въ благодарность за твои милости ко мнѣ, царь, я дарю тебѣ жизнь, — таинственно сказалъ онъ.

— Какъ! — въ страхѣ отступилъ Иродъ.

— Да, жизнь! — продолжалъ наглецъ: — какъ воздаяніе за твое гостепріимство, я приношу тебѣ свѣтъ... Уже давно выточенъ мечъ и рука Александра прос-

терта надъ тобой. Ближайшее осуществленіе заговора я предотвратилъ тѣмъ, что притворился сообщникомъ его. Александръ сказалъ мнѣ: «Иродъ не довольствуется тѣмъ, что сидитъ на не принадлежащемъ ему тронѣ, что послѣ убійства нашей матери раздробилъ ея царство, — онъ еще возвелъ въ престолонаслѣдники бастарда — этого проклятаго Антипатра, которому предназначилъ наше родовое царство».

Иродъ тяжело дышалъ, какъ-бы во дворцѣ на хватало воздуха; но демонъ продолжалъ:

— Да, онъ говорилъ мнѣ: — «Я рѣшилъ принести искупительную жертву памяти Гиркана и Маріаммы, такъ какъ изъ рукъ такого отца я не могу и не долженъ принимать скипетръ безъ кровопролитія. Каждый день меня всяческимъ образомъ раздражаютъ; ни единаго слова, срывающагося у меня съ языка, не оставляютъ безъ извращенія. Заходитъ-ли рѣчь о чьемъ-либо благородномъ происхожденіи, то безъ всякаго повода приплетаютъ мое имя. Иродъ говоритъ тогда: — «Есть одинъ только благорожденный — это Александръ, который и отца своего презираетъ за его простое происхожденіе...» На охотѣ — говоритъ — я вызываю негодованіе, если молчу, а если хвалю, то въ этомъ усматриваютъ насмѣшку. Отецъ всегда сурово со мной обращается, только съ Антипатромъ онъ умѣетъ быть ласковымъ. Поэтому, — говоритъ — я охотно умру, если мой заговоръ не удастся».

Демонъ пріостановился.

— Дальше!.. дальше! — задыхаясь, проговорилъ Иродъ.

— Если-же мнѣ — говоритъ — удастся убить отца, то я надѣюсь найти убѣжище прежде у своего тестя, Архелая, къ которому легко могу бѣжать, а затѣмъ у императора, который до сихъ поръ совсѣмъ не знаетъ настоящаго Ирода. Я — говоритъ — тогда не такъ какъ прежде буду стоять передъ Августомъ, трепеща передъ присутствовавшимъ отцомъ, и не буду только докладывать объ обвиненіяхъ, которыя онъ лично возводилъ тогда на меня! Нѣтъ — говоритъ — я прежде всего изображу императору бѣдственное положеніе всей націи; я разскажу ему — говоритъ — какъ у этого народа высасывали кровь поборами, на какія роскоши и злодѣйства были растрачены эти кровавыя деньги, что за люди тѣ, которые обогащались нашимъ добромъ и которымъ дарили цѣлые города. Затѣмъ — говоритъ — я еще буду взывать о мести за моего дѣда и мать и сорву завѣсу, скрывающую всѣ ужасы и гнусныя дѣла нынѣшняго царствованія, — тогда — говоритъ — надѣюсь, меня не будутъ судить какъ отцеубійцу.

— Га! — въ ярости задыхался Иродъ.

Слова демона, измышленныя вмѣстѣ съ Антипатромъ и Саломеей, тѣмъ болѣе душили тирана Іудеи, что въ каждомъ изъ нихъ чуствовалась подавляющая правда... Иродъ ее чуствовалъ!

— Смерть родному змѣенышу! — смерть обоимъ!

Съ разрѣшенія Августа надъ ними назначается судъ въ Беритѣ — нынѣ Бейрутъ. Юношей везутъ закованными въ сосѣднее съ Беритомъ мѣстечко — Платану.

На судьбищѣ — сто пятьдесятъ судей, делегатовъ, всѣ владѣтели Сиріи, римскія власти и — ни одного защитника!—даже Архелая не пригласили, а обвиняемыхъ — не допрашивали!

Обвинялъ самъ Иродъ, который, даже по свидѣтельству своего панигириста, Іосифа Флавія, «велъ себя на судѣ какъ безумный»... Юношей осудили на смерть.

— Правосудіе попрано! правда исчезла! — природа извращена! — вся жизнь полна преступленій! — раздались страстные крики у самыхъ дверей суда, когда среди собравшагося народа пронеслось слово — «осудили».

Это взывалъ къ народу старый воинъ Ирода, Теронъ, котораго тутъ-же убили камнями клевреты Антипатра.

Александра и Аристовула... удавили...

И что-же! — Возвратившись въ Іерусалимъ изъ Берита, Иродъ, спустя нѣкоторое время, созываетъ все свое многочисленное семейство — всѣхъ женъ, которыхъ у него было девять — Дориду, Маріамну, дочь Симона первосвященника самарянку Малтаку, Клеопатру, урожденку Іерусалима, Паллиду, Федру, Эльпиду, Маріамну — свою родную дочь, сестру только что удавленныхъ Александра и Аристовула, — ихъ дѣтей: Ирода — отъ Маріамны, Антипу и Архелая — отъ Малтаки, и ея дочь Олимпіаду, — еще Ирода и Филиппа — отъ Клеопатры, Фазаеля — отъ Паллиды, Роксану — отъ Федры, Соломію — отъ Эльпиды, наконецъ Салампсо и Кипру — отъ своей дочери Маріамны,

которая была и женой его, а ея дочери — слѣдовательно — его дочери и внучки въ одно и то-же время.

Созвавъ это странное семейство съ такимъ путаннымъ родствомъ, онъ приказалъ Ферору, Антипатру и Саломеѣ пригласить въ это почтенное собраніе несчастныхъ вдовъ только-что удавленныхъ сыновей своихъ съ ихъ дѣтьми — Глафиру съ Тиграномъ и Александромъ, и Веронику — съ Иродомъ, Агриппою и Аристовуломъ и двумя дѣвочками — Иродіадой, будущей «плясавицей», и Маріамной.

Убитыя горемъ, робко вступили двѣ молоденькія вдовы съ своими малютками-сиротами въ это торжественное собраніе. Увидѣвъ крошекъ, Иродъ заплакалъ — этотъ звѣрь заплакалъ искренними слезами. При видѣ осиротѣлыхъ дѣтей онъ вспомнилъ то утро, когда, задумавъ утопить юнаго первосвященника, Аристовула, въ бассейнѣ своего іерихонскаго дворца, онъ поднялъ на галлереѣ своего Іерусалимскаго дворца маленькаго голубенка, выпавшаго изъ гнѣзда, — голубенка, при видѣ безпомощности котораго у него сердце заныло невыразимой жалостью. Теперь онъ увидѣлъ такихъ-же безпомощныхъ птенцовъ, которыхъ самъ-же онъ сдѣлалъ сиротами, — и заплакалъ, закрывъ лицо руками.

Антипатръ и Саломея переглянулись, и у послѣдней въ глазахъ прозмѣилась злобная улыбка.

— Страшный рокъ похитилъ у меня отцовъ этихъ дѣтей, — съ дрожью въ голосѣ и съ глазами, еще полными невыплаканныхъ слезъ, проговорилъ Иродъ, отнявъ руки отъ заплаканнаго лица и съ глубокой

нѣжностью глядя на малютокъ... — Теперь они, эти сиротки, предоставлены моимъ попеченіямъ... Къ этому призываютъ меня голосъ природы и чувство жалости, возбуждаемое ихъ осиротѣніемъ. Если я оказался столь несчастнымъ отцомъ, то хочу попытаться быть, по крайней мѣрѣ, болѣе любящимъ дѣдомъ, и лучшихъ моихъ друзей оставить ихъ покровителями... Дочь твою, Ферорь (онъ обратился къ брату), я обручаю съ старшимъ сыномъ Александра, Тиграномъ (мальчикъ при этомъ тѣснѣе прижался къ матери, которая тихо плакала) — обручаю для того, чтобы тебя, какъ опекуна, скрѣпляла съ нимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ближайшая родственная связь. Съ твоимъ сыномъ, Антипатръ (Иродъ обратился къ нему), я обручаю дочь Аристовула, Иродіаду, и будь ты отцомъ этой сиротки! (А будущая «плясавица» въ это время, сидя на рукахъ матери, юной Вероники, беззаботно играла ея волосами). Ея сестру, малютку Маріамну, пусть возьметъ себѣ въ жены мой маленькій Иродъ, имѣющій по материнской линіи дѣдомъ первосвященника Гиркана.

Иродъ пріостановился и обвелъ взоромъ все собраніе.

— Кто теперь любитъ меня — снова началъ онъ — тотъ пусть присоединится къ моему рѣшенію и пусть никто изъ преданныхъ мнѣ не нарушитъ его. Я молю также Бога, чтобы онъ благословилъ эти союзы на благо моего царства и моихъ внуковъ и да взираетъ онъ на этихъ дѣтей болѣе милосерднымъ окомъ, чѣмъ на ихъ отцовъ.

Здѣсь онъ снова заплакалъ, а потомъ, подозвавъ дѣтей, соединилъ ихъ ручонки и нѣжно обнялъ каждаго изъ нихъ, давая знать, что распускаетъ собраніе.

Антипатръ вышелъ съ тяжелымъ чувствомъ: изъ малютокъ выростутъ его мстители.

Скоро, впрочемъ, онъ успокоился на сознаніи, что лучшіе его союзники — это время и коварство. И онъ не ошибся: — время, а равно его собственное коварство и коварство Саломеи сдѣлали то, что Иродъ формальнымъ актомъ назначилъ своимъ преемникомъ Антипатра, а преемникомъ послѣдняго — Ирода, сына своего отъ Маріамны, которую Иродъ, вслѣдствіе-ли ея изумительной красоты, или вслѣдствіе созвучія ея имени съ именемъ когда-то обожаемой имъ Маріаммы, любилъ болѣе всѣхъ своихъ женъ. Съ этимъ актомъ Антипатръ отправился въ Римъ, чтобы представить его на утвержденіе императора; а вмѣстѣ съ тѣмъ погубить и еще двухъ своихъ младшихъ братьевъ — Архелая, сына Малтаки, и Филиппа, сына Клеопатры, чтобы никто больше не стоялъ у него на дорогѣ къ царскому вѣнцу. Маленькаго-же Ирода онъ надѣялся погубить впослѣдствіи. Надо замѣтить, что Архелай и Филиппъ были уже взрослыми юношами и кончали свое образованіе въ Римѣ.

Но въ отсутствіе Антипатра въ Іудеѣ случилось то, что имѣло ужасающія послѣдствія для всѣхъ. И все это произошло, по обыкновенію, изъ-за женщинъ и изъ-за перешептыванья рабынь.

Сплетни рабынь имѣли послѣдствіемъ то, что Иродъ вновь приказалъ Ферору развестись съ своей возлюб-

ленной рабыней Ирой. Ферор отвѣчалъ, что онъ скорѣе лишится жизни, чѣмъ Иры. Тогда Иродъ прогналъ его изъ дворца и велѣлъ отправляться въ свою тетрархію — въ Заіорданье. Но скоро Фероръ заболѣлъ тамъ и умеръ. И хотя Иродъ велѣлъ перевезти тѣло брата въ Іерусалимъ, предписалъ народу самый глубокій трауръ и устроилъ ему блестящее погребеніе, однако, въ народѣ ходили женскіе толки, что Ферора отравилъ самъ Иродъ.

Толки эти дошли до Ирода. Рабынь и другихъ придворныхъ служанокъ Иродъ приказалъ пытать. Полилась кровь, раздались стоны пытаемыхъ.

— Господь Богъ, царь небесъ и земли! —взмолилась одна изъ нихъ подъ пытками стараго Рамзеса: — да караетъ онъ виновницу нашихъ страданій — Дориду, мать Антипатра!

— Га! — воскликнулъ Иродъ, когда Размесъ, доложилъ ему объ этомъ. — Такъ пытай вновь всѣхъ, и показанія ихъ вели записывать; а до Дориды я самъ доберусь.

Черезъ нѣсколько часовъ Рамзесъ явился съ записью.

— Ну, что? — спросилъ Иродъ.

— Вотъ! — лаконически отвѣчалъ старый негръ, подавая запись, которую Иродъ сталъ жадно пробѣгать глазами.

— А! — шепталъ онъ, задыхаясь: они всѣ на меня... «Разъ Иродъ справился уже съ Александромъ и Аристовуломъ, то онъ еще и до насъ доберется и до нашихъ женъ», — вонъ они что говорятъ! — Послѣ того,

какъ онъ задушилъ Маріамму и ея дѣтей, то никто не можетъ ждать отъ него пощады: — поэтому, лучше всего по возможности не встрѣчаться съ этимъ кровожаднымъ звѣремъ»... Да, *теперь* лучше не встрѣчаться... а встрѣтитесь, встрѣтитесь... А! — это мой первенецъ жалуется своей матушкѣ, добродѣтельной Доридѣ: — «Я уже посѣдѣлъ, а отецъ съ каждымъ днемъ все становится моложе, и я, вѣроятно, умру прежде чѣмъ вступлю на престолъ»... Да, да! — умрешь, умрешь! — это вѣрно... Дальше: но пускай даже отецъ опередитъ меня смертью — да и когда это будетъ? — то, во всякомъ случаѣ, царствованіе принесетъ мнѣ кратковременную радость... Голова гидры — дѣти Александра и Аристовула — растутъ, а виды для моихъ собственныхъ дѣтей отецъ у меня похитилъ; потому что въ завѣщаніи преемникомъ моимъ онъ не назначилъ ни одного изъ моихъ сыновей, а Ирода, сына Маріамны»... О, злодѣй! змѣя! — онъ еще издѣвается надо мной, — говоритъ: — «Впрочемъ, въ этомъ отношеніи отецъ не болѣе какъ старый простофиля, если воображаетъ, что его завѣщаніе, послѣ его смерти, останется въ силѣ: — я ужъ позабочусь о томъ, чтобы никто изъ его потомковъ не остался въ живыхъ»...

Кровь бросилась Ироду въ голову, въ глазахъ потемнѣло... Да, вѣдь, это его собственная система... Сынъ ее усвоилъ себѣ... Онъ самъ, Иродъ, старался искоренить потомство Маккавеевъ — Антигона, Аристовула, наконецъ, — своихъ собственныхъ сыновей отъ Маріаммы... Сынъ идетъ по стопамъ отца...

Оправившись немного, Иродъ опять сталъ пробѣгать пыточную запись.

— А! — вотъ что: — «Никогда еще ни одинъ отецъ такъ не ненавидѣлъ своихъ дѣтей, какъ Иродъ, но его братская ненависть простирается еще дальше: — недавно только онъ далъ мнѣ сто талантовъ за то лишь, чтобъ я ни слова не вымолвилъ съ Ферором̆ъ. А когда Ферорѣ спросилъ меня: — «Что я ему сдѣлалъ худого?» — «То, что мы должны считать себя счастливыми, что онъ, отнявъ у насъ все, даруетъ намъ хоть жизнь. Но невозможно спастись отъ такого кровожаднаго чудовища, которое даже не терпитъ, чтобъ открыто любили другихъ. Теперь, конечно, мы вынуждены скрывать наши свиданія; но вскорѣ мы это будемъ дѣлать открыто, если только будемъ мужественны и смѣло подымемъ руку».

XXVI.

Теперь Иродъ, какъ гончая собака, пошелъ по слѣду самаго крупнаго звѣря — Антипатра, который былъ въ Римѣ. Тѣмъ лучше – оттуда ему трудно будетъ замести свой слѣдъ.

По поводу смерти Ферора между придворными женщинами стали ходить толки о какомъ-то «любовномъ зельѣ», которое будто-бы какая-то арабка, подговоренная предметомъ страсти Саломеи, Силлаемъ, привезла изъ Аравіи и будто-бы этимъ ядомъ Ира отравила своего мужа. Но Иродъ зналъ, какъ Ира любила Ферора, и вдобавокъ — онъ самъ не отходилъ отъ постели больного брата, который и умеръ у него на рукахъ.

Объ этомъ болтали и жены Ирода, скучая въ своемъ дворцовомъ уединеніи.

— Пахнетъ ядомъ, — подумалъ Иродъ, — и велѣлъ повести розыски въ этомъ направленіи.

Начали съ приближенныхъ Антипатра. Подвергнутый пыткамъ управляющій его отдѣльнымъ домомъ показалъ, что Антипатръ неизвѣстно для чего получилъ ядъ изъ Египта и передалъ его Ферору, а послѣдній передалъ его на храненіе женѣ.

Иродъ тотчасъ-же приказалъ позвать Иру.

— Гдѣ ядъ, который передалъ тебѣ Ферорѣ? — внезапно спросилъ онъ смущенную женщину.

Ира сначала, казалось, не поняла вопроса, но потомъ страшно поблѣднѣла.

— Я сейчасъ принесу его, — сказала она, наконецъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, и поспѣшила выйти.

Но не прошло и минуты, какъ на дворѣ послышались крики рабынь: — «Ира бросилась съ кровли! Ира убилась!»

По счастливой случайности, паденіе ея было не смертельно, и Иродъ, приказавъ внести ее во дворецъ, послалъ за врачемъ. Когда-же Ира получила возможность говорить, Иродъ самъ приступилъ къ допросу.

— Открой мнѣ всю правду, Ира, — сказалъ онъ. — Что побудило тебя броситься съ кровли? Если ты скажешь правду, то клянусь освободить тебя отъ всякаго наказанія; въ противномъ-же случаѣ, если ты что-нибудь скроешь, я прикажу пытками довести твое тѣло до такого состоянія, что отъ него ни чего не останется для погребенія.

Страшныя минуты переживала несчастная женщина. За нѣсколько мгновеній, пока она, трепещущая, стояла передъ Иродомъ, въ возбужденномъ мозгу ея пронеслась вся ея полная приключеній жизнь... Она вспомнила свою далекую родину — Скиѳію... Маленькой дѣвочкой она безпечно играла на берегу Понта съ другими скиѳскими дѣтьми. Она помнитъ, какъ умеръ ихъ царь, какъ погребали его вмѣстѣ съ любимымъ конемъ, женами и слугами... Потомъ надъ могилою

его насыпали высокій-высокій курганъ, а вокругъ кургана поставили пятьдесятъ мертвыхъ, нарочно для этого убитыхъ войновъ на убитыхъ коняхъ... какъ подпирали этихъ коней, чтобы они не падали... Страшно!.. Потомъ ее похитили киммерійскіе пираты и продали въ Египетъ... Сфинксы... пирамиды... Клеопатра не взлюбила юной рабыни за красоту и велѣла продать ее... Иру продали въ Іудею... Въ Аскалонѣ ее купилъ Ферорь... Какъ онъ любилъ ее!.. Но Ферора уже нѣтъ...

Ира очнулась словно отъ глубокаго сна.

— Зачѣмъ мнѣ хранить еще тайну, когда Ферорь уже мертвъ? — сказала она, заплакавъ. — Или должна я щадить Антипатра, который всѣхъ насъ погубилъ?.. Слушай-же, царь, — и Богъ, котораго обмануть нельзя, да будетъ вмѣстѣ съ тобою моимъ свидѣтелемъ, что я говорю истину. Когда ты въ слезахъ сидѣлъ у смертнаго одра Ферора, онъ, послѣ тебя, призвалъ меня къ себѣ и сказалъ: «Да, Ира, я жестоко ошибался въ моемъ братѣ! Тяжело я провинился передъ нимъ! Его, который такъ искренно любитъ меня, я ненавидѣлъ. Того, который такъ глубоко сокрушается моей смертью даже до наступленія ея, я хотѣлъ убить! Я теперь получаю возмездіе за мое безсердечіе... Ты-же — говоритъ — принеси сюда ядъ, оставленный намъ Антипатромъ для его отравленія — онъ у тебя хранится... Уничтожь — говоритъ — его сейчасъ-же на моихъ глазахъ, чтобы я не уносилъ съ собою духа мщенія въ подземное царство!.. Я повиновалась ему — принесла ядъ и большую часть высыпала у него передъ глазами

въ огонь... Но, царь, немного я сохранила для себя на случай нужды и изъ боязни предъ тобою. Вотъ онъ.

И Ира протянула баночку, въ которой оставалась незначительная доза яда.

Начались снова пытки придворныхъ, снова стоны и кровь... И кто-же оказался еще въ числѣ заговорщиковъ?.. Маріамна, красавица Маріамна, любимѣйшая изъ всѣхъ женъ Ирода послѣ Маріаммы!.. Иродъ все болѣе и болѣе приходилъ въ безуміе... Что-же это? — Издѣвается надъ нимъ неумолимый рокъ? Тѣ, кого онъ наиболѣе любитъ, тѣ, именно, жаждутъ его смерти... Это загробная месть Маріаммы...

Не даромъ въ послѣдніе годы мертвецы, успокоившіеся было въ своихъ гробахъ, опять стали посѣщать его по ночамъ. Маріамма являлась въ сопровожденіи дѣтей... «Ты удавилъ ихъ, но тебя будутъ давить жесточайшія мученія», — звучалъ по ночамъ ея голосъ. — «Рамзесъ! — прогони ее!» — нерѣдко кричалъ онъ, срываясь съ ложа. — И Рамзесъ, которому Иродъ съ своими ночными привидѣніями не давалъ спать, каждое утро свирѣпѣлъ все болѣе, и жалѣя своего господина, все болѣе и болѣе налегалъ на пытки и съ каждымъ днемъ дѣлалъ новыя открытія.

— Вотъ еще змѣиный ядъ и соки другихъ гадовъ, — говорилъ онъ, подавая Ироду новыя добытыя имъ улики. — А вотъ письма изъ Рима — поддѣльныя... Это будто-бы писали твои дѣти, царевичи Архелай и Филиппъ, а это неправда: — это все Антипатръ подкупалъ римскихъ писцовъ, которые и писали, поддѣлываясь подъ почеркъ царевичей. Это все передалъ мнѣ

Баѳиллъ, вольноотпущенникъ Антипатра... Я его сегодня пыталъ.

— Да, да... Это какъ-будто рука Архелая, а это Филиппа, — шепталъ Иродъ, просматривая письма: — искусно, искусно поддѣлано... Было за что платить сотнями талантовъ... Корона-то іудейская дороже стоитъ... А это еще что?

— Это тоже по заказу Антипатра, — отвѣчалъ Рамзесъ, подавая еще нѣсколько писемъ.

Иродъ сталъ пробѣгать ихъ... «А! — это ужъ друзья Антипатра пишутъ про Архелая и Филиппа».

— Нѣтъ! — горячо возразилъ Рамзесъ: — Баѳиллъ говоритъ, что когда онъ былъ въ Римѣ, то по приказанію Антипатра нанималъ тамъ искуснаго скрибу, который и писалъ эти письма, сюда, будто-бы къ Антипатру, будто-бы отъ его римскихъ друзей. Баѳиллъ самъ и деньги платилъ скрибѣ.

Иродъ уже спокойнѣе пробѣгалъ теперь писаніе скрибы разными почерками. Онъ уже рѣшилъ, какъ ему дѣйствовать.

— А хорошо пишетъ скриба про моихъ дѣтей, — улыбался онъ: — я-то, по ихъ словамъ, и женоубійца, и сыноубійца... Правда, правда: — еще одного сынка придется убить... О, Антипатръ! поплатишься ты мнѣ, сынокъ, и за змѣиный ядъ, и за эти эпистолы... Ну, Дорида, хорошаго ты мнѣ сынка дала... Бѣдные Александръ и Аристовулъ! теперь я вижу, кто погубилъ васъ: — не я, а старшій братецъ вашъ... За что-же, Маріамма, ты ко мнѣ приводишь ихъ по ночамъ? Къ Антипатру, къ моему Антипатру води ихъ: — онъ

удавилъ твоихъ и моихъ сыновей... Какъ я еще живъ? Вѣрно, змѣи добрѣе моего сына, хотя ихъ ядомъ хотѣли напоить меня... И кто-же? — мой первенецъ, мой преемникъ... Я, видите-ли, не старѣюсь, а все молодѣю... О, сынокъ! торопился схватить корону... боялся, что не успѣешь наиграться этой игрушкой... А я ужъ наигрался этимъ золотымъ обручемъ... Почти тридцать семь лѣтъ онъ теръ мнѣ мозгъ... мозоли на мозгу натеръ мнѣ этотъ обручъ, будь онъ проклятъ!

Какъ-бы опомнившись послѣ этихъ словъ, онъ отпустилъ Рамзеса, ничего ни приказавъ ему. Вслѣдъ затѣмъ Ироду доложили, что пріѣхалъ намѣстникъ Сиріи, Варъ, тотъ самый Варъ, который, черезъ тринадцать лѣтъ послѣ этого, разбитый Арминіемъ въ Тевтобургскомъ лѣсу, потерялъ всѣ свои легіоны и самъ палъ въ битвѣ и къ которому напрасно взывалъ убитый горемъ Августъ: «Vare, Vare, — redde mihi legiones!»

Иродъ жаловался Вару на свои семейныя несчастія и просилъ быть, совмѣстно съ нимъ, судьей его преступнаго сына.

Антипатръ, между тѣмъ, возвращался изъ Рима, не подозрѣвая, что его ждетъ дома. Не успѣлъ Иродъ излить передъ Варомъ все свое горе, какъ въ покои вошелъ... Антипатръ. — Съ нахальствомъ опытнаго злодѣя онъ бросился къ отцу съ распростертыми объятіями. Но Иродъ протягиваетъ впередъ руку, какъ-бы защищаясь отъ удара.

— Прочь! прочь! — кричитъ онъ. — Это-ли не отцеубійца!.. Меня обнять, когда на совѣсти такая

страшная вина! Провались ты сквозь землю, злодѣй!.. Не прикасайся ко мнѣ... Я даю тебѣ судъ и судью въ лицѣ Вара, прибывшаго какъ-разъ кстати. Прочь отсюда и обдумай свою защиту до завтра...

Настало и это «завтра». — Обширная тронная зала была переполнена присутствовавшими — родственники царя, приближенные, вся придворная знать, синедріонъ и масса свидѣтелей.

Вошелъ Антипатръ... Всѣ вопросительно, со страхомъ, перевели глаза отъ вошедшаго къ Ироду, который задрожалъ, увидѣвъ сына... Антипатръ, шатаясь, протягивая впередъ руки, прямо лицомъ бросился на полъ у ногъ отца.

— Отецъ! — сдавленнымъ голосомъ проговорилъ онъ: — умоляю тебя — не осуждай меня заранѣе, а выслушай безпристрастно мою защиту...

— Замолчи, недостойный! — грозно произнесъ Иродъ, — а потомъ, обращаясь къ Вару, страстно заговорилъ: — Я увѣренъ, что ты, Варъ, какъ и всякій другой добросовѣстный судья, признаешь Антипатра отвратительнымъ злодѣемъ. Я только боюсь, что ты будешь считать мою ужасную судьбу заслуженной, если я воспиталъ такихъ сыновей. Но, именно, вслѣдствіе этого я скорѣе заслуживаю сожалѣнія, ибо столь преступнымъ сыновьямъ я былъ, однако, такимъ любящимъ отцомъ. Моихъ прежнихъ сыновей я еще въ юношескомъ возрастѣ назначилъ царями, далъ имъ образованіе въ Римѣ, императора я сдѣлалъ ихъ другомъ и ихъ самихъ, вслѣдствіе этого, предметомъ зависти для другихъ царей. Но я находилъ, что они

посягаютъ на мою жизнь, и они должны были, главнымъ образомъ, Антипатру въ угоду, умереть, потому что и его — еще юношу и престолонаслѣдника — я хотѣлъ обезопасить отъ всѣхъ. Но это ужасное чудовище, злоупотребляя моимъ долготерпѣніемъ, этотъ злодѣй обратилъ свое высокомѣріе противъ меня самого. Я слишкомъ долго жилъ для него, моя старость была ему въ тягость, — и онъ уже иначе не могъ сдѣлаться царемъ, какъ только чрезъ отцеубійство. Мнѣ суждено теперь принять заслуженную кару за то, что я пренебрегъ сыновьями, рожденными мнѣ царицей, пріютилъ отверженца и его назначилъ наслѣдникомъ престола. Признаюсь тебѣ, Варъ, въ моемъ заблужденіи: — я самъ возстановлялъ противъ себя, тѣхъ сыновей; ради Антипатра я разбилъ ихъ законныя надежды. Когда я тѣмъ оказывалъ столько благодѣяній, сколько этому? Еще при жизни я уступилъ ему всю почти власть, всенародно въ завѣщаніи назначилъ его моимъ преемникомъ, предоставилъ ему пятьдесятъ талантовъ собственнаго дохода и щедро поддерживалъ его изъ моей казны. Еще недавно я далъ ему на поѣздку въ Римъ триста талантовъ и отличилъ его предъ всей моей семьей тѣмъ, что представилъ его императору, какъ спасителя отца. Что тѣ мои сыновья учинили такого, что можно было-бы сравнить съ преступленіями Антипатра? И какія улики выставлены были противъ нихъ, въ сравненіи съ тѣми, которыми доказывается виновность этого? Однако, отцеубійца имѣетъ дерзость что-то сказать въ свою защиту; онъ надѣется еще разъ окутать правду ложью. Варъ, будь

остороженъ! Я знаю это чудовище; я знаю напередъ, какую личину онъ напялитъ на себя для внушенія довѣрія, какую коварную визготню онъ подыметъ здѣсь предъ нами. Знай, что это тотъ, который все время, когда жилъ Александръ, предупреждалъ меня остерегаться его и не довѣрять своей особы кому-бы то ни было. Это тотъ, который имѣлъ доступъ даже въ мою опочивальню, который оглядывался всегда, чтобы кто-либо не подкараулилъ меня. Это тотъ, который охранялъ мой сонъ, который заботился о моей безопасности, который утѣшалъ меня въ моей скорби по убитымъ, который долженъ былъ наблюдать за настроеніемъ умовъ своихъ живыхъ братьевъ — мой защитникъ, мой хранитель! Когда я вспоминаю это воплощенное коварство и лицемѣріе, — о, Варъ, — тогда я не могу постичь, какъ это я еще живу на свѣтѣ, какъ это я спасся изъ рукъ такого предателя! Но разъ злой демонъ опустошаетъ мой домъ и тѣхъ, которые дороже моему сердцу, превращаетъ всегда въ моихъ враговъ, то я могу только оплакивать несправедливость моей судьбы и стонать надъ своимъ одиночествомъ. Но пусть никто изъ жаждущихъ моей крови не избѣгнетъ кары, если-бы даже обвиненіе охватило кругомъ все мое потомство!

Волненіе захватило ему духъ и онъ больше не могъ говорить.

Но едва докладчикъ, при гробовомъ молчаніи собранія, началъ было излагать обвинительные факты, какъ Антипатръ, все время лежавшій распростертымъ у ногъ отца, поднялъ голову.

— О, отецъ, — воскликнулъ онъ страстно: — ты самъ защищаешь меня!.. Какъ я могу быть отцеубійцей, когда ты, какъ самъ сознаешься, во все время находилъ во мнѣ своего сторожа? Моя сыновняя любовь, сказалъ ты, была одна только ложь и лицемѣріе... Но какъ это я, по твоему такой хитрый и опытный во всемъ, могъ быть настолько безразсуденъ, чтобъ не подумать, что тотъ, который беретъ на свою совѣсть такія преступленія, не можетъ укрыться даже отъ людей, а тѣмъ болѣе отъ всевидящаго и вездѣсущаго судьи на небесахъ! Или мнѣ было безъизвѣстно, какой конецъ постигъ моихъ братьевъ, которыхъ Богъ такъ наказалъ за ихъ злые замыслы противъ тебя? И что могло меня возстановить противъ тебя?

Притязаніе на царское достоинство? Но я-же былъ царемъ. Боязнь предъ твоей ненавистью? Но не былъли я любимъ тобою? Или я изъ-за тебя долженъ былъ опасаться другихъ? Но, вѣдь, я, охраняя тебя, былъ страшенъ всѣмъ другимъ. Быть можетъ — нужда въ деньгахъ? — но кто имѣлъ возможность жить роскошнѣе меня? И будь я отщепенецъ рода человѣческаго, обладай я душой необузданнаго звѣря — не должны-ли были побѣдить меня благодѣянія твои, отецъ ты мой! Ты, который, какъ самъ говоришь, принялъ меня во дворецъ, избралъ изъ всѣхъ своихъ сыновей, еще при жизни твоей возвелъ меня въ царскій санъ и многими другими чрезмѣрными благодѣяніями сдѣлалъ меня предметомъ зависти? О, какимъ несчастнымъ сдѣлала меня эта проклятая поѣздка! Сколько простора я далъ зависти! Сколько времени — клеветникамъ!

Но для тебя-же, отецъ, и въ твоихъ интересахъ я предпринялъ это путешествіе, — для того, чтобы Силлай не насмѣялся надъ твоей старостью (при словѣ «Силлай» Саломея злобно покосилась на Ирода, но онъ этого не замѣтилъ). Римъ свидѣтель моей сыновней любви и властитель міра — императоръ, который часто называлъ меня «филопаторомъ» — отцелюбцемъ. Возьми, отецъ, это письмо отъ него (Антипатръ положилъ письмо Августа на колѣни Ирода); — оно заслуживаетъ больше довѣрія, чѣмъ всѣ клеветы, произнесенныя здѣсь противъ меня; это письмо — мой единственный защитникъ; на него я ссылаюсь какъ на свидѣтельство моей нѣжной любви къ тебѣ. Вспомни, отецъ, какъ неохотно я выѣхалъ: — вѣдь, я хорошо зналъ скрытую вражду противъ меня въ государствѣ. Ты, отецъ, самъ того не желая, погубилъ меня тѣмъ, что заставилъ меня дать время зависти злословить. Теперь я опять здѣсь, — я здѣсь, чтобы смотрѣть обвиненію въ лицо! На сушѣ и на морѣ меня, отцеубійцу, не постигло никакое несчастіе. Но это доказательство мнѣ не поможетъ, потому что я проклятъ Богомъ и тобою, отецъ! Если такъ, то я прошу не вѣрить показаніямъ, исторгнутымъ пыткой у другихъ, а для меня пусть принесутъ сюда огонь, въ моихъ внутренностяхъ пусть копаются орудія смерти!.. Пусть ничье сердце не смягчится воемъ негодяя! Разъ я отцеубійца — я долженъ умереть безъ мученій!

Это уже были не слова, а вопли, стоны и рыданія, которыя проникали въ душу каждаго, даже Вара. Одинъ Иродъ остался непреклоненъ.

Тогда докладчикъ изложилъ всѣ обвиненія, уже извѣстныя намъ, а Варъ приказалъ ввести въ собраніе одного осужденнаго на казнь плѣнника.

Это былъ египтянинъ, очень древній, но необыкновенно бодрый старикъ. Нѣкогда онъ былъ жрецомъ Изиды, такъ какъ происходилъ изъ жреческой касты, и уже юношей былъ посвященъ въ тайны этой богини; но увлеченія молодости, отъ которыхъ несвободны и служители божества, довели его до того, что молодой жрецъ былъ изгнанъ изъ храма богини, и сдѣлался врачемъ, особенно искуснымъ въ составленіи ядовъ. Онъ-то и изготовилъ для Антипатра, по заказу его довѣреннаго, смертельный ядъ, который долженъ былъ погубить Ирода. Теперь онъ, схваченный клевретами Ирода въ Александріи и повинившійся во всемъ, предсталъ предъ лицо того, кому онъ готовилъ смертное снадобье.

Странное стеченіе обстоятельствъ! — Въ первой главѣ настоящаго повѣствованія, если не забылъ читатель, наканунѣ вѣнчанія на царство Клеопатры, этотъ составитель ядовъ, тогда еще молодой жрецъ, пророчилъ гибель Египту чрезъ то, что Клеопатра получитъ вѣнецъ фараоновъ изъ рукъ римлянина — Цезаря, и что гибель эту предсказывала птица, именно, филинъ, который, въ годъ рожденія Клеопатры, каждую ночь кричалъ на вершинѣ пирамиды Хеопса.

— Тебѣ принадлежитъ этотъ сосудъ и заключающееся въ немъ? — спросилъ Иродъ бывшаго жреца, передавая ему небольшую скляночку съ ядомъ.

— Прежде принадлежалъ мнѣ, а теперь онъ — при-

надлежность твоего сына, Антипатра,—дерзко отвѣчалъ египтянинъ.

— Выпей же содержимое въ сосудѣ,—сказалъ Варъ.

— Охотно... Это питье моментально перенесетъ меня въ царство Озириса, о которомъ я давно мечтаю.

Едва онъ приложилъ горлышко склянки къ губамъ, какъ тотчасъ-же упалъ, словно пораженный молніей.

Не успѣли присутствовавшіе опомниться отъ этого потрясающаго момента, какъ въ залу вошелъ Рамзесъ и молча подалъ Ироду какія-то бумаги.

— Что это?—спросилъ Иродъ.

— Я не умѣю читать,—отвѣчалъ негръ.

Иродъ развернулъ одинъ листокъ.—«Не понимаю... Тутъ подпись какой-то Акмы»,—въ недоумѣніи проговорилъ онъ.

— Это вольноотпущенница императрицы, божественной Юліи Августы,—сказалъ Варъ.

— А!—она пишетъ мнѣ: «Царю Іудеи Ироду, ave! Изъ сочувствія къ тебѣ препровождаю, по секрету, письма сестры твоей, Саломеи, найденныя мною между бумагами августѣйшей Юліи. Доброжелательная Акма».

Услыхавъ свое имя, Саломея вскочила и смотрѣла, какъ потерянная, не въ состояніи произнести слова.

— А!—тутъ и Антипатру посланіе,—продолжалъ Иродъ, разбирая бумаги.—«Антипатру царевичу, ave! Согласно твоему указанію, я писала твоему отцу и препроводила ему тѣ письма. Я убѣждена, что, прочитавъ ихъ, царь не пощадитъ своей сестры. Когда все удастся, ты, я надѣюсь, не забудешь своихъ обѣщаній. Акма».

Лицо Ирода еще болѣе исказилось гнѣвомъ.

«А—извергъ!—Онъ и надъ сестрой моей занесъ мечъ! Эти гнусныя письма тоже поддѣланы подлымъ скрибой подъ руку Саломеи, которая, будто-бы, поноситъ меня и обвиняетъ... О, Варъ, пожалѣй меня, произведшаго на свѣтъ такое чудовище!

— О! исчадіе ада!—могла только воскликнуть Саломея, пораженная тѣмъ, что и ее, демона, могъ обойти другой демонъ, которому она была союзницей.

— Уберите эти два трупа,—сказалъ Иродъ, указывая на мертваго египтянина и на Антипатра, все еще распростертаго у его ногъ.

XXVII.

Потрясенія послѣднихъ дней были слишкомъ сильны даже для такого человѣка какъ Иродъ. Онъ впалъ въ маразмъ, и его день и ночь преслѣдовали призраки.

Въ полусознаніи, въ полубреду, онъ переживалъ всю свою ужасную жизнь. Свѣтлыя видѣнія прошлаго чередовались въ его мозгу съ видѣніями мрачными. Гордость торжества, славы, величія подавлялась сознаніемъ гибели всего, сознаніемъ ничтожества того, что принесли итоги его разбитой жизни. Ему казалось, что рушится все созданное имъ — города, храмы, дворцы, накопленныя груды золота—и онъ самъ погибаетъ подъ развалинами всего имъ созданнаго, подъ обломками своего величія... Нѣтъ, еще хуже!— все это будетъ жить тысячелѣтія, напоминать собою имя Ирода,—а Иродъ уже не живетъ... Онъ трупъ, онъ разлагается... «Все суета!»—и онъ въ полубезуміи проклинаетъ того, кто первый сказалъ эту правду... «Все суета!»... Да будь проклято все!.. Будь проклято прошлое, которое радовало его, толкало въ жизнь, къ славѣ, къ могуществу... Онъ вмѣстѣ съ отцомъ спасаетъ Цезаря

отъ солдатъ фараоновъ, вѣнчаетъ на царство Клеопатру... Эти сфинксы, пирамиды, рогатый богъ, неистовствующій при видѣ пурпура на тогѣ Цезаря... «Клеопатра! не гляди на меня такъ... не я загналъ тебя въ склепъ твоей пирамиды... рокъ проклятый!»...

— Кто это кричитъ: на крестъ Ирода! на Голгоѳу! — распять его!.. А! это народъ кричитъ передъ синедріономъ за то, что я казнилъ Іезекію и его шайку... На крестъ Ирода! на Голгоѳу? И вотъ я на крестѣ... мой тронъ — моя Голгоѳа... А Аристовулъ всплылъ на поверхность бассейна... какое бѣлое тѣло! Погрузить, погрузить его опять въ воду, а то Маріамма увидитъ... Нѣтъ, не увидитъ... Медомъ залиты ея прекрасные глаза, а Клеопатра ихъ выколола... Будь ты проклята!.. Нѣтъ, нѣтъ, не я похоронилъ въ склепѣ пирамиды тебя, послѣдній фараонъ... Это тотъ юноша съ глазами сфинкса... А теперь онъ — властитель міра, а у меня — только Голгоѳа и крестъ... О, Антипатръ! — о, дѣти мои! — жены, внуки! — будьте вы всѣ прокляты!.. А кто меня проклялъ!.. Гирканъ, первосвященникъ безъ ушей... онъ проклялъ.

Этотъ бредъ переходилъ въ изступленіе. Сознаніе неизбѣжности смерти превращало его въ бѣшенаго звѣря.

— А! — вы ждете моей смерти — смерти вашего царя!.. Такъ я-же буду вамъ не іудейскимъ царемъ, а скиѳскимъ... Когда я буду умирать, я велю привести въ Иродіонъ всѣхъ знатнѣйшихъ мужей и юношей со всей Іудеи и велю распять ихъ вокругъ всего Иродіона, чтобы лица ихъ обращены были ко мнѣ, а свой смертный одръ прикажу вынести со мной на кровлю

моего дворца, и, умирая, буду видѣть, какъ умираютъ они... Вокругъ могилы скиѳскаго царя стоятъ на мертвыхъ коняхъ пятьдесятъ убитыхъ скиѳовъ, а вокругъ моего золотого смертнаго одра будутъ висѣть пять тысячъ распятыхъ...

Въ полубреду, въ полусознаніи, онъ машинально подошелъ къ окну. Ему бросилась въ глаза Елеонская гора съ ея опаленной солнцемъ сѣрой вершиной и сѣдоватыми оливковыми деревьями Геѳсиманіи у ея пологаго подножія. Ближе — высился храмъ во всей его чудной красѣ, съ его галлереями, колоннадами, портиками... Въ сердцѣ Ирода проснулась гордость строителя этого новаго чуда свѣта!.. Тамъ-же сверкалъ на солнцѣ гигантскій золотой орелъ.

Но что это на кровлѣ храма? — Какіе-то люди... Что они дѣлаютъ тамъ? — зачѣмъ взобрались на кровлю надъ самымъ римскимъ орломъ, который водруженъ тамъ по повелѣнію Ирода? — Они по канатамъ спускаются къ самому орлу... Они рубятъ его топорами!.. Что это? — Опять бредъ?.. Будьте вы прокляты, всѣ мои видѣнія, всѣ призраки!.. Но это не призраки... Я не сплю — не брежу... Орла рубятъ... Я слышу радостные крики народа...

— Эй! кто тутъ! — Рамзесъ! — стража!

Входитъ Рамзесъ. — «Посмотри — что это на храмѣ? — что они дѣлаютъ?»

— Рубятъ орла, господинъ... Чернь бунтуетъ... Начальникъ галатовъ ужъ поспѣшилъ туда съ отрядомъ.

— Привести ко мнѣ главныхъ бунтовщиковъ! — О, я еще покажу имъ себя!

Немного погодя, къ внѣшней дворцовой галлереѣ галаты пригнали около сорока молодыхъ іудеевъ и съ ними двухъ старыхъ вѣроучителей изъ фарисеевъ, Іуду и Матѳія, которые пользовались громаднымъ авторитетомъ не только въ Іерусалимѣ, но и во всей Іудеѣ. Иродъ вышелъ къ нимъ на галлерею. Его удивилъ смѣлый, даже веселый видъ арестованныхъ юношей.

— Вы-ли это дерзнули разрубить золотого орла? спросилъ ихъ Иродъ.

— Мы!—въ одинъ голосъ отвѣчали арестованные.

— Кто вамъ это внушилъ?

— Законъ отцовъ нашихъ,—былъ отвѣтъ, но не смиренный, а какой-то задорный, радостный, приведшій Ирода въ недоумѣніе.

— Почему-же вы такъ веселы, когда васъ ждетъ смерть? — спросилъ онъ.

— Послѣ смерти насъ ждетъ лучшее счастье,— отвѣчали юноши.

Иродъ пожалъ плечами. Его поразила такая стойкость, такая несокрушимость народной воли. Онъ обратился къ старикамъ, которые съ ободряющей улыбкой смотрѣли на юношей.

— Это вы научили ихъ?—вы подвинули на преступленіе этихъ почти дѣтей?—спросилъ онъ.

— Мы! — отвѣчалъ Іуда.

— Но, вѣдь вы толкаете ихъ въ объятія смерти!

— Да! — отвѣчалъ Матѳій: — мы толкаемъ ихъ въ объятія смерти... Но что можетъ быть почетнѣе и славнѣе, какъ умереть за завѣты отцовъ! — Кто такъ кончаетъ, того душа остается безсмертной и вкушаетъ

вѣчное блаженство... Только дюжинныя личности, чуждыя истинной мудрости и не понимающія какъ любить свою душу, предпочитаютъ смерть отъ болѣзни смерти подвижнической.

— Хорошо!— вскричалъ Иродъ, въ которомъ опять закипѣла болѣзненная злоба: — я доставлю это удовольствіе вамъ и всѣмъ недюжиннымъ личностямъ!

Дѣйствительно, на другой-же день Іуду и Матѳія и съ ними тѣхъ юношей, которые были на кровлѣ храма и разрубили римскаго орла, сожгли живыми на кострѣ, а остальныхъ распяли на крестахъ.

Послѣ этого случая, — говоритъ іудейскій историкъ,—болѣзнь охватила все тѣло Ирода и въ отдѣльныхъ частяхъ его причиняла ему самыя разнообразныя страданія. Его мучила лихорадка, а на всей поверхности кожи онъ испытывалъ невыносимый зудъ, а равно постоянныя боли въ задне-проходной кишкѣ; на ногахъ у него образовались отеки, какъ у людей, одержимыхъ водянкой, на животѣ — воспаленіе, а въ срамной области гніющая язва, питавшая червей. Ко всему этому наступали припадки удушья, лишавшіе его возможности лежать, и судороги во всѣхъ членахъ. Мудрецы объясняли его болѣзнь небесной карой за смерть законоучителей. Онъ-же самъ, несмотря на отчаянную борьбу съ такой массой страданій, цѣпко держался за жизнь: — онъ надѣялся на выздоровленіе и думалъ о средствахъ леченія. Онъ отправился на ту сторону Іордана, чтобы воспользоваться теплыми купаньями въ Каллироѣ, вода которой течетъ въ Мертвое море и до того прѣсна, что ее можно также и пить. Врачи пред-

полагали здѣсь согрѣвать все его тѣло теплымъ масломъ. Но когда его опустили въ наполненную масломъ ванну, въ глазахъ у него помутилось и лицо его искривилось, какъ у умирающаго. Крикъ, поднятый слугами, привелъ его, однако, опять въ сознаніе. Но съ тѣхъ поръ онъ уже самъ больше не вѣрилъ въ свое исцѣленіе и велѣлъ раздать воинамъ по пятидесяти драхмъ каждому, а начальникамъ и друзьямъ своимъ болѣе значительныя суммы.

Прибывъ на обратномъ пути въ Іерихонъ,—говоритъ далѣе тотъ же историкъ,—Иродъ въ своемъ мрачномъ настроеніи, желая какъ будто бросить угрозу самой смерти, предпринялъ безбожное дѣло. Онъ приказалъ собрать знатнѣйшихъ мужей со всѣхъ мѣстъ Іудеи и запереть ихъ въ ипподромъ; затѣмъ призвалъ къ себѣ сестру свою Саломею и мужа ея Алексу, своего любимца... Саломеѣ такъ и не удалось соединить свою судьбу съ романтическимъ «сыномъ Петры»—Силлаемъ, котораго ненавидѣлъ Иродъ.

— Я знаю,— сказалъ онъ Саломеѣ и Алексѣ,—что іудеи будутъ праздновать мою смерть, какъ юбилейное торжество... Однако, мнѣ могутъ устроить и трауръ и блестящую погребальную процессію, если только вы пожелаете исполнить мою волю... Какъ только я умру, тогда вы оцѣпите воинами тѣхъ заточенныхъ въ ипподромѣ и прикажите какъ можно скорѣе изрубить ихъ... Пусть вся Іудея и каждое семейство, противъ своей воли, плачутъ надъ моею смертью...

Съ злодѣемъ послѣ этого сдѣлался глубокій обморокъ.

Очнувшись черезъ нѣсколько минутъ, онъ увидѣлъ вокругъ своего ложа встревоженныхъ врачей, Саломею и сыновей Архелая и Филиппа, только что воротившихся изъ Рима. Юноши стояли на колѣняхъ, держа въ своихъ рукахъ холодныя руки отца. Иродъ поглядѣлъ на нихъ угасшимъ взоромъ.

— А—это вы... Что императоръ?—слабымъ голосомъ спросилъ онъ.

— Шлетъ тебѣ привѣтъ и посланія самыя дружескія,— отвѣчалъ Архелай.

— А что Акма?

— При насъ надъ нею совершена была казнь.

— А!—Глаза Ирода блеснули:—и умирая онъ думалъ только о мести. При видѣ врачей новое злое чувство шевельнулось въ душѣ изверга:—А! вы не умѣли облегчить меня,—подумалъ онъ своимъ кровожаднымъ мозгомъ,—такъ я облегчу васъ... Вы со мною пойдете въ загробный міръ... Какъ хорошъ обычай у скиѳовъ.. за царемъ—всѣ!..

— Императоръ согласенъ на казнь Антипатра,— поспѣшила Саломея сообщить братцу радостную вѣсть.

— А!—только я хочу самъ видѣть его казнь... Вы обѣщаете влить въ меня столько силы, чтобы я самъ могъ убить своего преступнаго сына?—обратился онъ къ врачамъ.

— Обѣщаемъ, царь.

Онъ махнулъ рукой, чтобы всѣ вышли, и закрылъ глаза. Въ болѣзненномъ мозгу его, какъ въ разбитомъ вдребезги зеркалѣ, безпорядочно отражались картины прошлаго, лица, событія, гдѣ дѣйствительность пере-

путывалась съ бредомъ... Раби Элеазаръ—гдѣ онъ?—гдѣ его бѣлый голубь?.. Парѳяне съѣли голубка... А тотъ голубокъ, что выпалъ изъ гнѣзда?.. Іудея выпала изъ гнѣзда, а я ее поднялъ... а она меня ненавидитъ... Будь-же ты проклята!.. Гдѣ-жъ раби Элеазаръ?.. А!—я велѣлъ Соему убить его... не води Маріамму и Аристовула, маленькихъ, къ гробницамъ пророковъ... съ того дня она и возненавидѣла меня — Соемъ сказалъ... Меня тогда судилъ синедріонъ... Меня! Ирода!—вотъ я васъ!.. Это іудеи точатъ мое тѣло... іудеи—черви!.. Громи Римъ, Мессала, громи за Ирода... А гдѣ тотъ ядъ, что я нашелъ въ рукояткѣ меча Малиха?— Его выпилъ египтянинъ? Нѣтъ, египтянинъ выпилъ свой ядъ... Вотъ-бы мнѣ такого —разомъ смерть!.. Нѣтъ, я не хочу смерти... Я выздоровѣю и поѣду въ Римъ, въ Идумею, въ Петру, въ Египетъ... Хочу видѣть всѣ мѣста, гдѣ я былъ молодымъ... Пирамиды, сфинксы, Нилъ... На Форумѣ побываю... Юпитеръ! оживи меня... я въ Капиталіѣ вылью тебя изъ чистаго золота... А орла разрубили... Это Юпитеровъ орелъ—я новый воздвигну надъ храмомъ... Дѣти воротились изъ Рима... Архелая назначу царемъ... Нѣтъ! — рано еще — я самъ царь... О, посмотрю, какъ ты будешь умирать, мой первенецъ!.. А какъ я радовался, когда мнѣ его родила Дорида... радовался рожденію ехидны... Отчего-же мы всѣ любили своего отца? А! понимаю!—оттого, что онъ не былъ царемъ... Золотой обручъ на головѣ ослѣпляетъ людей... вѣнецъ притягиваетъ къ себѣ мечи, кровь, ядъ»...

Онъ открылъ глаза и, къ удивленію своему, почув-

ствовалъ, что какъ будто сталъ бодрѣе и грудь дышала болѣе свободно. Онъ всталъ и подошелъ къ окну. При видѣ открывшейся передъ нимъ картины ему страстно захотѣлось жить, двигаться, дѣйствовать. Эти букеты пальмъ, группами разбросанныхъ въ долинѣ Іордана, эти роскошныя бальзаминовыя рощи, сѣроватая и яркая зелень вербъ и олеандровъ въ цвѣту, окаймлявшая теченіе Іордана, правѣе — гладкая какъ зеркало, свинцовая поверхность Мертваго моря, а за нимъ — причудливые изломы Моавитскихъ горъ, какъ-бы падавшихъ въ море, ярко-бирюзовое небо Заіорданья и доносившіеся издали отзвуки жизни, — все это манило его къ себѣ неотразимой силой.

А между тѣмъ капризная память съ неотразимой настойчивостью переносила его воображеніе въ прошлое. Въ умѣ вставали лица и событія, заполнившія собою всю его жизнь, — лица, сросшіяся съ его существованіемъ и, между тѣмъ, оторванныя отъ него смертью, — лица и близкія ему и далекія, дорогія и враждебныя, друзья и враги... Всѣхъ унесла смерть, оставивъ его одного жить и... питать собою червей — при жизни!.. Цезарь — заколотъ, Брутъ и Кассій — заколоты, Антоній — заколотъ, Клеопатра — заколота зубомъ ехидны, отецъ — отравленъ Малихомъ, Малихъ — заколотъ Люпусомъ, Помпей — лишенъ головы, Фазаэль — разбитъ о скалу, Антигонъ — обезглавленъ, Гирканъ — зарѣзанъ, Аристовулъ — утопленъ, Маріамма — заколота въ спину, Элеазаръ — зарѣзанъ, Іосифъ, братъ — обезглавленъ, Іосифъ, мужъ Саломеи — убитъ, Соемъ — убитъ, Іуда фарисей и Матѳій — сожжены живыми,

Акма — казнена, дѣти его — Александръ и Аристовулъ — удавлены.

— Будь ты проклята, жизнь! — прошепталъ онъ, отворачиваясь отъ окна.— Рамзесъ!

На зовъ его явился негръ.

— Принеси яблокъ,—какъ всегда,—сказалъ Иродъ. Яблочная кислота облегчала его, уменьшая сухость во рту.

Рамзесъ принесъ яблоки на золотомъ блюдѣ, тарелку и ножъ, и поставилъ все это у постели Ирода.

— Прикажи всѣмъ готовиться къ отъѣзду въ Іерусалимъ,— сказалъ послѣдній, взявъ ножъ и яблоки.

Когда Рамзесъ удалился, Иродъ осторожно оглядѣлся кругомъ—нѣтъ-ли кого въ опочивальнѣ. Замѣтивъ, что никого не видно, онъ быстро занесъ надъ собою руку съ ножомъ, чтобы поразить себя въ сердце; но въ этотъ моментъ словно изъ земли выросъ Акиба-Ахіавъ, сынъ Фазаеля, и схватилъ его за руку.

— О! — застоналъ Иродъ: — дайте мнѣ умереть!.. Прочь, Акиба! — пусти! — я царь!.. Я велю себѣ умереть!.. Я хочу казнить себя! Пусти! — я твой царь!

На крикъ Акибы прибѣжали Саломея, Алекса, Архелай, Филиппъ, Антипа, врачи, евнухи. Рамзесъ, упавъ на колѣни, рвалъ свои курчавые негритянскіе— волосы. «О, о! я подалъ ему ножъ. Онъ приказалъ»!..

Вопли рабынь огласили весь замокъ. Всѣ думали, что онъ умеръ, зарѣзался.

Въ это мгновеніе въ опочивальню вбѣжалъ начальникъ караула той части замка, гдѣ, закованный въ кандалы, сидѣлъ Антипатръ въ ожиданіи казни.

— Царь живъ! — Хвала Господу! — воскликнулъ онъ въ тревогѣ. — А то Антипатръ...

— Что Антипатръ? встрепенулся Иродъ — откуда и сила взялась почти у умирающаго.

— Царевичъ услыхалъ вопли... подумалъ, что ты скончался... просилъ стражу расковать его... но я не велѣлъ... я.

— А! расковать!.. Стражи! — крикнулъ Иродъ не своимъ голосомъ: — сейчасъ-же убить его... Антипатра... убить какъ собаку... Я хоть часомъ хочу пережить отцеубійцу... скорѣй, скорѣй!..

И онъ безъ чувствъ повалился на изголовье.

Началась медленная агонія, которая длилась еще пять дней. Иродъ то впадалъ въ безпамятство и бредилъ, то приходилъ въ сознаніе и дѣлалъ послѣднія распоряженія.

— Императору отправить мой перстень съ печатью и тысячу талантовъ... А! — это ты, Архелай... Тебя я назначаю царемъ... не обижай братьевъ... Гдѣ Филиппъ?

— Я здѣсь, отецъ... Я молюсь о твоемъ выздоровленіи.

— Поздно... Мнѣ предѣлъ положенъ... Тебя я назначаю наслѣдственнымъ княземъ Трахониты, Батане и всего Заіорданья, чѣмъ владѣлъ братъ Фероръ... Когда будешь тамъ, посѣти то поле, гдѣ разсѣяны кости двѣнадцати тысячъ арабовъ, которыхъ я поразилъ послѣ землетрясенія... Антипу я назначаю тетрархомъ...

А! это ты, Саломея... Одна ты остаешься изъ моихъ единокровныхъ... Фазаель, Іосифъ, Ферорь — въ загробной области... Помнишь мою волю, сестра, послѣднюю волю?

— Помню, мой возлюбленный братъ.

— Въ ипподромѣ всѣхъ... нѣтъ, лучше на крестъ всѣхъ... вокругъ Иродіона... Я буду тѣмъ мѣднымъ зміемъ въ пустынѣ, а они будутъ воздѣвать ко мнѣ руки.

Онъ начиналъ бредить, когда страданія усиливались.

— На кровлѣ замка я слышу филина... Онъ не даетъ мнѣ спать... Убить его... Его слышали и на пирамидѣ Хеопса... Это было передъ смертью Аписа... Глупый быкъ! — на Цезаря хотѣлъ броситься... Чорный братъ Рамзеса... какъ онъ ловко убилъ льва... habet!.. А! Манассія бенъ-Іегуда... на крестъ его, на крестъ!

То ему представлялось, что онъ убѣгаетъ отъ преслѣдованія парѳянъ и Антигона, томится въ пустынѣ между Петрой и Ринокоруройили стоитъ въ Пелузіѣ на берегу моря.

— Не гляди на меня зелеными очами, море... не грози мнѣ... Тамъ, за этими зелеными водами, Римъ... Рамзесъ!

— Я здѣсь, господинъ, — Я молюсь всѣмъ богамъ Египта и Нубіи, чтобы они исцѣлили тебя.

— Подай ножъ и яблоки.

Рамзесъ снова рветъ свои сѣдые, курчавые волосы.

— Онъ бредитъ, — тихо говоритъ Саломея.

Наступилъ приступъ удушья. Это было утромъ мѣсяца 2-го шевата. На этотъ разъ припадокъ продол-

жался особенно долго, и когда кончился кашель, Иродъ едва могъ дышать.

— Гдѣ я?—спросилъ онъ, поводя по сторонамъ помутившимся взоромъ.

— Въ Іерихонѣ, возлюбленный братъ мой и царь,— отвѣчала Саломея.

— Въ Іерихонѣ? — А не въ Іерусалимѣ?

— Въ Іерихонѣ, царь,— подтвердилъ Алекса.

— Я хочу въ Иродіонъ... въ мой городъ...

Снова начинался приступъ удушья — послѣдній приступъ. Иродъ, казалось, чувствовалъ это, и собралъ послѣднія силы.

— Тѣхъ, что въ ипподромѣ... всѣхъ на крестъ...

Онъ не договорилъ своего безбожнаго приказа:— тѣло его судорожно вытянулось, и смрадное дыханіе Ирода вылетѣло изъ его груди вмѣстѣ съ жизнью. По лицу прошла тѣнь — то была смерть.

— Сейчасъ, не медля ни минуты, пока воины не узнали о его кончинѣ, иди и объяви приказъ царя — освободить всѣхъ заключенныхъ въ ипподромѣ,— быстро сказала Саломея мужу,— а потомъ въ присутствіи войска и народа вскроемъ его духовное завѣщаніе.

Взглядъ ея, провожавшій мужа, ясно говорилъ: — «Теперь я и тебя отправлю за твоимъ царемъ, и ужъ никто не помѣшаетъ мнѣ, наконецъ, сдѣлаться женою сына Петры».

Когда Алекса воротился и объявилъ, что всѣ заключенные освобождены изъ ипподрома, Саломея, призвавъ царевичей, объявила имъ, что прежде всего нужно тѣло умершаго царя перенести на парадную его по-

стель, а потомъ выставить всенародно и уже надъ тѣломъ прочитать послѣднія распоряженія умершаго. Затѣмъ тотчасъ-же дать знать въ Іерусалимъ о кончинѣ царя и велѣть прибыть въ Іерихонъ всѣмъ женамъ Ирода съ дѣтьми и другими родственниками.

Въ Іерусалимъ тотчасъ-же полетѣли гонцы, а послѣ полудня іерихонскій дворецъ и дворцовая площадь были переполнены членами царскаго семейства, придворными чинами, вольноотпущенниками, евнухами, рабами, тѣлохранителями изъ галатовъ, германцевъ, ѳракійцевъ и римлянъ.

Наконецъ, при общемъ плачѣ, конечно, притворномъ, тѣло Ирода вынесено было къ народу. Оно покоилось на парадной изъ массивнаго золота кровати, украшенной драгоцѣнными камнями Индіи и другихъ восточныхъ странъ; покрывало на ней — изъ чистаго пурпура съ яркими золотыми узорами; тѣло Ирода, лежавшее на этомъ великолѣпномъ покровѣ, было задрапировано алымъ сукномъ. Голову Ирода обвивала діадема, а надъ нею лежала золотая корона, стоившая столько крови Іудеѣ и другимъ странамъ. Въ правую мертвую руку Ирода была вложена держава, со которою рука мертвеца не должна была разставаться и въ могилѣ.

Когда, по знаку Саломеи, фальшивые вопли смолкли, хранитель царской печати и перстня выступилъ впередъ и торжественно провозгласилъ:

— Да будетъ прославлено имя царя Ирода во вѣки вѣковъ изъ конца въ конецъ вселенной! Утѣшьтесь, убитые горемъ іудеи, и вы, воины его, и помолитесь

Всевышнему объ успокоеніи праведной души великаго Ирода на лонѣ Авраама!

Затѣмъ онъ прочелъ рескриптъ Ирода къ войску, которому онъ напоминалъ о непоколебимой вѣрности его наслѣдникамъ — царю Архелаю, владѣтелю Іудеи и Самаріи; Антипѣ — тетрарху Галилеи и Переи; Филиппу — князю Трахонитиды, Гавлопитиды, Батанси и Панеи со всѣмъ Заіорданьемъ, и царевнѣ Саломеѣ — владѣтельницѣ Іамніи, Азота и Фазаелиды.

Громкіе привѣтственные крики огласили воздухъ, когда впередъ выступилъ юный царь, Архелай, въ порфирѣ и со скипетромъ въ рукахъ, — и тотчасъ-же похоронная процессія двинулась къ Иродіону вдоль іерихонскаго берега Мертваго моря. Вся многочисленная семья Ирода — дѣти его, сестра, жены и весь сонмъ родственниковъ съ придворными чинами окружали парадную кровать, несомую галатами. Войско Ирода въ полномъ вооруженіи предшествовало печальному кортежу; тѣлохранители-же царя — галаты, ѳракійцы и германцы слѣдовали непосредственно за тѣломъ бывшаго своего вождя. За ними — пятьсотъ вольноотпущенниковъ и рабовъ, которые по всему пути сожигали благовонія, а рабыни оглашали знойный воздухъ притворными воплями.

Такъ кончилъ Иродъ, которому льстивая исторія придала эпитетъ Великаго забывъ—повторяю—пополнить этотъ эпитетъ болѣе достойнымъ его словомъ — Злодѣя.

2007054419